

ИРИНА КОТОВА

9

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

ТОРЬКИЙ ПЕПЕЛ

Ирина Владимировна Котова
Королевская кровь.
Горький пепел

Серия «Королевская кровь», книга 9
Серия «Терра Котовой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41094048
Королевская кровь-9. Горький пепел / И. Котова: Издательские
технологии / RUGRAM; Москва; 2022
ISBN 978-5-517-00815-2

Аннотация

В самые темные времена, из самого горького пепла прорастают смелость, самоотверженность и воля... Каждый ведет свою битву: одни защищают Туру на поле боя, другие в тылу – спасая солдат, помогая мирным жителям. Кого-то война заставляет принять свою силу и место, а кого-то -от усталости и боли совершать непоправимые ошибки. Но главное испытание разворачивается не на Туре, а в далеком мире, где двое путников идут к отверженному богу. И только от того, дойдут ли они живыми, зависит, закончится ли эта война.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	36
Глава 3	77
Глава 4	100
Глава 5	139
Глава 6	168
Глава 7	190
Конец ознакомительного фрагмента.	211

Ирина Котова

Королевская кровь.

Горький пепел

© Ирина Котова, текст, 2022

© Вероника Акулич, иллюстрации, 2022

© Анна Ларюшина, иллюстрации, 2022

© Елизавета Метлинова, иллюстрации, 2022

© Яна Кшановская, иллюстрации, 2022

© Мария Шкуренко, иллюстрации, 2022

© Алена Цой, иллюстрации, 2022

© Елена Сова, серийное оформление и обложка, 2022

© RUGRAM, 2022

© T8 Издательские технологии, 2022

* * *

Часть первая

Глава 1

Из доклада связного армии иномирян тха-нора Арвехии императору Итхир-Касу

«Мой император. Целую край твоих одежд и спешу доложить, что генерал Ренх-сат почти добился успеха. До полного захвата страны, называемой Инляндия, его отделяет три клочка земли и три горстки сопротивляющихся. Он припадает к краям

твоего плаща и обещает, что не пройдет и двадцати восходов лун, как вся страна будет в твоей власти. Он шлет тебе тысячу рабов и десять сундуков с сокровищами, а своей невесте, твоей несравненной внучке Анлин-Кас, триста рабов и шесть сундуков с украшениями, взятыми в захваченных городах.

Мой император. Твой верный генерал Манк-теш сообщает, что в стране, называемой Блакория, все еще держатся морозы, и продвижение идет медленно, а сопротивляются нашей армии ожесточенно. Он склоняет голову перед твоим гневом и просит твоей милости и подкрепления. Отправленные на подмогу отряды почти полностью перемолоты в битвах, пусть справедливы будут к их душам боги.

Мой император. В стране, называемой Вермонт, наши войска закрыты в горах льдом и снегами, а попытки продвижения не имеют успеха. Враги осыпают твою армию небесным огнем, а по ночам в лагере появляются страшные звери, загрызают и похищают солдат, портят снаряжение. Генерал Харол-тон припадает к краю твоего плаща и спрашивает, не разумнее ли им вернуться через переход и присоединиться к другим частям армии, чем умирать в бездействии от холода и голода? Если же будет воля твоя прислать подкрепление, то они готовы пойти на прорыв во имя твое и завоевать для тебя эту землю или отдать жизни.

Мой император. В морозной части страны, называемой Рудлог, ситуация сложная: большой

город Лесовина еще не взят, а наши войска хоть и захватывают новые территории, но быстро тают из-за коварных действий противника и сильных колдунов, которых пленные из местных называют магами. Генерал Виса-асх тоже просит о подкреплении. В теплой же части этой страны идут победоносные бои, захваченная тиодхаром Тенимином земля растет, и армия продвигается к столице — во славу твою, великий тха-нор-арх.

Мой император. Оставшиеся армии ждут, пока откроются еще два портала. Сферы лежат спокойно, мерцания не видно, и не беспокоятся рядом животные. Время еще не пришло».

Из обращения императора Итхир-Каса к своим генералам

«Верные псы мои, слава и сила Лортаха! Говорил я с богами. Приняв жертвенную кровь, открыли они мне, что недолго осталось до их прихода в новый мир, дабы помочь вам. Молитесь, готовьтесь к их появлению, бейтесь хорошо, и я награжу вас, и они не оставят без награды. Поведали они мне и что скоро откроются переходы у оставшихся сфер, и все наши войска смогут вступить в победоносную войну. Боги недовольны, что продвижение замедлилось, поэтому слушайте меня: нам дадут новое оружие, с которым мы захватим этот мир за декаду, и я сам при открытии следующих врат возглавлю одну из армий, чтобы сокрушать врагов и вести вас за собой».

В холме под лакшийским храмом клубилась тьма. Старые боги, жестокие боги, творили новое оружие: из мертвой крови и плоти, которыми здесь пахло, боли и страха, из духа жизни, что впитали они за тысячелетия жертвоприношений.

Боги спешили: Лортах был иссушен ими и ослаблен, и скоро должно было настать время, когда они не смогут существовать, даже приняв в жертву всех жителей этого мира. Нет, им нужна была новая планета, полная энергии, и поэтому все силы они бросили в свои армии и с нетерпением ждали момента, когда порталы укрепятся настолько, что смогут пропустить их.

После разведки в новом мире одна из их теней была уничтожена. Три оставшихся бесконечно скользили над лесами побережья материка Ларта, надеясь найти беловолосую девушку, о которой было предсказано, что нельзя ее выпускать на Туру, иначе захлопнутся порталы. Пусть ловчие доложили, что девушка и ее защитник, скорее всего, погибли, – нужно было убедиться в этом. Но боги не могли обнаружить беглецов: чужак, давно вторгнувшийся на Лортах и запертый в горной долине, прикрывал свои поселения и область далеко за ними от ищущих взглядов. Зато беглецов, если они еще были живы, могли поймать люди – и обязаны были поймать.

15 марта по времени Туры, Лортах

– Огонь?

– Ронха.

– Дом?

– Орен.

– Император?

– Тха-нор-арх. – Алина пнула небольшой камешек, который, попав в ближайший папоротник, отскочил от него, спугнув мелкую пташку, и вздохнула. – Я давно запомнила эти слова, профессор. Все же в этом языке слишком много шипящих и глухих. И почему-то каждое третье слово с приставкой «тха». Скажите лучше, что она значит?

– Тха – это «огромный», – терпеливо пояснил Тротт.

– Ага, – Алинка повеселела, – а «нор» – это «аристократ». А арх... арх – благословенный. То есть тха-нор-арх – самый большой и благословенный богами аристократ?

– Верно.

– А тха-охонг – «огромный охоиг», – увлеченно продолжала принцесса.

– Верно.

– А тха-орен – дворец! – она дунула на пряди, упавшие на лицо.

– Я уже понял, что вы поняли, Богуславская, – едко проговорил инляндец, и она воздела глаза к небу, нарочито обиженно надув губы. «Ну вы и зануда, лорд Макс» не прозвучало вслух, но мысли спутницы были так же очевидны, как и

то, что солнце клонится к горизонту.

Макс воспользовался паузой, чтобы оглядеться и прислушаться. Теперь он постоянно существовал в режиме сканирования окружающего пространства. Даже во сне расслабиться не получалось.

С момента их прыжка со скалы прошел почти месяц, а они все еще не дошли до поселения дар-тени. И не потому, что Богуславская задерживала их, – наоборот, она заметно окрепла, мышцы на руках и ногах приобрели рельеф, и теперь принцесса куда легче выдерживала и полноценные дневные переходы, и вечерние тренировки. Но влажный папоротниковый лес кишел охонгами и отрядами из твердыни Аллипа, посланными навстречу. А в спины дышали ловчие из отряда старого знакомого, нора Хенши.

Хорошо, что Охтор за прошедшие годы исходил лес между холмами и поселением вдоль и поперек и знал в нем каждый папоротник. Пришлось петлять, чтобы обходить засады и чутких охонгов, замечать следы, отказываться от разведения костров. Беглецы то прятались от отрядов ловчих в убежищах, вымазавшись мускусными железами местного мелкого оленя – только чтобы не учуяли охонги, – то шли ночами, пробираясь почти вплотную к чужим отрядам или обходя их по мелкому морю. Все это удлинило время пути больше чем вдвое. И Макс прекрасно понимал: то, что их до сих пор не поймали, – невероятная удача.

Он начал учить Алину Рудлог местному языку сразу после

того, как они вплавь добрались от скалы, в пещере которой провели день, до берега, покрытого папоротниковым лесом. Когда Тротт очнулся в нагретой пещере, обнимая горячую принцессу, крепко спящую у него на коленях, он долго слушал ее дыхание, не двигаясь, чтобы не разбудить, и ругал себя за то, что не подумал об изучении языка раньше. Погибни он на холмах, и как бы она смогла объясниться с главой поселения, даже если бы у нее получилось дойти до него?

А когда проснулась она, сонная и раскрасневшаяся, с прилипшими от жары ко лбу волосами, и посмотрела на него зелеными туманными глазами, в которых были и воспоминания о прошедшей ужасной ночи, и усталость, и смиренная готовность идти дальше, а потом улыбнулась подбадривающей улыбкой, так похожей на улыбку Михея, – Макс понял, что не имеет права погибнуть, прежде чем выведет ее отсюда. Потому что без него она точно никуда не дойдет.

Тротт там же, в пещере, заставил ее еще раз попытаться вернуться на Туру, но ничего не вышло. Как и до этого, как и после этого.

Богуславская несколько дней после ночного перехода была необычайно тихой и испуганной – и в глазах ее появилось какое-то новое, серьезное и печальное выражение. Она периодически остро поглядывала на Макса, но молчала, пока он не выдержал:

– Спрашивайте, Алина.

Принцесса покачала головой и ничего не ответила.

И только ночью, привычно уже прижавшись к нему спиной в очередной норе, пахнущей сухим мхом и древесной щепой, тихо проговорила:

– Нам ведь не выбраться отсюда, да, лорд Макс?

– Вы внезапно осознали серьезность нашего положения, Богуславская? – с намеренным едким недоумением произнес он. – Мне казалось, скорость вашего мыслительного процесса быстрее.

Их голоса в маленьком убежище, вокруг которого расстилась ночь, звучали глухо и почти неслышно.

– Не бурчите, – прошептала она укоризненно и затихла. Но не заснула – и Тротт, скривившись, коснулся ее руки и сказал:

– Это сложно, Алина. Но не невозможно. Мы не должны были дойти даже до холмов – но мы дошли и прошли их. Надеюсь, удача и дальше будет нам сопутствовать, а я сделаю все, чтобы вы вернулись на Туру.

Ее пальцы в его ладони дрогнули.

– Как хорошо, что вы есть. – Она тяжело вздохнула, явно заставляя себя расслабиться, и нарочито бодро поинтересовалась: – А вы возьмете меня на стажировку, когда мы вернемся?

– Возьму, Алина.

– И в лабораторию свою пустите?

– Конечно.

Она хмыкнула.

– Вы сейчас все что угодно пообещаете, да?

– Да. – Принцесса не видела его мимолетной улыбки.

– Я подумаю, что у вас попросить, – пробормотала она довольно. – Потом. Обязательно что-нибудь придумаю.

На следующий день она снова была собой – любознательной и бодрой Богуславской. Только глаза оставались взрослыми – так бывает у побитых жизнью подростков и у бродячих собак. Но иномирянские слова повторяла бойко и опять сыпала вопросами.

– Неужели все здесь говорят на одном языке? – удивлялась принцесса. – У нас на одном материке несколько десятков языков и диалектов, а здесь – один?

– Это империя, – объяснил Макс. – Которая существует очень давно. Поэтому есть умирающие местные языки и есть общий, на котором в основном и говорят. Свою роль сыграло и постоянное подтопление материка. Каждый год многие поселения снимаются со своих мест и идут в центр, а там языки перемешиваются, ассимилируются.

У принцессы оказалась превосходная память, и сейчас, спустя три недели, она уже худо-бедно могла изъясняться на языке Лортаха. Иногда Макс требовал разговаривать с ним и отвечать ему только на лорташском, и Богуславская очень забавно воспринимала это как вызов – она упорно пыталась объяснить даже в то время, когда ее словарь состоял из пары-тройки сотен слов. Впрочем, она любила вызовы,

это он заметил.

В округе было спокойно. Сейчас они пробирались по чаще, где старые папоротники росли так кучно, что охонгу было не пройти. Но здесь отсутствовали источники воды – к ближайшей речушке беглецы должны были выйти завтра к вечеру, а пока приходилось экономить то, что есть во флягах, и обходиться без умываний.

Наступила темнота, на листьях папоротников замерцал отблеск первой поднимающейся луны. Принцесса шла молча, сосредоточенно, почти не пыхтя, – теперь они двигались еще пару часов после наступления темноты, чтобы оторваться от преследователей. Она, конечно, устала и, когда думала, что он не видит, терла глаза и тихонько вздыхала. Но после того как Макс скомандовал: «Привал», – уселась на землю, вытерла лицо влажной тряпочкой – воды во флягах оставалось чуть больше половины, – немного отдохнула и без напоминания тяжело поднялась на ноги. Заниматься.

Одновременно с изучением языка Тротт начал учить ее бою с ножом. Оружие принцесса держала неправильно, как бить – не понимала, училась с трудом и долго не могла себя заставить замахнуться на наставника. Она ранилась о лезвие, роняла острый нож на ноги, с ужасом отбрасывала его, если нечаянно царапала Макса, и отчаянно злилась от того, что у нее не получается. Вот и сейчас: стоит, сжав рукоятку слишком далеко от лезвия и чересчур высоко поднимая руку, – из такого положения не вгонишь оружие под ребра

или в живот, а сил пробить ребра у нее точно не хватит.

– Ниже руку, Богуславская. Согнитесь немного, как я учил. Вот так. А теперь бейте. Бейте, а не тыкайте хаотично и не жмурьтесь! Оттого что вы закроете глаза, противник не исчезнет!

– Я уже говорила, я боюсь вас поранить, профессор, – сгорбившись, объяснила она.

– Вы при всем желании меня не заденете, – сухо ответил Тротт. – А вот того, кто не ожидает атаки, – вполне. Поднимите голову. – Принцесса послушно выпрямилась, сверкая в темноте зелеными глазами. – Прикрывайте тело второй рукой. Крепче хват. Бейте!

Она ударила – и Макс сдвинулся вправо совсем немного, перехватив и вывернув ей ладонь с ножом, зажал принцессу спиной к себе, обхватив рукой над грудью. Богуславская застонала от боли, но не остановилась – пнула его по коленке, неожиданно впилась зубами в предплечье... и так удивилась, когда оказалась на свободе, что застыла, вместо того чтобы бежать.

– Хорошо, – Тротт, поморщившись, потер кожу выше запястья, где наливались красным следы зубов. – Только кушайте сильнее. Вы не за столом, чтобы деликатничать.

Алина фыркнула:

– Да и вы не сильно-то вкусный, профессор. Давайте дальше, а? – она зевнула. – Спать очень хочется.

Пощады спутница теперь не просила и не жалова-

лась. Но ему иногда становилось до невозможного тошно при взгляде на ее прокушенную от боли губу – если слишком сильно выворачивал руки – или на порезы на ее теле. От запаха ее крови Тротта до сих пор кидало в состояние сжатой пружины – хотелось то ли убивать кого-то, то ли крушить все вокруг. Но он сдерживался. Он вообще умел себя контролировать.

После тренировки, когда принцесса остывала, сидя на земле, Макс сообщил:

– Если все будет спокойно, послезавтра переночуем уже в поселении.

– Правда? – Алина даже лицом просветлела, принимая у него из рук ломаную сухую лепешку.

– Правда, – буркнул Тротт, глядя, с какой жадностью она вгрызается в пресное угощение, чуть ли не давясь от голода, запивая его водой и закатывая глаза. – Немного осталось. Надеюсь, удача нам не изменит.

На следующий день Алина бодро пробиралась вслед за профессором по надоевшей чаще. Вокруг было жарко, тихо и мирно. Каких только растений тут не росло! Огромные папоротники принимали самые причудливые формы: они были то со стволем в виде круглой бутылки, увенчанные пышной кроной, то высокие, покрытые чешуйками, как шишки, то витые, то растущие горизонтальными волнами, напоминающими гигантских змей. Ребристые ство-

лы, шарообразные, плоские, кое-где сросшиеся в длинные стены, которые приходилось обходить... И еще сотни видов, от карликовых до гигантских, в сочных листьях и дуплах которых кричали птицы и жужжали насекомые, а у корней то и дело мелькала какая-нибудь местная живность. Чаща постепенно редела и становилась не такой непролазной. Но принцесса почти не обращала на все это великолепие внимания, погрузившись в мечты. Перед ее мысленным взором вставала то удобная кровать с одеялом и подушкой, то ванна, то – верх желаний! – кусок мыла и мочалка, которые она не выпустит, пока не смоет с себя всю грязь. А если еще можно будет сварить суп... Живот свело, пятая Рудлог сглотнула слюну и со стыдом посмотрела на напряженную спину Тротта. О чем она думает? Суп, мыло – когда их в любую минуту могут поймать и убить!

Словно в ответ на ее мысли сверху раздался знакомый гул. Алинка быстро шмыгнула к древесному стволу, привычно распласталась на нем, провожая взглядом едва видимую сквозь большие листья папоротников «стрекозу» со всадником. Оглянулась – лорд Тротт тоже смотрел на улетающего раньяра, и выражение лица его было очень мрачным.

Стоило чудовищу скрыться из виду, как инляндец отошел от ствола, прислушался. Снова раздался гул.

– Еще одна, проф... – начала Алина испуганно, но он прервал ее жестом, поводя головой в стороны и втягивая носом воздух. Шагнул назад, в укрытие, и, когда вторая стрекоза

скрылась, свистяще рывкнул:

– Бегом, Богуславская! Скоро тут будут охонги!

Он побежал, и Алина без слов сорвалась с места, понеслась следом, уже на бегу соображая, что в воздухе действительно едва уловимо тянет муравьиной кислотой. Затем и эти мысли ушли – она, подавляя желание оглянуться, сосредоточилась на удержании ровного дыхания и на том, чтобы не споткнуться об очередную осклизлый корень или пеньек. И чтобы не отстать.

Следующие несколько часов превратились в сплошной бег с небольшими передышками.

Тротт бежал, перепрыгивая через коряги, периодически оглядываясь на принцессу. Где-то в стороне мелькала черная тень – и он перехватывал Алину за руку, дергал за прикрытие стволов, переживал. Слышался гул – и он прижимал спутницу к земле под пышной кроной, сжимаясь сам, – и тут же тянул ее дальше, когда раньяр пролетал мимо.

Принцесса не жаловалась. Она сосредоточенно дышала, слушалась его безмолвных команд и, похоже, даже бояться не успевала.

Лес шумел, лес скрипел, сообщая чуткому уху Макса о том, что полон чужаков. С разных сторон под лапами охонгов трещали ветки и хлюпала вода в лощинках, слышалось верещание, голоса ловчих. Тротта с Богуславской еще не увидели, слава богам и местной буйной растительности, но количество наемников было таким, чтобы и крысозуба

не пропустить.

Деревья росли все реже, а значит, и лес просматривался дальше. Впереди раздалось тонкое верещание охонга – и Макс, резко остановившись, выругался и толкнул Алинку к витому папоротниковому стволу. И шепотом приказал:

– Лезьте вверх, быстро!

Алина даже не стала спрашивать как – хотя папоротник напоминал мясисто-зеленую детскую горку, закручивающуюся по спирали в небеса и там распадающуюся на гигантские листья. Кое-где края «желоба» почти смыкались, где-то расходились – и принцесса, пыхтя, упираясь руками и ногами в ребристую прохладную кору, лезла вверх, слыша позади такое же тяжелое дыхание Тротта и стараясь двигаться поскорее. Внутри папоротника сильно пахло чем-то, напоминающим лавровый лист, смешанный с алоэ.

– Еще! – шипел инляндец, когда Алина останавливалась в страхе, что дрожащие руки подведут и она сорвется вниз, утянув за собой и профессора. – Выше! Иначе нас учуют!

Она лезла и лезла, не обращая внимания на мешающие крылья, пока в очередном витке, пятом или шестом по счету, Тротт не дернул ее за ногу, призывая остановиться.

Здесь желоб-ствол располагался почти вертикально, и края его сходились совсем близко – между ними была щель сантиметров двадцать, не больше. Внутри он напоминал широкую бочку. Алина изо всех сил упиралась руками и ногами в стенки, растопырила и крылья, но руки немели, отка-

зывали.

Снизу слышались голоса.

– Сейчас упаду, профессор, – прошептала Алинка, с отчаянием представляя, как она выкатывается из этой «горки» прямо под ноги преследователей.

– Не вздумайте, – процедил он. Зашевелился – принцесса даже боялась опустить голову, чтобы посмотреть, что он делает, – а инляндец подполз выше, ей за спину, и, упираясь только ногами, достал у нее из ножен кинжал, воткнул рядом с ее рукой.

– Держитесь, – его собственный нож вошел в кору с другой стороны от щели. Алинка вцепилась в рукояти, а Тротт обхватил ее за талию и прижал к себе. Сразу стало легче.

Алина затихла, глядя из укрытия вниз, на землю, где остались два охонга со всадниками. Ей было жарко, за спиной тяжело дышал профессор Тротт – он тоже был горячий и напряженный, и сердце его колотилось так же, как ее собственное.

Люди переговаривались, охонги с тонким верещанием поводили передними лапами в воздухе, крутили треугольными головами.

– У них на лапах обонятельные ворсинки, – неслышно шепнул Тротт на ухо – и она дернулась от щекотки и прикосновения жесткой бороды. Крепкая рука тут же сжала ее сильнее, и Алинка замерла. Ствол от ее движения, как ей показалось, скрипнул просто оглушительно. Но ловчие внизу

не обратили на звук внимания.

– Спокойно, – так же тихо проговорил инляндец. – Мы, конечно, наследили, но запах этого растения перебивает наш, и если следов еще не заметили, то скоро уйдут.

Охонги действительно немного потоптались около их укрытия и пошагали дальше, от одного папоротника к другому, пока не скрылись из виду. Алинка закрыла глаза – от облегчения у нее даже в голове загудело.

А когда открыла, поняла, что звук был реальным. Прямо напротив принцессы, в витке ствола висела гигантская стрекоза. Крылья ее и издавали этот гул, двигаясь так быстро, что выглядели четырьмя смазанными веерами. Челюсть, способная перекусить Алинку, сжималась и разжималась, а два фасеточных глаза, казалось, смотрели прямо на нее.

– Тс-с-с... – рука Тротта сжала принцессу до боли, но она и так затаила дыхание и замерла. Стрекоза гудела, всадник ее, склонившись, что-то искал в седельной сумке. Сейчас, когда первый страх прошел, стало понятно, что раньяр находится чуть выше того места, где затаились беглецы. Листья папоротника отбрасывали густую тень, видимо, поэтому наемник и залетел сюда – спрятаться от солнца. Он достал флягу, начал пить, долго пил, обстоятельно – Алинка успела разглядеть и странную черную кирасу на нем, и сапоги из зеленоватой пупырчатой кожи, и все мельчайшие сочленения тела раньяра. Наконец ловчий протянул руку к заливку «стрекозы», и чудовище с гулом полетело прочь.

Они провели в своем убежище, располагавшемся метрах в двадцати от земли, несколько часов до темноты. Было так жарко, что перед глазами принцессы периодически начинали прыгать черные пятна. Руки и ноги онемели, хотя она отпускала то одну, то другую, разминала, трясла ими. Профессор за спиной был почти недвижим. От запаха папоротника хотелось чихать и текли слезы, кончилась вода, но не это было самым страшным. К папоротнику то и дело выходили охонги или пешие ловчие, их силуэты мелькали среди стволов, а стрекозы так вовсе кружили над лесом, как листоletный полк.

– Украсть бы такую и долететь на ней, – жалобно прошептала Алина, когда очередное крылатое чудовище пролетело мимо.

– Я не знаю, как ими управлять, – сухо признался Тротт. – У охонгов над нервным узлом подвижный вырост, как рычаг, и управлять ими может любой. Но при этом они настроены ментально на хозяина и легко могут сожрать чужака. Хотя и своего-то могут растерзать, если голодны, а человек ранен. А раньяров создали недавно, принцип управления мне неизвестен. Да и на спине раньяра мы как на ладони, стоит только подлететь поближе. Я предпочитаю не рисковать.

Говорили они мало, берегли силы. Вниз спустились, когда лес провалился в темноту. Алинка оглядывалась по сторонам – это был все тот же лес, только объемно-бархатный,

с едва различимыми цветами.

– Даю две минуты. Времени на еду нет. Будем идти всю ночь, – предупредил инляндец, мерцая зелеными глазами. Принцесса поднесла руку к лицу, посмотрела на пальцы – на них едва заметно виднелись зеленые отблески – и бросилась к кустам.

– Держитесь за мной, – сказал Макс, когда она вернулась. – Если повезет, ближе к утру войдем под защиту Источника. Там будет вода, и нас уже трудно будет найти.

И снова она брела следом по проклятому папоротниковому лесу, облизывая сухие губы и мечтая попить, замирая, когда останавливался профессор, послушно поворачивая, чтобы обойти стоянки ловчих и места охоты пауков, вздрагивая от верещания ночных ящеров, переступая через бесконечные корни и кусты и сосредоточившись только на спине и крыльях лорда Тротта. Часа через четыре она погрузилась в полусон, и ее уставшему рассудку в какой-то момент показалось, что все произошедшее всего лишь снится ей, что все это нереально. Профессор с крыльями... чудовища... две луны... разве такое вообще может быть?!

Алинка задрала голову к лунам – под ногой хрустнуло, и сонливость как рукой сняло. Тротт обернулся, глаза его предупреждающе блеснули.

– Еще немного. Потерпите. – Голос был сиплым. Он поманил ее поближе, склонился, с тревогой всматриваясь в лицо. – Немного, слышите меня, Алина?

Она кивнула. Говорить не было сил.

«Немного» растянулось на часы, полные жажды, пахнущие влажным мхом, муравьиной кислотой, ее потом, усталостью и страхом. «Немного, – мысленно шептала она себе в такт шагам, – немного-немного-немного-немного-немного-немного...»

Под ногами раздался плеск – но принцесса не могла посмотреть, что там: в ушах шумело, ее качало. Ей казалось, что они всё идут и идут, а потом Алина вдруг обнаружила, что ее усадили спиной к какому-то дереву и протягивают флягу с водой. Принцесса попыталась взять и не смогла – рука дрожала мелкой дрожью, и тогда Макс сел на корточки рядом, поднес флягу ей ко рту и поил до тех пор, пока она не отвернула голову и не схватила его за рукав.

– Мы дошли, профессор? Дошли?

– До поселения еще несколько часов, – сказал он, сделал пяток глотков из фляги и вложил ее принцессе в руку. – Но мы уже в безопасности. Нужно поспать. Дойдем днем.

Алина слышала только «мы уже в безопасности» и от накотившего облегчения откинула голову назад, прижавшись затылком к стволу. Постепенно туман из глаз уходил, открывая ей то, что она сидит у берега реки, а лорд Тротт, обнажившись – то ли думал, что она уже спит, то ли так устал, что ему было не до приличий, – с ожесточением натирает тело речным песком и полощет одежду в воде.

Все-таки он был чистюлей в превосходной степени.

Принцесса сидела, с вялым интересом наблюдая за движениями черных крыльев и мельканием белого тела, периодически поднося флягу к губам. Она остывала и с каждой минутой все сильнее ощущала, как от нее ужасно пахнет. Пырылась в сумке, положила в рот кусочек рассохшейся почти в крошку лепешки и, поднявшись, принялась сдирать с себя обувь, штаны и сумку, а затем, шатаясь, побрела в воду.

Тротт оглянулся. Он не стал прикрываться, но и поворачиваться не стал, и Алина потянула с себя сорочку, присела, с наслаждением ощущая, как теплая, пахнущая торфом вода закрывает ее с головой, зачерпнула песка и тоже начала мыться.

Спать они легли, разделив остатки лепешки и напившись воды до бульканья в животах. И в этот раз спалось им сладко и легко. Как только могут спать два смертельно вымотанных человека, которые наконец-то получили передышку.

Макс Тротт проснулся от палящего солнца – и оттого, что носу его и губам опять было щекотно от светлых прядей. Волосы Богуславской пахли торфом и лесом, и тело ее было разгоряченным, и дышала спутница спокойно. Одно крыло она подложила под голову, второе во сне вытянула поверх Тротта, и теперь тонкий пух ласково касался его руки и пальцев.

Никуда не надо бежать. Не надо прятаться. Быть начеку.

Он расслабленно пошевелил головой. Губы скользнули с затылка на шею принцессы, коснулись кожи – жаркой, мягкой, нежной, как бархат. Макс в полудреме тронул ее языком – и тут кровь полыхнула, и он почувствовал прижавшуюся к нему девушку всем телом, глубоко, полной грудью вдохнул ее запах, юный, знакомый, волнующий – и, словно ошпарившись, дернулся от нее, выбрался из убежища и пошел к реке, мгновенно наглухо закрывшись и заперев все ощущения и мысли на замок.

– Куда тебя несет, – пробормотал он со злой досадой, плеская в лицо воду. Руки дрожали, дыхание никак не хотело успокаиваться, а он все повторял: «Только не с ней». Не со вчерашней девочкой, которая младше его в пять раз. Не с той, что могла быть его дочерью. Не с дочерью убитого им друга, с кем он объединен тайной одной ночи и перед которым у него огромный долг. Не с принцессой крови, которая к тому же находится полностью в его власти, доверяет ему и зависит от него.

Инляндец, умывшись, зашел в прохладную с утра реку – по красноватой от железа воде шли круги, и легкая дымка таила на солнце. Через пару минут он снова дышал ровно, привычно погрузившись во внутреннюю эмоциональную глухоту. Макс Тротт очень хорошо умел бороться с искушениями. У него было семнадцать лет, чтобы научиться.

Алина, проснувшись оттого, что спине вдруг стало прохладно, долго нежилась в норе под корнями кряжистого папоротника, то пытаясь в полудреме вернуться обратно на Туру, то проваливаясь снова в сон. В поверхностных сновидениях ее мелькали сестры и однокурсники, ехидничающие камни, веселый Димка Поляна и надежный, добрый Матвей. Он обнимал ее, басил своим низким голосом «Как ты, малявочка?», — а Алина, выныривая из снов, грустила, скучала и стыдилась, что с этой гонкой на выживание о Матвее почти не вспоминала. Сквозь дрему она слышала шаги, периодически раздававшиеся у убежища, потом запахло дымом, а она все лежала, сладко потягиваясь и вытягивая крылья, наслаждаясь тем, что не надо пока никого бояться и никто не гонит ее в путь.

В конце концов принцесса выползла на берег реки, оборвала кустик с ягодами, росший тут же, и с восторгом уставилась на несколько запеченных клубней, длинных рыбин и тушек каких-то мелких птиц, висящих на длинных прутах над едва тлеющими углями. Тротта нигде не было видно, и Алина, спешно ополоснувшись и усердно почистив зубы размочаленным прутиком и оставшимися ягодами, натянула обратно сорочку, с жадностью схватила один из «шампуров» и впилась зубами в тушку. Мясной сок потек в рот, и она замычала от удовольствия, продолжая жевать.

Внимание ее привлек странный мелодичный свист — в нем явно была какая-то система и он точно был не животного

происхождения. Алина поколебалась, но все же пошла в сторону, откуда он доносился, жмурясь на ярком солнце и кусая сладкий клубень. Выйдя на полянку метрах в десяти от стоянки, остановилась, с застенчивым восторгом рассматривая открывшуюся картину.

Среди гигантских папоротников, на зеленом мху, в утренней дымке, пронизанной косыми солнечными полосами, тренировался профессор Тротт с двумя туманными кривыми мечами в руках. Одетый в одни мокрые полотняные штаны, он двигался невозможно быстро, перетекал из одного положения в другое, прыгал, изгибался, разворачивался и рубил клинками, срезая листья и оставляя на стволах зазубрины. Он заметил принцессу, нахмурился, но движение не остановил – и Алинка, усевшись на землю и скрестив ноги, жевала свой лесной завтрак и смотрела на это представление, забывая дышать. Она уже видела инляндца в бою, но тогда все заканчивалось очень быстро и кроваво. А сейчас она могла посмотреть и на движение мышц на сухощавом теле, и на работу крыльев, и на отличную координацию...

– Богуславская, я разве разрешал отходить от убежища?

Алина не сразу услышала вопрос, зачарованно глядя на косые мышцы профессорского живота, блестящие от пота.

– Ваше высочество! – рявкнул он. – Вы меня слышите?

Она так опешила от этого «ваше высочество», что недоуменно заморгала и только потом призналась:

– Нет, лорд Макс. Я изучаю вашу анатомию. Но в общих чертах я поняла. Вы что-то там ругались.

Он поморщился. Грудь его ходила ходуном, и принцесса перевела взгляд на нее, заметив, что странные длинные шрамы, которые она уже видела ранее, покраснели. Очень похоже на ожоги... и очень любопытно, как Тротт их получил.

– Не нужно было отходить от убежища, Алина, – снова вмешался инляндец в ее мысли. Голос его уже был спокойным, но на лице читалось недовольство.

– Но почему? – недоуменно спросила она. – Вы сказали, мы уже в безопасности.

– Богуславская, – процедил он, взирая на нее сверху вниз. – Вы что, с переходом через реку резко поглупели? Здесь достаточно опасностей и кроме ловчих императора. Забыли про пауков? И... почему вы босиком?

Алина вытянула ногу перед собой, пристыженно покрутила пяткой с налипшими щепками и землей, прикрыла сорочкой обнажившуюся коленку и вздохнула:

– Извините, профессор Тротт.

– Идите обратно, – сказал он, отводя странный взгляд от ее колен. Она даже склонила голову, оглядела их: грязные, что ли? Или, может, с синяками? – Скоро уже выходить, поешьте нормально, оденьтесь.

– А если меня кто-нибудь саму на обратном пути съест? – резонно возразила она и торжествующе заключила: – Сейчас мне безопаснее рядом с вами, профессор.

– Не съест, – буркнул он, – я все проверил, хищников нет. Она недоуменно глянула на него из-под челки.

– Тогда почему вы рассердились?

– Но вы-то об этом не знали, – отчеканил Тротт. – Идите,

Богуславская.

– А вы останетесь здесь? – уточнила Алинка дотошно.

– Да.

– Еще тренироваться?

– Да.

– А можно я посмотрю? – она смущенно улыбнулась. –

Это очень красиво, профессор.

Тротт посмотрел ей в глаза и дернул плечами.

– Как хотите. Я уже привык к роли экспоната и застенчивостью не страдаю.

Он отвернулся, а принцессе вдруг стало стыдно: может, ему нужно побыть одному, а она и так наверняка успела надоесть ему за время пути и сейчас надоедает. Привыкла, что он к ней снисходителен. И уже считает, что имеет право на его время и общество. А ведь по сути она ему чужая и он вовсе не обязан быть добрым.

– Извините, что разозлила вас, – тихо проговорила Алина ему в спину. – Я все-таки пойду. Извините. И спасибо за еду, я, наверное, никогда ничего вкуснее не ела.

Ответом ей стал свист оружия, и принцесса, задержавшись на несколько мгновений, все же побрела обратно, догрызая птичий остов. Еда стала невкусной, а настроение – со-

всем не радужным. Позади слышались звуки прыжков, пересекаемого воздуха и тяжелого дыхания, и мелькнула мысль спрятаться за деревом и посмотреть, но она не стала. Тротт обязательно заметит, и ей станет еще более неловко.

Инляндец вернулся, когда она уже была полностью одета и терпеливо сидела у их убежища, ожидая его. Угли она затушила, привычно закрыла пластом снятого мха, смазала следы у реки, закопала кости обглоданных птиц, а оставшиеся «шампуры» – Тротту она оставила побольше – выложила на очищенный от крошек и земли корень.

Инляндец мазнул по убранной стоянке взглядом, но ничего не сказал, и Алина совсем расстроилась. Когда он начал быстро ополаскиваться, угрюмо отвернулась – а то вдруг поймет, как до ужаса любопытно и приятно на него смотреть, и скажет что-нибудь колкое, и тогда она не будет знать, куда деваться от смущения.

Тротт поел и начал собираться, не глядя на нее. И когда наконец скомандовал: «Пойдемте», – Алина тихо поднялась и молча двинулась следом. Что-то произошло этим утром, отчего ушла легкость, появившаяся в общении за прошедшие недели, и пятая Рудлог снова грустила, ругая себя за неосторожность и любопытство, и заставляла себя молчать, хотя на губах крутилась тысяча вопросов про поселение и про то, что они будут делать дальше.

– Ну что вы опять сопите, принцесса? – услышала она тя-

желый голос Тротта и от радости заулыбалась во весь рот.

– Я боюсь к вам обращаться, – призналась она. – Вы какой-то злой сегодня. И внезапно вспомнили мой титул. Это точно не к добру.

Он хмыкнул.

– Что вы хотели спросить? Давайте, добивайте меня, Богуславская. Все равно нам еще несколько часов идти.

Принцесса вприпрыжку догнала его, не переставая улыбаться. – С чего бы начать... А сколько лет здесь уже живут дар-тени, вы знаете? А как высоко вы можете летать? А... нет, для начала, пожалуйста, покажите мне еще раз, как вы летаете, профессор!..

Глава 2

Вторая половина марта, Вермонт

Полина

Ее величество Полина-Иоанна, одетая в тяжелую шубу и плотный платок, веселая и раздумывавшаяся, как деревенская девушка, сидела на пеньке в заснеженном лесу пригорода Ренсинфорса и развлекалась тем, что лепила снежки и сбивала ими шишки. Вокруг, стараясь не попадаться королеве на глаза и отслеживая траекторию снежных снарядов, расположилась охрана. На деревьях, привлеченные небывалой суматохой, шныряли серые белки и, зависая на качающихся ветвях, укориженно стрекотали и дергали пушистыми хвостами.

Полина уже больше недели выезжала в этот лес по совету шамана Тайкахе и с удовольствием гуляла меж сосен и елей – для нее в первый же день прокатали в глубоком снегу тропинку, и королева чинно вышагивала по короткому маршруту, слушала чириканье согревшихся на солнышке пташек... и жутко скучала. Зато время бодрствования сразу увеличилось почти вдвое и иногда достигало трех часов. Лес давал силу – Поля чувствовала, как живительная энергия струится среди древесных стволов, пахнущих смолой

и хвоей, и наполняет тело легкостью. Лес лечил, лес шуршал свои песни на пару с ветром, шалил, осыпая снегом с еловых лап, радовал то спустившейся за угощением белкой, то зайцем или огромным сохатым, тяжело раздвигающим сугробы мощной грудью.

Живность Полину не боялась, подходила близко, тыкалась в руку, съедая угощение – ломоть хлеба, посыпанный солью, морковку или яблоко, – но стоило шевельнуться кому-то из охраны, как звери заполошно бросались прочь.

– Почему они вас боятся, а меня нет? – спросила она у подполковника Свенсена, который в один из дней выехал вместе с королевой, чтобы лично проверить место прогулок.

– Вы супруга сына Хозяина лесов, ваше величество, – добродушно пояснил комендант замка Вермонт, цыкая на наглую белку, примеряющуюся, как бы прыгнуть с сосны на королеву. – Ему подчиняются все звери. Они чувствуют это и идут к вам, несмотря на то что и вы, и Демьян пахнете хищниками, как все мы.

Полине скоро надоели снежки, и она поднялась, решив пройтись и подумать, чем заняться завтра. Все эти дни она исправно писала письма мужу, принимала просителей, даже участвовала в нескольких выездах по военным частям Ренсинфорса, где произнесла зажигательные речи о том, что спокойствие мирных граждан столицы зависит от бравых солдат и лично она, королева, глядя на них, тоже спокойна. На ее столе лежала целая стопка с просьбами посетить важ-

ные мероприятия, так что выбор был. Но ей ничего не хотелось. Ей хотелось к Демьяну.

Однако Полина точно знала, что сейчас не время мешать ему. Она может только помочь, занявшись его делами здесь. Поэтому – да, и посетит открывшийся завод и раненых бойцов, и выпьет чаю с женами линдморов... и много чего еще сделает, только бы он гордился ею.

Она шагала по скрипящему, кое-где оплавленному весенним солнцем снегу, а охрана, рассыпавшись, неслышно закрывала ее от возможных злоумышленников. Было тихо. Тронутый только звериными следами снежный покров сверкал белизной, и Поля снова погрузилась в ощущения того, как течет к ней первородная энергия, свежая, чистая...

– Королева!

Раздалось рычание, глухие ругательства. Полина с удивлением подняла голову, щурясь на ярком солнце, – гвардейцы шагах в двадцати сбоку от нее крутили руки голому обросшему мужику.

– Королева! – снова позвал он яростно. Его швырнули на колени.

Она еще сощурилась, приставила ладонь козырьком к глазам и шагнула вперед. И с удивлением узнала в скрученном дикаре главаря заговорщиков Ольрена Ровента. Сейчас он скалился и утробно ворчал, стоя с заведенными за спину руками, но вырваться не пытался и, кажется, совсем не чувствовал холода.

– Мне нужно поговорить с тобой! – рычаще рявкнул он.

– Ваше величество, не подходите к нему, – предупредил командир группы охраны. Гвардейцы окружили королеву, защелкали затворы автоматов. Часть бойцов прочесывала лес. Им и так попадет от Свенсена, что не заметили Ровента, подпустили близко. Будь у него оружие – вполне мог бы выстрелить или метнуть нож.

– Я один, – сообщил он громко и презрительно оглядел напряженных гвардейцев. – Я не нападу, клянусь. Мне надо, чтобы ты послушала меня!

Пол сжала зубы и, отвернувшись, пошла к опушке, где ждали машины. Этот берман хотел убить ее Демьяна.

Позади раздалось раздраженное рычание, звуки возни, быстрых шагов и ударов. Пол, не оборачиваясь, ускоряла шаг, хотя внутри все сжималось.

– Прошу! – крикнул он сдавленно. – Ваше величество!

Вышло у него это так, будто он через силу выталкивал из себя слова. Снова раздались звуки борьбы. Полина еще ускорила.

– Моя королева! – прокричал Ровент со злостью, сквозь которую пробивалось отчаяние. – Ты моя королева! Я прошу! Прошу тебя о милости!

Пол поморщилась, потерла ладонью замерзшие нос и щеки и со вздохом остановилась.

«Твое слово – милосердие», – прозвучал у нее в голове тонкий и скрипучий голос доброго Тайкахе, мудрого Тайка-

хе. И Полина обернулась. Линдмор, отбиваясь от охраны, рвался за ней, но его отшвыривали, пытались вязать, он ревел и бился в руках гвардейцев, и в чертах Ровента проступало все больше медвежьего.

– Уберите его скорее! – резко скомандовал командир группы.

Полина снова вздохнула.

– Стойте, – звонко приказала она и подняла руку. – Он просил о милости, и я не откажу. Только, пожалуйста, дайте ему во что-нибудь одеться.

– Чего ты хочешь, Ольрен Ровент? – спросила она, когда бермана, уже одевшегося, подвели к ней. Глава клана одичал, зарос, и глаза его были звериными. А еще – тоскливыми.

– Король наказал нас, – сказал он глухо. – По праву своему наказал, я не оспариваю его право. Он связал нас с тобой своим словом, и, когда мы стали оборачиваться после полудня, поняли, что ты возвращаешься.

– Возвращаюсь, – согласилась Полина. – Благодаря Демьяну. Так чего же ты хочешь, Ровент? Отменить наказание? Считаешь, что оно сурово, после того как вы предали и его, и меня?

– Нет. Будь моя воля, я бы не оставил в живых нарушивших слово и пошедших против Хозяина лесов, – рычаще проговорил Ольрен. – Наказание мягко, и король проявил слабость.

– Чушь какая! – резко ответила Полина. – Только глупые люди принимают милосердие за слабость!

– Ты чужачка! – рыкнул Ровент, оскалившись, но Пол, выпрямившись, выдержала его дикий взгляд, и он моргнув удивленно – медвежьим чертам снова пропали – и опустил голову. – Ты многого еще не понимаешь, потому что чужая Вермонту, – продолжил он тише. – Но ты смела и верна, и я клянусь, что больше не пойду против тебя.

– Я уже не чужая, – сердито возразила Пол. – Посмотри на меня, Ольрен Ровент! Я люблю эту землю и вашего коро-

ля. И эта земля приняла меня, и Великий Бер принял, и его сын назвал меня женой. Что с того, что я не родилась в Вермонте, если мое сердце здесь? И третий раз я тебя спрашиваю: чего ты хочешь? Ты пришел извиниться передо мной?

– Нет, – буркнул линдмор и замолчал. Пол вздохнула и развернулась, чтобы уйти. Иначе она так до оборота ни о чем проговорит. – Подожди, – сказал он ей в спину. – Попроси его принять нас в действующую армию. И на время войны вернуть нам возможность свободного оборота. Тебя он слушает.

– А вас – нет? – скептически уточнила Полина, поворачиваясь.

Ровент качнул головой.

– Не станет слушать, разорвет. Сын мой, как началась война, пытался просить его за нас и получил отказ. Поэтому я начал искать встречи с тобой и пришел к столице. Берманы моего клана, живущие в городе, сказали, что твой кортеж каждый день ездит по одному маршруту к лесу. – Он сжал кулаки. – Поговори с мужем. Тебя он не тронет, иначе не стал бы я через женщину своего добиваться. Сама посуди: нас почти восемьдесят сильнейших берманов. Мы встанем за его спиной, станем его опорой. И наши войска приучены служить нам.

– Откуда мне знать, что ты не предашь повторно? – спросила королева. – Как я могу уговаривать Демьяна, зная, что ты можешь ударить в спину?

Берман зарычал, глаза его пожелтели. Гвардейцы придвинулись ближе, но Полина остановила их жестом.

– Я говорю, что ты многого не понимаешь! – рычал Ровент. – Это и моя страна, и моя земля! Демьян – мальчишка, но на нем благословение праотца нашего. Не знаю, как ты победила его болезнь, но, пока он жив, я не пойду против него. И никто не пойдет. Но и стоять в стороне, пока наши люди там бьются, – это позор. Не помочь ему – позор. Только он не хочет нашей помощи! Даже слышать о нас не хочет! А ведь если он не выстоит, беда придет в каждый дом. И в мой тоже. Там воюют мои люди. Мои дети. А я здесь, в шкуре, на зайцев охочусь! – Он зло сплюнул. – Поговори с ним,

королева. Моя королева! Попроси его.

– Он не согласится, – хмуро сказала Пол. – Это и так понятно.

Ее начало клонить в сон, как всегда бывало перед оборотом. И сквозь туман донеслось рычащее:

– Поговори. Прошу. Поговори. И у тебя не будет вернее бермана. Поговор-р-ри-и-и...

* * *

«Демьян, здравствуй, любимый мой муж.

Ответ на мое прошлое письмо еще не пришел, но я решила написать тебе, не дожидаясь его. Я буду просить тебя об одной важной вещи. Мне трудно это делать, но, наверное, каждому нужно давать возможность искупить свой проступок. Пожалуйста, только не отказывайся сразу, подумай...»

Король Вермонта читал письмо Полины, поглядывая из палатки на горы, окрашенные рассветным солнцем. Долина, ставшая непроходимой после озерного цунами, вот-вот должна была застыть окончательно, и тогда враги наверняка снова предпримут массированную попытку прорыва. Они и так не дремали – войска Вермонта и ближайшие города постоянно подвергались нападениям с воздуха, и потери были серьезные. Пока собьешь одну «стрекозу», остальные уже тут, налетают как саранча, жрут солдат, повреждают орудия

и укрепления.

В соседних городах иномиряне налетами грабили магазины, пополняя свои запасы. Конечно, артиллерия Вермонта постоянно «гладила» склон, на котором находился проход, но и незваные гости из Нижнего мира уже перебрались на другую сторону горы, а подкрепление к ним выходило по ночам, спешно пробираясь к своим в промежутках между обстрелами.

Демьян ждал замерзания разлившегося озера, заполненного жидкой грязью, обломками строений и деревьев. К лагерю подтягивались последние части из отдаленных линдов Вермонта, враги были взяты в полукольцо, и король с военными командирами разрабатывали план прорыва к переходу. По горам армия не пройдет, обойти, чтобы напасть с тыла, – значит потерять несколько недель, а то и месяцев. Так что, как только лед станет крепко, нужно будет сразу начинать битву – иначе враг накопит силы и потерь будет куда больше.

Перед палаткой его величества остановился адъютант, отдал честь. Вермонт неохотно отвел взгляд от письма Полины, проглядел второе – доклад Свенсена об инциденте в лесу – и хмуро спросил:

– Какие-то новости?

– Да, ваше величество, – бодро сообщил берман. – Опять нашли в стороне от лагеря троих связанных иномирян. Сейчас начинаем допрос. Судя по всему, они из аристократов,

богато одеты. По-бермонтски не говорят. Вокруг медвежьи следы, уходят в лощину. Прикажете пройти по следам и привести сюда помощников?

– Нет, – рычаще ответил Вермонт, – я знаю, кто это. И видеть их не желаю. Иди, Ненсан. Сообщишь, когда закончите допрос.

Из записки Демьяна Вермонта коменданту замка Вермонт Хиллю Свенсену:

«Увеличить количество охранников моей супруги, но оберегать ее без навязчивости. Старшего охраны, подпустившего к Полине Ровента, отстранить от должности, бойцов перевести на патрулирование на месяц без увольнительных. Ровента вывезти к его землям и выпустить, раз он пришел просить милости у моей жены как у королевы, а не угрожать или мстить. Подобного больше не должно повториться. Я очень недоволен, Хиль».

Из письма Демьяна Вермонта Полине Вермонт:

«Полюшка, жена моя, целую твои руки.

Рад, что срок твоего бодрствования увеличивается и ты находишь время и на прогулки, и на дела. Посетить раненых, как ты желаешь, – благое дело. Но помни, что главное твое дело – восстанавливаться. И ждать меня.

По поводу твоей просьбы: ты знаешь, что я не могу отказать тебе и никогда не смогу. Поэтому, прошу, всегда хорошо обдумывай свои просьбы. Обещаю, хотя

это и тяжело мне: если мятежники докажут, что достойны прощения, я сниму с них наказание. Но не ты должна печалиться об их искуплении, а они. И полно об этом.

Здесь все так же холодно и серо, мы периодически переходим в атаки и отвечаем на атаки врагов, но это все незначительные стычки в ожидании главного боя.

Устал от зимы. Весна в горы приходит поздно. Я совсем одичал и скучаю по твоему запаху и смеху, Поля. Жду, когда смогу снова прикоснуться к тебе. Демьян».

*** * ***

«Мариан... муж. Дети. Василь, Андрюша. Мар... Мартинка. Мартина. Сестры. сестры. Ани, Марина. Ани. Помнить, мне нужно помнить, чтобы вернуться! Ани, Марина. Поля, Алина, Каролина. Муж. Мариан.»

Огонь мощен, тысячелик и ужасен. Все на свете подвластно ему: дело лишь в температуре горения. Да и сам мир состоит из пламени – не считать же значимым противовесом смешные десятки километров земли, воды и воздуха над шаром из расплавленной породы.

Огонь коварен, капризен и жесток. Одна из первородных стихий, неукротимый убийца, безумный, когда стелется по земле лесным пожаром или льется по склонам вул-

канов алой лавой. Но он же дает жизнь, тепло, кров, пищу и свет. Если нынешним богом цивилизации является электричество, то без огня и цивилизации бы не случилось.

Огню почти невозможно сопротивляться, будь ты огромной горой – или крошечной дочерью бога, потерявшей в обилии силы и самой ставшей огнем.

Здесь царит крошечная тьма, полная пылающей мощи. Ты не видишь стихию – но она слепит алым, золотым и белым; не осязаешь – но она скручивает тебя чудовищным давлением со всех сторон. Нет верха и низа, нет начала и конца – и единственным ориентиром является зов, низкий, как рев горна, на который ты стремишься, не понимая, далеко ли еще до источника и что он хочет от тебя.

И единственной задачей становится сохранить себя. Нет возможности плакать, метаться и прятаться, нет способа отказаться от испытания и вернуться в комфортный мир. Потому что потоки первородной стихии, сквозь которые ты проносишься, стирают память, стирают чувства и скоро сотрут и тебя, растворят, примут в свои объятия. И чтобы этого не случилось, ты как заклинание повторяешь: *«Мне надо вернуться. И помнить. Мариан... Василь, Андрюша... Мартинка. Ани, Марина.»*

* * *

Вторая половина марта, Рудлог

Мариан Байдек стоял у лавового озера в усыпальнице Иоанна Рудлога, не обращая внимания на огнедуха Ясницу, с мурчанием вьющегося у ног, и порхающих вокруг бабочек-искрянок. Уже больше недели барон каждый вечер спускался в этот огромный круглый зал, украшенный исполинскими фигурами и фресками. Звал жену, молился Красному, глядя то на бледный профиль нетленного первого Рудлога, то на бурлящую лаву и надеясь, что вот-вот расступится она и выпустит его Василину.

Но королева не появлялась, и не слышал принц-консорт никакого отклика. И все равно упорно приходил сюда, приближался к пылающему озеру так близко, как мог, и снова звал, и снова молился, запрещая себе думать, что жена, возможно, не вернется никогда.

Огнедух Ясница, неожиданно навязавшийся в спутники Байдеку, тоже не вносил какой-либо ясности. Первый раз он присоединился к Мариану, когда тот собирался на утренние занятия, – просто вынырнул из камина, который продолжали топить, как того желала Василина.

– Не сожги ковер, – скупое предупредил принц-консорт. – Зачем явился?

– Мне там ску-у-у-учно, – объяснил стихийный дух, нагло потягиваясь на драгоценном ковре и выпуская огненные когти. Но ткань на удивление не тлела. – С вами, людьми-и-и, интере-е-еснее. Можно с тобо-о-о-ой?

«Интереснее» было не только ему. Дворец постепенно наводнялся незваными гостями: по коридорам туда-сюда периодически проносились искрянки, в каминах иногда замечали пляшущих огненных ящериц всех оттенков огня – будто с пестрыми шкурками, с языками пламени вместо гребешков и глазами сияющего белого цвета. На камерах наблюдения видно было, как посреди пустых залов над мраморными полами и узорным паркетом кружатся небольшие огненные вихри с глазами, при малейшем звуке оборачивающиеся то птицами, то зверями и улепетывающие в камины. Байдек с тревогой думал, что вся эта огнебратия может снова разыгаться и устроить пожар или нечаянно сжечь кого-то из слуг или гостей дворца. И супруги нет, чтобы их приструнить.

– Можно-о-о? – нетерпеливо повторил гепард.

– Можно, но чтобы никого не напугал и не покалечил. – Мариан направился к двери: тренировка ждать не будет. – Ты знаешь, что сейчас с Василиной?

Огнедух, помотав башкой, вскочил на лапы и потрусил следом.

– Я так глубоко-о-о не забира-а-а-аю-ю-юсь, – прогудел он сокрушенно. – Разнесет стихи-и-ией. Но я почую-у-у-у, когда появи-и-ится-я-я. Хоче-е-ешь, скажу-у-у?

– Хочу, – сухо вато согласился Байдек и на ходу с силой потер переносицу.

Разбрасывающий искры гепард с удовольствием пробежал с гвардейским полком весь маршрут, иногда ехидно потяв-

кивая в адрес косящихся на него бойцов, с интересом понаблюдал за упражнениями и, обернувшись огненной птицей, улетел в сторону дворца.

Второй раз Байдек обнаружил его в детской, когда на испуганные крики няни прибежали гвардейцы и, увидев незваного гостя, позвали на помощь консьорта. Пылающий огнедух спокойно лежал на полу и дергал хвостом, который ловила Мартинка, а мальчишки валялись у него на боку. Бледная Дарина Станиславовна уговаривала их отойти от переливающегося алым незваного гостя.

– Люблю-ю огонечков, – прогудел Ясница, увидев Байдека, и демонстративно лизнул подползшую принцессу в лицо. – Они веселые.

Мартина действительно смеялась так заливисто, что начала икать.

– Ваше высочество, – дрожащим голосом, но твердо сказала няня, подхватывая подопечную на руки и опасливо отступая от духа. – Ну куда это годится? Он же опасен! И мне с ним не справиться, никакой дисциплины!

Ее высочество, словно в подтверждение этих слов, начала орать и извиваться на руках, требуя вернуть ее к кисте.

– Никуда не годится, – согласился Байдек под вопли дочери, внимательно разглядывая гепарда. Тот раздраженно дернул хвостом раз, другой и наконец пристыженно прогудел:

– Можно-о-о?

– На прогулках – можно. А здесь главная – Дарина Ста-

ниславовна, – принц-консорт кивнул в сторону няни. – Если хочешь поиграть с детьми, у нее спрашивай.

Огнедух недовольно фырчал, огнедух шипел, раздраженно выпуская искры и топорща усы-молнии, но в конце концов, видя, что представление не имеет успеха, широко и нагло зевнул и качнул головой:

– Ладно-о-о.

– Василь, Андрей, – позвал Мариан.

Мальчишки быстро поднялись, подошли к нему. Огнедух, видимо, решил воспользоваться паузой, чтобы снискать расположение няни, потому что запрыгал перед орущей принцессой, закрутился огненным колесом, и Мартина замолчала от удивления.

Байдек потрепал сыновей, с любопытством наблюдающих за представлением, по белобрысым макушкам.

– Запомните: вам такие духи не опасны, но обычным людям они могут нанести вред. Вы обязаны следить, чтобы никто не пострадал. Я разрешу вам играть с ними, но это, как и со щенками, прежде всего ответственность.

Сыновья внимали, но то и дело косились на вытворяющего фокусы огнедуха. Глазенки их горели. Что делать, слово «ответственность» куда скучнее слов «удовольствие» и «веселье». Поэтому и прививать сложнее.

– А мама еще не вернулась? – поинтересовался наследный Василь грустно. Андрюшка скривил губы, и Байдек покачал головой, прижал младшего к себе. Старший принц поколе-

бался – шесть лет, уже ведь взрослый! – но все-таки тоже прильнул к большому и надежному папе.

– У мамы важное дело, – объяснил принц-консорт, глядя, как опущенная на пол Мартина с радостью ползает за вяло перебирающим лапами отползающим огнедухом. Няня, убедившись, что тот ее слушается, почти успокоилась. – Но я уверен, что она скучает и хочет поскорее вернуться к нам.

С тех пор Ясница находился либо рядом с Байдеком – к его появлениям привыкли уже и на совещаниях, и в гвардейском корпусе, и во дворце, – либо в детской. Он спал у кровати Мартины, следил за ребятами на прогулках, с удовольствием носился с вымахавшими выше детей щенками – подарком Кембритча, – однако ни разу не позволил им себя коснуться. Очень редко, когда кипучая энергия младших Рудлогов выматывала и его, дух улепетывал в камин и прятался там. Дарина Станиславовна, поначалу ворчавшая и поглядывавшая с опаской, через несколько дней с удовольствием рассказывала занятому государственным делами отцу, как хвостатый нянька облегчает ей работу. А когда Мариан увидел, как няня наливает нахальному помощнику огромную миску, почти тазик, кедрового масла, он понял, что сердце почтенной дамы растаяло.

Дел на принца-консорта с уходом Василины навалилось масса, и он с присущим себе методичным хладнокровием решал их одно за другим, не стесняясь обращаться за консуль-

тациями к специалистам. На Севере и Юге шли тяжелые бои, армия то продавливала иномирян и заставляла отступать, то сама уходила в оборону и оставляла важные рубежи... и Байдек проводил встречи с послами и чиновниками, посещал совещания, планерки, общался с генералами и министрами – но все время думал, как там Василина и что с ней сейчас.

Он звонил Марине, но та либо была на операциях, либо спала и перезванивала ему, когда он уже не мог ей ответить. Он звонил Полине, однако королева Вермонта сказала, что Василину она ощущает, но очень странно и слабо и не может определить, в какой она сейчас стороне. Наконец Байдек не выдержал и в один из редких дней, когда телепорты давали устойчивую связь, без пространственной ряби, навестил Ангелину в Истаиле.

Владычица вышла к нему, ожидающему в жарком цветущем саду, и пусть жесты ее были сдержанны, улыбка и тон показывали, как она рада. Ани совсем немного поправилась, чуть налившись цветом и соком на щедром солнце Песков, но все равно поражала хрупкостью и твердостью плеч, шеи и подбородка. Обняла зятя с величественной сердечностью – и, пока слуги накрывали легкий завтрак в беседке, сообщила:

– Муж мой скоро подойдет, он тоже будет счастлив видеть тебя, Мариан. И он будет не один.

– С Каролиной и Святославом Федоровичем? – поинтересовался Байдек.

– Нет, – Ани чуть поджала губы. – С Дармонширом, Мариан.

Байдек покачал головой и усмехнулся.

– Он везде. Я буду рад его видеть, как и Нории. Но сейчас мне нужна твоя помощь, Ангелина.

Владычица отослала слуг и выслушала его рассказ о произошедшем в усыпальнице.

– Я эти дни понять не могла, что же с Василиной происходит, – проговорила она задумчиво. – Сегодня собиралась к вам, но ты меня опередил. Если бы телепорты не заработали, пришлось бы просить Нории донести меня до Теранови, чтобы позвонить тебе. Отсутствие связи очень все усложняет.

– Она жива? – задал Байдек самый главный вопрос.

– Совершенно точно жива, Мариан.

– Но где она? – тяжело продолжил принц-консорт. – Где ее искать? Или она все еще там? – он посмотрел себе под ноги.

Ангелина изящно опустилась на покрытую цветастыми подушками скамью и тревожно тронула маленькую серебряную ложечку.

– Да, там. Теперь-то я это осознаю. Она внизу. В первородной нашей стихии. Если я верно все понимаю и судя по тому, что говорили о первородных потоках на Королевском совете, то только от Василины зависит, сможет ли она обуздать стихию и вернуться назад.

Ее перебил порыв ветра и оглушительный стук по кры-

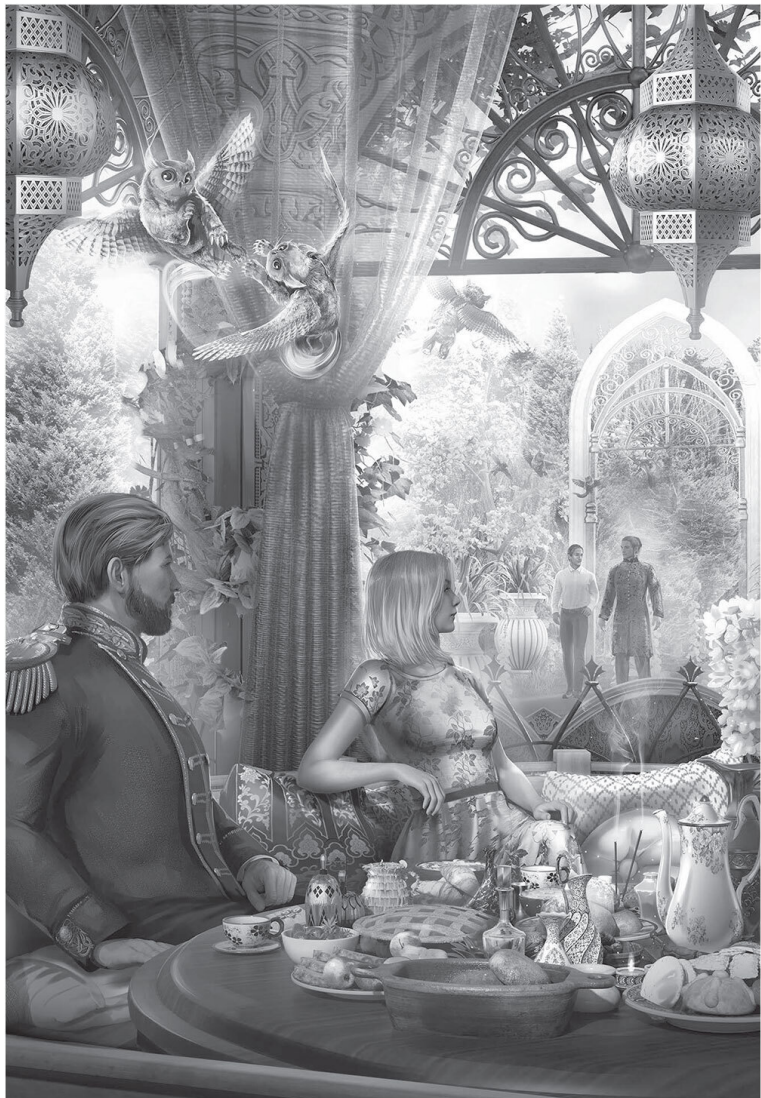
ше – на глазах изумленного Мариана из чистого неба над беседкой ударил град, и градины падали огромные, размером с кулак, секли деревья, с грохотом врезаясь в землю и раскалываясь на осколки, сияющие радугой на солнце. Северянин взглянул на Ани – та лишь спокойно покачала головой и чуть повысила голос.

– Издержки обучения, – пояснила она.

Град прекратился так же резко, как и начался, зато среди деревьев показался маленький смерч: он аккуратно лавировал меж стволов, не задевая ветки, но в конце концов все же врезался в дерево – листва взметнулась по спирали в небеса, и все стихло.

Они проговорили еще немного: Байдека интересовало, как дела у Каролины, Ани – новости с фронтов. А потом среди деревьев на дорожке к беседке показались Владыка Норрии и сухощавый, исхудавший Дармоншир. Он что-то говорил дракону, иронически кривя рот, и Норрии усмехался в ответ – видно было, что они пришли друг другу по душе.

И хотя трудно было представить себе более разных мужчин, Мариан, глядя на то, как идут эти двое к беседке, подумал, что чем-то они неуловимо похожи.

– Дорогой брат, – Нории протянул гостью руку, и Байдек ее пожал. – Счастлив видеть тебя здесь.

– Я ненадолго, – предупредил барон. – Дела не ждут. А ты здесь какими судьбами? – он уже обменивался рукопожатием с Дармонширом. Глаза герцога казались шальными и немного безумными, будто он выпил или только что пережил адреналиновый всплеск. Нории тем временем сел рядом с супругой, что-то вполголоса спросил у нее.

– Напросился к Владыке в ученики, – пояснил Люк хрипловато, доставая из кармана сигарету и катая ее в руке. – Уже почти две недели мечусь туда-сюда между Дармонширом и Истаилом, отрываю Нории от дел, не даю спать ночами, так что удивительно, как Владычица до сих пор меня не прокляла за навязчивость.

Ани с великолепной невозмутимой иронией подняла брови.

– Я скорее пошлю тебе счет за порчу имущества, – сказала она ледяным тоном. – Я просила не устраивать эксперименты на территории города.

– Виноват, – усмехнулся герцог без малейших, Впрочем, признаков раскаяния, – у меня пока еще проблемы с контролем стихии. Но сегодня дам отдохнуть от себя – уйду обратно в Дармоншир. Раз телепорт работает, надо этим воспользоваться. Вот-вот подойдут враги к фортам, надо проверить, как идет подготовка и сколько у меня еще времени. Если по-

лучится, опять вернусь сюда. Спасибо, кстати, за вооружение и инструкторов. Для Дармоншира это огромная помощь.

– Как Марина? – поинтересовался Байдек, кивая в ответ на благодарность.

– Я ее не вижу, – честно признался его светлость, доставая зажигалку. – Но Марину охраняют и при малейшей опасности вывезут к вам, Мариан, или к Талии, если с вашей стороны путь будет перекрыт. Ангелина, ты не против, если я закурю?

– Кури, – спокойно отозвалась Ани. – Марина тоже все время дымила, так что я привыкла. И прошу за стол. Дела действительно не ждут.

Завтрак в белоснежной резной беседке, залитой солнцем, меж ярких цветов и зелени и под трели старательных птишек оказался быстрым и уютным – маленькая передышка для четверых очень занятых людей, которые на короткое время пересеклись среди бешеной круговерти событий и дальше направились по своим делам. У Байдека впереди была встреча со Стрелковским и Тандаджи, а за ней – еще совещания, переговоры и рассмотрение указов, которые он теперь, чуть морщась, подписывал как «принц-консорт Мариан Байдек, властью, данной мне королевой, и ее благословения...».

Игорю Ивановичу Стрелковскому, несмотря на загруженность, не сиделось в кабинете. И тому была веская причина.

Полковник и начальник отдела внешней разведки в очередной раз прошел через огромный общий зал и спустился на подземный этаж, к допросным. Там, у стекла, заменяющего стену одной из камер, уже стоял Тандаджи. Рядом у наблюдательного пункта, оснащенного экранами, за столами сустились сотрудники: писали разговор, следили за датчиками, показывающими состояние пленного. У дверей камеры ожидала группа охраны – если вдруг иномирянин каким-то чудом освободится от наручников и нападет на следователя, нужно успеть ворваться и обезвредить.

Капитан Дробжек, производившая допрос, очевидно, общей нервозности не разделяла – ее спокойный, ровный голос отлично это демонстрировал, хотя в нарушение всех правил она находилась внутри без напарника.

– Пришли результаты генетических анализов иномирян и их обследований, – не оборачиваясь, проговорил Тандаджи. Игорь встал рядом, почти вплотную к стене, и тидусс протянул ему папку с пометкой медицинской службы Управления.

– И что? – Стрелковский и сам уже листал отчет, но послушать не отказался.

– Отличия ДНК так же незначительны, как у живущих на Туре представителей разных человеческих рас. У нас в мире между человеком и берманом больше отличий, чем у обычных людей из нашего и Нижнего миров. Физиологически мы тоже идентичны: ни лишних органов, ни другого состава крови. Немного разнится доля микроэлементов, но это как раз объяснимо разными планетами. То есть у нас с ними общие предки. Очень далекие предки, конечно. То ли на Туру люди попали из их мира, то ли к ним из нашего.

– Значит, на них так же должны действовать яды, лекарства, витализм и ментальная магия, – профессионально отметил Игорь Иванович. – Тогда почему с менталистами появились проблемы?

– Медики предположили, что внушаемость у иномирян снижена, как у моих соотечественников или йеллоувинцев, – с каменным лицом проговорил Тандаджи. – Но сильный менталист способен этот барьер пробить. А слабый, как Люджина, – лишь прочитать эмоции, понять, правду говорят или нет, и, возможно, чуть усыпить бдительность.

Они, замолчав, снова перевели взгляды за зеркальную стену – туда, где капитан Дробжек, склонившись к пленному, медленно говорила ему:

– Тебе все равно не вернуться обратно. Над тобой все будут смеяться – захвачен женщиной и рабами. А то и убьют в назидание другим.

Тха-нор Ориши молчал, едва ли не скалясь и сверкая гла-

зами, но молчал. И Люджина, сменив тон и понизив голос, спросила почти нежно:

– Как ты не понял, что женщина опасна, воин? Как пропустил удар ты, сильный, умелый, тот, кого бояться враги и почитают соратники?

Игорь едва заметно поморщился. Ему неприятно было видеть Люджину такой – хотя она вполне профессионально раскачивала эмоциональное состояние пленного. Стрелковский согласился на ее участие, и глупостью было бы сейчас вмешиваться.

Допросы пленных начались сразу после их захвата, но не имели успеха. Тха-нор просто угрюмо молчал, бродил по камере, как зверь в клетке, игнорировал вопросы следователей, и Тандаджи уже планировал перейти к жестким методам, когда капитан Дробжек, вышедшая на работу и помогающая пока Игорю с разбором донесений агентов с захваченных иностранных территорий, пришла к нему с предложением. Вслед за ней в кабинет зашел и Стрелковский.

– Господин полковник, – сказала она, – я просмотрела записи допросов. Пленный, конечно, молчит, но у него очень выразительная невербальная реакция. Поговорила с матерью, освободившимися северянами, расспросила про него. Думаю, он не будет говорить с мужчинами, вы для него – враги. Этот Ориши прямолинеен, вы создаете ему ежедневный поединок, в котором ему нужно победить. И у следователей слишком сложные обороты, с ним нужно говорить

очень просто. Женщин лорташцы как врагов не воспринимают, они вообще женщин стоящими внимания не считают. Давайте выведем его из зоны комфорта. Если ему придется подчиняться женщине, он скорее сорвется. Но при этом я прошу отдать ему его одежду и личные вещи, кроме оружия, конечно. Я хочу, чтобы он не был скован чужой одеждой, тогда не будет неестественных жестов и мимики.

Тандаджи, незадолго до этого вспомнивший, что надо покормить рыбок, застыл с поднятой над аквариумом рукой и перевел равнодушный взгляд на Стрелковского.

– Я бы не хотел, чтобы этим занималась Люджина, – сухо проговорил Игорь Иванович. – В Управлении много женщин-агентов, есть и следователи. Но план разумен. Сломать мы его всегда успеем.

– Шеф, – Дробжек укоризненно покачала головой, – чем он опаснее контрабандистов или каторжников, с которыми я имела дело? Защитить себя я сумею, понять, врет он или нет – тоже, а разговорить... я же все-таки психолог, помните? Много ли в Управлении женщин – боевых магов с практикой психолога и менталиста?

И сейчас боевой маг, психолог и менталист журчала ядом, разъедавая барьеры пленника. Игорь впервые видел ее автономную работу со стороны и диву давался, насколько отточены ее жесты: она то поводила руками плавно, женственно, привлекая внимание к груди и лицу (и успешно привлекая), то резко взмахивала ими перед носом у допрашивае-

мого, повышая голос, или била ладонью по столу так, что тха-нор едва удерживался, чтобы не отшатнуться или не наброситься на нее. На экранах наблюдательного пункта было видно, как тщательно она отслеживает мимику своего визави, как внимательно строги ее глаза.

– Хорошего ты сотрудника подобрал, – едва слышно проговорил он в сторону Тандаджи. – Хорошо работает.

Тот невозмутимо и едва заметно склонил голову, благодаря за признание.

– С тобой она тоже хорошо поработала, Игорь.

– Не спорю, – пробормотал Стрелковский. – Глупо спорить...

– Молчишь? – тем временем мягко говорила Люджина. – А ты знаешь, что тебя могут отдать в услужение той женщине, что захватила тебя? Если же ответишь на вопросы – будешь жить как почетный пленник.

Тха-нор с ненавистью смотрел на капитана, но молчал, только свободная рука теребила какой-то амулет на груди – то ли паук, то ли паутина из черного хитина. Люджина остановила взгляд на нем.

– Дай-ка мне свой амулет, – сказала она ровно.

Пленника перекосило, и он чуть двинулся назад.

– Дай, – повторила Дробжек и протянула к нему руку, схватила за шнурок, чтобы сорвать. Тха-нор вскочил – за ним с грохотом встал на дыбы пристегнутый стул, – перехватил ладонь Дробжек, что-то рыча. Игорь дернулся; вышколенные охранники у двери ждали команды Тандаджи, чтобы вмешаться, но он молчал, выразительно глядя за зеркальную стену. Там Дробжек выкручивала амулет из рук тханора, второй ладонью показывая назад знак «стоп, все нор-

мально».

– Оставить! Мое! Не смей касаться, баба! Мы не трогать ваших богов! – заревел тха-нор, и Дробжек разжала руку, отступила назад, подняв ладони.

– Прости. Я не знала.

– Я убить тебя, – выплюнул он, – поганый баба!

– Прости, великий воин, – ласково журчала Люджина, чуть ли не кланяясь, – прости глупую! Меня послали с тобой поговорить, сам видишь, все тебя боятся, а меня не жалко. Мы, женщины, любим украшения, я просто хотела посмотреть.

Иномирянин тяжело глядел на нее, успокаиваясь. Сел обратно на стул.

– Хитрый баба, – сказал он наконец. – Думаешь обмануть меня, вранье говоришь. Похож на ту, где холодно. Анеш-ка.

– Это моя мать, – доверительно сообщила Люджина.

– Ее тоже убить, – сказал тха-нор мрачно. – Или жена взять. Не решить еще. Войска сюда прийти, меня освободить, вас всех убить.

Стрелковский хмыкнул, а вот Люджина осталась спокойной.

– У нас женщины сами решают, кому быть их мужем, – проговорила она легко.

– Видеть, много воли, плохой мир, – буркнул пленник. – Наказывать надо, как охонг или раб. Боги говорят: баба быть послушный.

Дробжек села напротив, склонилась ближе.

– А что еще ваши боги говорят? – спросила она тихо. – И почему вы наших богов не трогаете?

– Боги сражаться с боги. – Тха-нор снова потерябил амулет. – Люди воевать люди. Нельзя люди на боги. Когда боги придут, тогда ваши боги побьют.

– Любопытно, – пробормотал Тандаджи. – Интересно, это вера или нам действительно ждать еще и вторжения иномирных богов?

– Я бы этого не исключал, – серьезно откликнулся Игорь и отвернулся от стены.

– Не дослушаешь? – с легкой насмешкой поинтересовался тидусс.

– Незачем. Дробжек его уже сломала. Теперь разговорится, не остановить будет, – пояснил Стрелковский. – Потом стенограмму прочитаю. А мне надо работать.

Вечером капитан Дробжек, одетая в теплое бежевое пальто, отороченное по воротнику и рукавам мехом, открыла дверь начальственного кабинета. Игорь Иванович, кинув взгляд за окно, поднялся ей навстречу. На улице уже темно.

– Не стала бы отрывать вас от дел, – сказала Люджина, – но вы хотели попрощаться с мамой, Игорь Иванович. Она звонила, уходит через два часа. Сегодня телепорты работают, поэтому они с партизанами хотят перейти в Лесовину и там

попасть в действующую армию.

– Беспокойные вы, Дробжеки, – заметил Стрелковский, накидывая пальто и выключая свет. – Мне было бы проще, останься Анежка Витановна здесь.

– Мне тоже, – тихо призналась Дробжек. – Но маму не переубедишь.

Они спустились из затихающего Зеленого крыла на подземную парковку Управления, подошли к автомобилю Игоря.

– Как вы? Устали? – спросил Стрелковский, когда капитан, сев в машину, со вздохом откинула голову на сиденье и прикрыла глаза.

– Я вам отвечу честно, когда мы выедем за ворота, – пообещала Люджина со слабой улыбкой. – Когда вы из моего начальника снова превратитесь в моего...

Она задумалась, махнула рукой и продолжила:

– ...и у вас не будет искушения запретить мне продолжать допрос.

– Я достаточно рационален, чтобы не делать этого. – Игорь предпочел не заметить заминку, хотя она его царапнула. – Вы отлично справляетесь, вы сотрудник крыла, и запрещать вам – непрофессионально и попросту глупо. Что удалось узнать?

– Бахвалится много. В основном сегодня болтал о том, как велика его империя и как мы будем счастливы жить под правлением мудрых и сильных богов. Всего-то несколь-

ко тысяч жертв в год – и всем будет благоденствие и радость. Но получилось узнать и полезное. Во-первых, знание языка и географии Туры их старшему командному составу якобы влили в головы сами боги с помощью их императора, но увы, на вопрос, откуда боги это знают, последовал ответ: «Они всё знают». По всей видимости, это какая-то местная магия, и император ею обладает. Во-вторых, храмы и священников они не трогают по прямому приказу их богов. Мол, те желают сами сразиться с нашими богами, а до тех пор вызывать гнев нашего пантеона опасно. Но я бы не стала на это уповать. Сегодня не трогают, а завтра тронут.

Стрелковский кивнул – он думал так же.

– В-третьих, – продолжала Люджина, – он рассказал несколько легенд про то, как создавались боевые инсектоиды, и о том, как император и боги должны были привести армию в новый богатый мир. Судя по всему, к вторжению готовились давно. И еще, насколько я поняла – он, Игорь, очень косноязычен! – они ждали открытия порталов, и порталы открылись организованно, вокруг каких-то волшебных камней. Не все волшебные камни, по его словам, сработали, да и принцип работы он не смог объяснить и вряд ли его знает. Но, по всей видимости, стоит ожидать еще прорывов. И в запасе у них еще много войск. Он не врет, он искренне верит в то, что говорит. Другое дело, что вера не гарантирует правды.

– Странно, что при вложенном знании языка он так плохо

изъясняется, – задумчиво произнес Стрелковский.

– Это как раз объяснимо, – откликнулась Люджина, глядя из окна машины на сверкающий огнями Иоаннесбург. На улицах было многолюдно и шумно, и не верилось, что с двух сторон страна зажата клещами иномирянских армий, что где-то прямо сейчас идут жестокие бои и умирают солдаты и простые рудложцы.

– Люджина? – позвал Игорь Иванович. Капитан очнулась, потерлась носом о высокий меховой воротник.

– А, да. Извините, засыпаю. Думаю, проблемы с изложением у него потому, что их собственный язык куда проще. В нем нет падежей и склонений, а тха-нор говорит, перекладывая свою речь на нашу. Вот и получается ограниченная форма. В любом случае даже с этой ограниченной формой я вытащу из него все возможное.

Они доехали до дома. Люджина дремала в кресле, ее дыхание раздувало мех на воротнике, и Игорь, припарковавшись во дворе, пару минут подождал, глядя на нее.

Удивительно самодостаточная. Дробжек вполне могла бы прожить без него, уйдя в свои леса, и не нужен он был ей как опора. Но отчего-то же она выбрала его...

Будить ее не хотелось, но он все же осторожно коснулся ее плеча и проговорил:

– Люджина, просыпайтесь. Приехали.

Она потянулась, не открывая глаз, едва слышно промыча-

ла что-то.

– Почему вы не хотите выйти за меня замуж? – серьезно спросил он у ее розовой щеки и носа – всего, что выглядывало из пышного мехового воротника.

– Шеф, – простонала она глухо и угрожающе, так и не открывая глаз. – Вы прямо сейчас желаете услышать ответ на этот срочный вопрос?

– Хотелось бы. – Он едва сдержал улыбку, так потешно она сердилась.

Северянка зевнула и наконец-то открыла глаза. И некоторое время внимательно разглядывала молчащего Стрелковского – пока он не потянулся к ней и не поцеловал. И мирно-сладким был этот поцелуй.

– Вы же умный, Игорь Иванович, – сказала она ему в губы, когда он чуть отстранился. Сказала с улыбкой, повернулась и нажала на ручку двери. – Сами догадаетесь.

– Опять ваши психологические штучки, – проворчал он, выбираясь из машины. Люджина слышала, довольно кивнула.

– Они, шеф. Они самые.

Они проводили Анежку Витановну, которая все прошлые дни гостила у Игоря дома, и нескольких северян из бывших пленных до телепорт-вокзала Иоаннесбурга. Там царил хаос. Множество людей толпилось у телепортов – все спешили перейти туда, куда было нужно, пока снова не начнутся

перебои.

Из портала, над которым было написано «Великая Лесовина – Иоаннесбург», спешно выносили тяжелораненых, тут же дежурили скорые городских госпиталей. Обратного прохода пришлось подождать.

– Мам, может, не пойдешь? – безнадежно и тихо спросила Люджина у матери, закутанной в плотный пуховик, в каких-то камуфляжных теплых штанах, шапке, плотных рукавицах и с тяжелым рюкзаком на спине.

– Не малодушничай, Люджинка, – строго сказала Анежка Витановна, притянула ее к себе, поцеловала в лоб, потрепала по голове. Приманила к себе потенциального зятя, похлопала его по плечу.

– Вы берегите себя, Анежка Витановна, – попросил Игорь Иванович. Мама Дробжек отмахнулась.

– Да что мне сделается?

– Мало ли что, – усмехнулся Игорь. – Вы у нас женщина боевая. Вон пленный тха-нор в жены взять грозитя.

– Козел он, а не тха-нор, – сказала старшая Дробжек с явным и серьезным омерзением. – Пропалывать от таких надо нашу землю, Игорь Иванович. Я-то сама не боец, так хоть ребятам помогу – будут накормлены и обстираны.

– Открыли, Анежка, – вмешался в разговор один из северян, Милослав Вотжеч, поглядывая на засветившийся портал. Часть бывших пленных еще находилась в королевском лазарете, куда их определили по протекции Стрелковского,

там же лежала и молоденькая медсестра Элишка, а Вотжеч от лечения отказался и все эти дни рвался обратно, на свой Север.

– Ну, – Анежка Витановна тоже оглянулась, – правда пора нам, пора. Будет связь и где зарядить телефон – позвоню. Не реви, Люджинка! Не реви, кому говорю! Ребенок размазней родится!

Она еще раз стиснула дочь, у которой предательски покраснели глаза, в крепких материнских объятьях и направилась к телепорту вслед за товарищами, не оглядываясь. Люджина со вздохом задрала голову, проморгалась и тоже отвернулась.

– Пойдемте домой, Игорь Иванович, – позвала она. – Устала, сил нет, а завтра опять с этим старовекóвым хвастуном говорить...

Игорь кивнул и взял ее за холодную руку.

– Пойдем, – согласился он. – Домой.

Глава 3

Вторая половина марта, Дармонишир

Марина

Почти две недели я не видела Люка. Месяц март уже перешагнул через середину, а мой муж только иногда появлялся в фортах, не соизволив даже на минуту заглянуть к семье. Ко мне.

Прошла эйфория от появления у дверей замка мобильного госпиталя и оттого, что Люк так быстро исполнил мою просьбу. Благодаря ему у нас теперь было достаточно лекарств и оборудования, но мы все еще отчаянно нуждались во втором хирурге и других специалистах, потому что весь врачебный персонал замка работал на износ.

Теперь я жалела, что не попросила Люка остаться хотя бы на завтрак, не поговорила с ним немного. «Знаешь, я скучаю, – сказала бы я. – Я хочу впиться в тебя ногтями и кричать, так я скучаю».

Я обманывала себя. Вряд ли я удержалась бы от того, чтобы не укусить его в очередной раз.

Люк, конечно, был занят жизненно важными делами. Это я понимала, как и то, что он не прячется от меня и тоже предпочел бы быть рядом, пусть наша жизнь в последнее время

напоминала поле битвы, чем готовиться к битвам реальным. А они приближались. Мы привыкли к глухой отдаленной канонаде, доносящейся сквозь буйно обрушившуюся на Дармоншир весну: отряды, обороняющие соседнее графство, продолжали отступать, прикрывая бегущих в панике жителей. Я видела потоки машин на шоссе – некоторые из них заезжали к нам за срочной помощью. Лица моих охранников тяжелели с каждым днем, и капитан Андрей Осóкин, начальник моей почетной гвардейской тридцатки, на пару с Леймином провели нам с леди Лоттой и Маргаретой подробнейший инструктаж о том, как действовать в случае приближения иномирян к замку.

Мы собрались в малой гостиной, усевшись на одной софе и сложив руки на коленях, как гимназистки, и слушали мужчин, а потом отвечали на вопросы: куда бежать, что брать, где прятаться...

– Госпожа герцогиня, – почтительно и резко говорил мне Осокин – долговязый, со светлыми глазами и светлой щетиной на остром подбородке, – план вашей персональной эвакуации согласован с его светлостью. Вы должны понимать, что при первой же команде обязаны использовать амулет-переноску. Если она не сработает – а это вполне может случиться из-за сбоя в телепортации, – мы через подземный ход выведем вас к листолетней стоянке вместе с семьей. Главное – никакой самостоятельности. Вы моя госпожа, и я подчиняюсь вам, но только не в военной обстановке.

Уж не знаю, почему он так упирал на мою вероятную самодетельность. Возможно, до него дошли слухи о побеге для спасения Кати?

– Не беспокойтесь, капитан, – примирительно проговорила я. – Я буду послушна как овечка, обещаю.

Взгляд, полный сомнения, был мне ответом.

Нас еще заставили несколько раз пройти по длиннущему подземному ходу со стенами из красного кирпича, пахнущему сыростью, проверили тайную комнату с воздуховодом, радиосвязью и запасом продуктов на неделю – на случай, если нас блокируют с двух сторон, – и, видимо, убедившись, что мы достаточно прониклись, повели обратно в замок. Не знаю, как чувствовали себя леди Шарлотта и Маргарета, а меня кидало от страха к какому-то эмоциональному отупению. Все эти приготовления казались нереальными и немного забавными, будто все было не по-настоящему. Впрочем, засмеяться мне не захотелось ни разу.

– Капитан, – тихо позвала я, после того как мы вышли из подземного хода в замковый холл, где привычно пахло лекарствами и раздавался гул голосов больных, – а что будет с нашими людьми в замке? Их спасти кто-нибудь собирается?

– Наша первоочередная задача – чтобы вы остались в живых, – опередил Осокина Жак Леймин. И капитан поддержал его:

– Конечно, их не собираются оставлять на убой, моя гос-

пожа. Но это забота отдела господина Леймина, а не ваша.

– Вы ошибаетесь, – сказала я резко, приглушая голос, чтобы не слышали медсестры и пациенты. – Моя. Я должна быть уверена, что и их спасут, и госпиталь вывезут. Вы можете мне это обещать, господин Леймин?

Старый безопасник покряхтел, вращая глазами, но я не устала – остановилась у лестницы, ожидая ответа, и он наконец уязвленно сказал:

– Если таково ваше желание, я могу предоставить вам план эвакуации персонала и больных.

Мне не хотелось обижать старика, и я открыла рот, подбирая слова, но тут на помощь пришла леди Шарлотта.

– Мы не сомневаемся в вашей компетентности, господин Леймин, – проговорила она мягко.

– Ни в коем случае, – подхватила я, поднимаясь на ступеньку вверх. – Но у меня сердце будет не на месте, если я не увижу, что все под контролем.

– Хорошо, – пробубнил Леймин, проходя вперед, и леди Лотта лукаво улыбнулась мне. – Завтра я покажу вам план эвакуации, моя госпожа.

Дни проходили в хлопотах, заглушающих страх, в новостях с фронтов, в бесконечном приеме раненых и операциях – и я понимала, что счет идет на дни, что вот-вот катастрофа разверзнется и здесь. По словам Жака Леймина, который каждое утро докладывал мне об обстановке на фронте, тя-

желые бои шли уже в двадцати километрах от форт, и враги должны были достичь герцогства в течение недели. Пару дней назад мы вместе с несколькими медсестрами и ходячими больными, вышедшими покурить, опять бежали в замок от нагрянувшей тройки «стрекоз», а над нами грохотали заговорившие на башнях пушки. Иномирян отогнали, но меня не покидало ощущение, что они и не собирались нападать, просто вели разведку. А если бы напали, то свалили бы наши орудия вниз и убили бы нас всех.

После встречи с Мартином я приняла решение и, поговорив с магом Тиверсом, чтобы подготовить магический договор о неразглашении, напоила и Тиверса, и наших виталистов своей кровью. Мне это стоило слабости и головокружения, зато теперь целители могли помочь большому количеству раненых и выдержать долгие операции с доктором Кастером. Жаль, что существенно улучшить наше положение не удалось: все замковые специалисты были слишком слабы, но и одного дополнительно спасенного солдата в день было достаточно, чтобы я не жалела о своем поступке.

Мне каким-то чудом удавалось выделить время на посещение палаточных лагерей, которые с моего разрешения разбили в парке замка Вейн, а также на прием как простых просителей, так и мэров городов и аристократов герцогства — им не оставалось ничего другого, как обращаться ко мне. Я была очень занята. И не должны были у меня оставаться силы на эмоции из-за отсутствия Люка. Не должны бы-

ли – но как же я злилась! Злость моя была иррациональной и очень детской, я прекрасно это понимала, но ничего не могла с собой поделать.

Подарок на его день рождения пылился в гараже – новенький, очень пижонистый и блестящий серебром двухместный листолет со щитом, ускорением, ночным визором, автопилотом и системой ориентирования. Люк выполнил мою просьбу, а мне захотелось порадовать его, хотя в нынешнее время этот подарок казался неуместным. Но ведь война не могла длиться вечно.

В Виндерсе, столице герцогства, был салон спортивных моделей, дорогих, но бесполезных как для перевозки раненых, так и для боевых действий. Оказалось достаточно звонка моей горничной, чтобы мне прислали несколько моделей на выбор. Ключи я положила на подушку кровати мужа, прокравшись в его покои, как будто не имела на это права, – и долго еще бродила там, вдыхая застарелый запах табака и разглядывая знакомую ванну, огромную спальню, бар с темными бутылками и тяжелую пепельницу на столе.

Через три дня я забрала ключи и чуть не вышвырнула их в окно. Люк не отвечал на мои звонки, и я разрывалась между страхом, что с ним что-то случилось, и ощущением, что он просто забыл про меня. Допрошенный Майки Доулсон сообщил, что его светлость будет отсутствовать несколько дней, но где он сейчас – неизвестно.

В любом случае понимание, что секретарь знает о моем

муже больше, чем я, добавляло кислоты в тот коктейль эмоций, что плескался внутри меня.

На четвертый день я после короткого сна между операциями обнаружила несколько пропущенных звонков от Люка и бросилась перезванивать. Но он опять был недоступен. Еще спустя некоторое время на телефоне оказались пропущенные звонки и краткое сообщение: «Я улетаю в Пески. Очень занят». Не сказать, что это вернуло мне душевное равновесие, но я ответила: «У нас все в порядке», – вернула ключи ему на подушку, выдохнула и приказала себе успокоиться. В конце концов, мне было чем заняться.

Токсикоз набирал силу, на удивление, отступая во время операций – то ли оттого, что я была сосредоточена, то ли от запаха анестетика, который казался мне прекраснейшим на свете. Но и он переставал спасать. У меня начались дикая тошнота, головные боли и обмороки, и обеспокоенная леди Шарлотта попыталась отговорить меня от работы в госпитале – но как я могла не делать даже той малости, на которую была способна? Закончилось все тем, что я пообещала держать при себе двух гвардейцев, которые подхватят меня, если я вдруг свалюсь во время процедур, посещать виталиста почаще и бывать на свежем воздухе.

Свежего воздуха было хоть завались – я спала с открытыми окнами, но и это не спасало от утренней изматывающей дурноты, усугубляемой вкалыванием игл. Их оставалось немного, около двадцати, но ощущения теперь были такими

невыносимыми, что я орала и плакала, уткнувшись лицом в подушку и сжимая ее зубами.

Вот и сейчас я приглушенно мычала в горячую ткань, чувствуя, как мокро лицо и как трясет меня от отголосков боли. Самое страшное на сегодня я уже пережила. Я очень боялась, что это повредит ребенку, и каждый день малодушно оттягивала процесс, пересчитывая иголки с упорством ма-
няка и говоря себе: «Через минуту их будет на одну меньше» и «Зато Поля жива».

Раздались шаги – я с усилием перевернулась на спину и увидела тревожно взирающую на меня леди Лотту.

– Марина, – она присела на кровать и подняла меня к себе, – девочка... что с тобой происходит?

Объятья ее были теплыми и крепкими. Я прижималась лицом к ее плечу, восстанавливая дыхание. «Ничего», – нужно было сказать мне. Леди Лотта тоже была вымотана, и стыдно казалось нагружать ее своей болью. Но сил у меня не осталось – слезы текли и текли, пока не переросли в рыдания. Я плакала и жаловалась чудесной, доброй леди Шарлотте – уж не знаю, могла ли она что-то разобрать сквозь мои судорожные всхлипывания. Говорила и про иглы, и про выматывающую тошноту, и про то, как я чертовски устала и как обижена на Люка – потому что его нет и потому что ему я должна сейчас плакать в плечо, а не его матери.

Говорила и говорила, пока не затихла, ощущая себя совершенно измотанной, не отлепилась от ее плеча и не рухнула в постель, на бок.

– Останься в кровати, я прикажу подать тебе завтрак сюда, – предложила свекровь, взяв меня за руку. Она не стала комментировать мои словоизлияния, и я была безумно благодарна за это умение промолчать.

– Нет, – сипло отозвалась я, – я сейчас приведу себя в порядок и пойду вниз. Всем нелегко. А буду себя жалеть – еще больше расклеюсь. И так стыдно перед вами.

– Нечего стыдиться, – строго сказала леди Шарлотта. – Я, когда была беременна Люком, рыдала дни напролет. Женщинам иногда необходимо хорошо поплакать. Легче же?

Я прислушалась к себе.

– Легче.

– А сейчас станет еще лучше. Я поднялась сказать, что к нам пришел второй хирург, Марина. Он ждет тебя в гостиной.

Я подскочила, забыв обо всех горестях, заметалась по спальне – то к зеркалу, посмотреть объем катастрофы с лицом, то к гардеробу, – но не успела достать платье, как меня настиг испугавшийся слез токсикоз, и пришлось мчаться в ванную.

Возможно, и не плохо, что Люка сейчас нет рядом. Боюсь, в таком состоянии я бы сделала его жизнь по-настоящему невыносимой.

Пески

Люк Дармоншир

Герцог Дармоншир уже забыл, когда спал в последний раз. Полеты в Пески, занятия с Нории, возвращения в герцогство, вылазки за оружием, совещания, разведка, снова в Пески... Хорошо, что, когда он был в змеиной ипостаси, человеческая отдыхала.

Но сегодня уставший мозг все-таки начал выдавать галлюцинации: пролетая ночью вдоль инляндского берега с зажатой в зубах артиллерийской установкой, Люк увидел сначала белесое свечение в скалах, напоминающее то ли призрачный цветок розы, то ли раскрытую в небеса змеиную пасть. Он теперь летал над морем, чтобы избежать встречи с захватчиками, и сейчас даже сменил направление, хотя машина в пасти тянула его вниз, покружил вокруг, настороженно вглядываясь в скалистое побережье, но ничего не разглядел и полетел дальше.

Затем стало казаться, что его окружают странные серебристо-черные змеептицы, взявшиеся играть с ним в догонялки. Видения, когда он отмахивался лапой, рассеивались темным дымом, но кожу при касаниях простреливало холодом, и от этого было жутко. Но тут из-за туч вышел месяц, и оказалось, что вокруг никого нет. Море под брюхом играло в голубоватом лунном свете, шурша галькой, и от равномерно-го движения волн глаза начинали слипаться и отчаянно хотелось зевнуть.

Люк доставил оружие к форту и снова поднялся в воздух, не оборачиваясь, хотя от голода уже мог и камень сгрызть. Но ничего, поохотится по пути. Нужно было лететь в Пески. Нории давал ему очень много, а времени с приближением врагов почти не оставалось.

Внизу, в утренних сумерках, показалась громада замка Вейн – он был темен, только редкие окошки светились

на нижних этажах. Люк, помотав башкой, чтобы снять ощущение, спустился ниже, завис перед окнами спальни Марины – они были открыты, но завешены голубыми шторами, расшитыми золотом, и змей, досадливо фыркнув, оставил мысль обернуться и заглянуть к супруге, и понесся дальше, набирая высоту. Промелькнули огни столицы герцогства – Виндерса, расположенного в восьмидесяти километрах от замка, – через несколько минут остались позади и земли приморского монастыря Триединого, находящегося в Рудлоге, а впереди, очень далеко, уже поднимались заснеженные пики Милокардер, сияющие золотом в рассветном солнце.

Теперь Люк летал в Истаил не над океаном, а через горы, сократив время пути вполовину. Поначалу он побаивался: Милокардеры были куда выше и опаснее Северных пиков, где его тренировал Луциус, и первый раз его чуть не швырнуло высотными воздушными потоками на склон. Он, конечно, рискнул снова, наловчившись ловить высокогорные ветра и ускоряться с их помощью. Но полет все равно занимал больше трех часов.

Остались позади и горы, где ему так и не удалось нормально поохотиться – на зуб попался только один козел, жесткий и такой старый, что, верно, нарочно вышел навстречу змею, дабы прекратить свое существование. Дальше пошла зелень Песков, и наконец Люк увидел белые купола и дома полуденного Истаила и через несколько минут опустился в парке

дворца Нории. Обернувшись, с усилием потер глаза и, покачиваясь, зашел в беседку, где лежали оставленные сигареты. Ему хотелось есть и курить, а пачка была ближе, чем дворец.

Раздалось посвистывание, и в беседку впорхнула стайка анодари – туманных крылатых то ли котят, то ли четырехлапых совушек. Они закружились вокруг его светлости, рассеивая табачный дым. Люк следил за ними слипающимися глазами, вяло шевеля пальцами, – ветерок, послушный его воле, щекотал духов воздуха, те радостно взвизгивали, хватались за потоки ветра лапками, качались на них как на качелях. Так он и заснул – под свист анодари, с дымящейся сигаретой в пальцах, лицом на резном столике.

Крылатых воздушных духов Люк увидел в первый же день пребывания в Песках. После того как Люк встретил Нории с Ангелиной в Лонкаре, они втроем добрались в Истаил. И Владыка, уделив должное внимание супруге и государственным делам, пригласил его светлость прогуляться и заодно выяснить, чему обучен гость. Через полчаса дракон задумчиво посмотрел вслед очередному смерчу и рокочуще сказал:

– Тебе не хватает умений и точности, хотя сила твоя велика. Жаль, что у меня мало времени. Я покажу тебе то, что пригодится в бою. А если ты выиграешь войну – расскажу и остальное.

– Спасибо, – в очередной раз поблагодарил Люк.

– Мне это в радость, – ответил Владыка, сворачивая в апельсиновую аллею. – Пятьсот лет назад Змеев Воздуха среди белой аристократии было куда больше, несколько десятков. Сейчас ты один. Кровь разбавляется, способности к обороту пропадают. Туре нельзя тебя терять.

– А почему драконы не теряют эти способности? – поинтересовался герцог, разглядывая усеянные оранжевыми плодами деревья. Дух стоял свежий, цитрусовый, даже в носу защекотало.

– Мы потомки двух стихий. – Нории остановился, залюбовавшись цветущей изгородью, как звездочками покрытой алыми махровыми бутонами. – Поэтому способность к обороту есть у всех драконов.

– Берманы тоже все имеют вторую ипостась, – задумчиво пробормотал Люк. Дракон был бесценным источником информации и охотно ею делился, и герцог пообещал себе после войны обязательно прибыть сюда с визитом и послушать все, что может рассказать местный хозяин.

Нории улыбнулся, направляясь дальше по тропинке.

– По легендам Михаил Вермонт, первопредок династии, был воспитан медведицей и жил со своей женой в облике медведя, поэтому у всех его потомков устойчивая способность к обороту. Но я думаю, дело еще и в том, что берманы – очень закрытый народ. Они женятся только на своих, очень редко – на человеческих женщинах или женщинах других стихийных родов. Поэтому их кровь так не разбавле-

на. Но хватит разговоров. Попробуй сорвать вот тот апельсин, брат.

Нории учил его точечным ударам – и великовозрастный ученик старательно пытался сорвать потоками воздуха плоды с деревьев так, чтобы не шелохнуть листья вокруг. Получалось плохо: они шли по тропинке, а за ними оставались голые деревья с облетевшей листвой. С одного из таких после его неумелых действий и сорвалась стая анодари – Люк от неожиданности выругался, рефлекторно отшвырнул налетевших туманных существ воздушной волной и только потом рассмотрел обиженно посвистывающих маленьких духов, переливающихся белесым сиянием, как бесконечные ветра над Турой.

– Зачем ты так? – укоризненно пророкотал дракон, подманивая одного малыша к себе и почесывая его пальцем под горлышком. – Они почуяли в тебе свою стихию. Это духи воздуха, анодари. Не обижай их.

– Рефлекс, – покаялся Люк, наблюдая, как котосовята облепляют Нории, словно голуби – статую одного из Дармонширов в столице герцогства. – Все время жду нападения. Я думал, воздушные духи змееподобны. И умеют говорить.

– В разных частях света по-разному. – Владыка свистнул, и анодари сорвались с его плеч и рук и улетели. – Эти совсем маленькие и недолго рядом с человеком, поэтому речи еще не обучились. Но они всегда будут готовы помочь тебе. Ты им хозяин, запомни. – Дракон остановился, оглянулся,

обозревая размер разрушений и усмехнулся: – Ты слишком нетерпелив. Представь, что потоки – это струны фарры. Это такой музыкальный инструмент, – пояснил он, увидев недоумевающий взгляд Люка. – Тебе нужно точно и аккуратно тронуть одну струну.

– Да, пока получается просто колотить инструментом по деревьям, – невесело согласился его светлость.

– Это от нетерпения, – повторил Нории. – Попробуй брать паузу. Делай вдох и замирай перед тем, как тронуть струну.

Люк послушно замер, поймал струящийся над землей ленивый ветерок и направил его к яркому, налитому оранжевым апельсину. Но поток снова сорвался с пальцев, как взбесившийся буйвол, и ураганным порывом ударил по дереву. Люк уныло посмотрел на апельсины, падающие на щедрую землю Истаила с влажными шлепками, на кружащиеся листья, и тряхнул головой.

– Неважный из меня музыкант, – проговорил он.

– Не все сразу, – отозвался Нории, шевельнув пальцами, – от ветки мягко отделился оранжевый плод, опустился в ладонь дракону. – Воздух – капризная стихия. Ты быстро учишься. Забудь о том, что у тебя мало времени, это мешает. Действуй так, будто впереди вечность.

Забыть не получалось, и вечности у Люка не было, но «игра» потоками с каждым днем удавалась все лучше. Как и точечные удары, и призыв мелких вихрей, и смешение теплых и ледяных, влажных и сухих высотных ветров, чтобы создать грозовую тучу, вызвать град или ураган. Люк учился, жадно поглощая все, что давал ему дракон, и с отчаянием понимал, что времени катастрофически не хватает. Что ему нужно в десять, в сто раз больше.

– Брат, поднимайся.

Люк поерзал щекой по гладкой ткани и разлепил глаза. В них словно песка насыпали, и видно было плохо. Он находился в покоех, раскинувшись прямо в одежде на постели. А у кровати, склонившись, стоял Нории – дракон держал в ладони руку Люка, слушая пульс, и от его пальцев шла по телу живительная прохлада. Дармоншир, проморгавшись, кинул взгляд за окно. Небо было окрашено в багровые цвета. Начинался закат.

– Сколько я спал? – спросил он саднящим горлом.

– Почти семь часов, – сказал дракон. – Я приказал пере-

нести тебя сюда. Проспал бы и больше, но тебе нужно поесть. Сейчас полетим поохотимся, простая пища тебе уже не поможет, нужна кровь и свежая плоть. И будешь снова отдыхать.

– Некогда, – пробурчал Люк, садясь на кровати. Голова кружилась. – Я последний раз к тебе, Нории. Враги вот-вот дойдут до фортов. По-хорошему, мне вообще не следовало прилетать. Но мне нужны твои знания. И эти семь часов я потратил зря.

– Отдых – это тоже часть работы. – Дракон отпустил его руку и покачал головой. – Много же ты поможешь своим, если будешь засыпать на ходу. Смена ипостасей не заменяет сна, брат.

Люк поискал взглядом сигареты, потянул их с прикроватного столика, сунул одну в рот. В голове после лечения Нории наступила блаженная легкость, и глаза больше не болели. Но зато он снова ощутил, насколько голоден.

– Я боюсь не успеть, – признал он неохотно. – И боюсь не выстоять. У меня почти ничего нет: горстка обученных людей, две горстки рекрутов, немного оружия и я, недоучка.

Владыка задумчиво глядел на него, склонив голову набок.

– С тобой это больше, чем было у других. А страх не даст тебе преуменьшить опасность.

– Да. – Дармоншир щелкнул зажигалкой и поднялся. – Ты мудр и выдержан, Нории. Может, и я когда-то буду таким.

– Слишком выдержанным ты никогда не станешь, нам все-

таки придает мягкости Мать-Вода, – усмехнулся Нории. – Но тебе ведь исполнилось тридцать пять, для нас ты только-только переступил черту совершеннолетия. Дети Воздуха медленно взрослеют, над нами превалируют ощущения, а не чувства, желания, а не разум. Чем ярче ощущение, тем нам лучше. А потом разум берет верх, появляются сдержанность и спокойствие. Не абсолютные – все-таки Воздух не может существовать в покое.

– Это что же, я лет через двадцать стану таким же замороженным, как его величество Луциус, хорошего ему перерождения? – поразился Люк, спешно затягиваясь, чтобы скрыть озноб, который начал пробивать, и утихомирить желание обернуться. При упоминании старого змея в сердце кольнуло сожалением.

– Ты неправ. Мой брат по воздуху был человеком сильнейших страстей. – Владыка с печалью кинул взгляд на багровеющее небо. – Просто он научился этого не показывать. И ты научишься. – Он перевел взгляд на Люка. – Пойдем же, пока ты не обернулся прямо здесь и не начал охотиться на слуг и горожан. И на будущее: избегай сильного голода и сильного гнева, брат. Иначе волей-неволей отведаешь человечины. Воздух, когда наливается гневом, становится неудержимое огня.

Они вылетели далеко за город – туда, где по полям, высоко вскидывая копыта, носились в свете заходящего солн-

ца стада одичавших верблюдов и косуль, – и устроили настоящее кровавое пиршество. Дракон быстро наелся, улегся среди цветущего луга, с удовольствием вдыхая запах медовой пыльцы, приправленный густым духом крови, и терпеливо ждал, пока насытится оголодавший сородич. Змей, словно сорвавшись с привязи, заглатывал несчастных животных, роняя кровавые слюни и периодически угрожающе шипя в сторону Владыки. Мое, мол, не трожь. Тогда дракон лениво шевелил крыльями: «Видишь, не претендую», – и на время успокоившийся потомок Белого снова гнался за добычей и хватал ее, закатывая глаза от удовольствия.

Наконец и он остановился. Посмотрел на щедро окропленную кровью высокую траву, лютики-цветочки, покосился на Нории и несколько смущенно начал вытирать морду о землю. А потом обернулся в человека и застыл, изумленно разглядывая подсвеченное багровыми лучами солнца дело рук своих. Точнее, пасти своей.

– Главное, чтобы это никогда не увидела моя жена, – сказал он обернувшемуся и подошедшему Владыке. Помолчал, снова разглядывая последствия бойни, которую устроил, усмехнулся и пробормотал: – Впрочем, она и так уверена, что я чудовище.

Нории учил его весь вечер и ночь – а когда звезды на небе начали бледнеть, они сменили ипостаси, поговорили еще немного, мирно и почти ни о чем, обнялись на прощание и направились в разные стороны. Владыка полетел в Истаил,

где ждала его в большой постели маленькая сильная жена, Ани-лиша. Он думал о ней и о том, что они смотрят в одну сторону, и в это тревожное время Ангелина Рудлог стала источником силы не только для него, но и для всего драконьего и человеческого населения Песков. Думал он и о своем беспокойном, освежающем, как молодой ветер, госте. О том, что судьба всё всегда расставляет по своим местам. Так было с ним, Нории, и с его огненной супругой, так будет и с сыном Воздуха, если тот выживет.

И печалился Владыка, потому что как мужчине и воину хотелось ему собрать драконов и бросить на помощь брату по отцу, но как правитель и глава почти исчезнувшего народа не имел он на это права. Тяжело было на душе у Владыки. Тяжело, и не мог он найти покоя, и решения принять не мог.

А его светлость герцог Дармоншир летел к своей земле, почти не замечая острых пиков Милокардер и ледяных порывов ветра, гуляющих среди них. А когда один особо наглый ветерок решил сотворить на пути змея воздушную яму, крылатый недоучка скрутил его узлом и бросил на одну из вершин. Полюбовался, как вокруг заснеженного пика по кругу пошла ледяная пыль, фыркнул на присмирившие потоки и полетел дальше. К своей горстке людей, полосе фортов, морю, семье и Марине, спящей в его доме за расшитыми золотом шторами в комнате с открытыми окнами.

Глава 4

Конец марта, Истаил

Ангелина

Сначала над Истаилом разыгралась гроза – ее Ангелина слышала сквозь крепкий сон, почувствовав, как потянуло из окон свежестью, и закуталась в тонкие шерстяные покрывала. Без Нории на огромной кровати их покоев было непривычно и зябко. Муж пришел вслед за дождем, лег рядом, прохладный, как всегда, и принес с собой запах влаги, озона и тревоги. А еще – храмовых свечей и ароматных масел: розового, что жертвуют Синей, и ландышевого с ветивером, что льют в чашу Белому. Нории молчал, обнимая ее, но по дыханию и напряжению мышц было понятно, что не спит.

– Расскажи, – попросила Ани, поворачиваясь к нему и заглядывая в глаза.

– Мне нужно будет увидаться с Четери, – пророкотал дракон, бережно прижимая ее к себе. – Сегодня. Я могу, конечно, пообщаться Зовом, но хочу поговорить лицом к лицу.

Ангелина задумчиво погладила его по напряженному плечу, запустила пальцы в красные волосы с седой прядью, коснулась затылка – и дракон прикрыл веки.

– Зачем?

– Хочу попросить совета, Ани-эна.

– Это как-то связано с Дармонширом? – проникательно поинтересовалась она.

– Он растревожил меня, – медленно и гулко проговорил Нории. – Обнажил наше бессилие. Герцог мало мне знаком, но в нем много воздуха и силы, его стихия свежа и беспокойна. Он приятен мне, и его гибель опечалит меня. Но что я могу? Только просить отца и мать уберечь его.

Она, конечно, поняла, что он имеет в виду. Продолжая перебирать волосы, спросила:

– Жалеешь, что сам не можешь помочь?

– Да, – сказал Нории, так и не открыв глаз – но чуть повернув голову, чтобы жена могла добраться до шеи. – Я хочу помочь, но не могу. И Рудлогу не могу. Но оставаться в стороне – плохое решение. Это надежда на чужие силы, моя Ани. Мы все выжидаем, потому что боимся открытия порталов на своей земле. Но даже пусть у нас портал не откроется – если убьют Дармоншира, захватят его земли и подомнут юг Рудлога, то ничто не помешает иномирным пройти по старой дороге между морем и горами и прийти в Пески. Мы не знаем, защитит ли Стена от армий другого мира. А больше я ничего не могу им противопоставить. Разумней было бы усилить сейчас и вашу армию, и армию герцога. Прежде всего герцога, конечно, у Рудлога есть силы выстоять. Но нам нечем это сделать.

Ани сосредоточенно и сильно проминала ему затылок, погрузившись в размышления. Нории ей не мешал, молчал.

– И чем в этой ситуации может помочь Четери? – спросила

она наконец.

– Он один стоит армии. Знает все земли двух материков, с закрытыми глазами может нарисовать подробнейшую карту. И мыслит как воин и стратег, моя Ани, – Владыка уже жмурился и едва заметно улыбался – Ангелина в своих раздумьях начала водить губами по его груди. – Быть может, он подскажет какое-то решение. Возможность, которую не вижу я.

– Мне тоже хотелось бы, чтобы лорд Лукас выстоял, – проговорила Ани серьезно. – Он закрывает Дармоншир, а там моя сестра. – Она снова помолчала и решила: – Я полечу с тобой. Хочу увидеть Каролину и Святослава Федоровича. И пообщаться с посланцем Йеллоувиня.

– Хорошо, – пророкотал дракон, оглаживая ее широкой ладонью по спине и ягодицам. – Ты выпалась, моя Ани?

– Я – да, – сказала Владычица строго. – А ты – нет.

Дракон усмехнулся, повернулся, подхватывая ее так, что она оказалась на нем, и Ангелина оперлась на локти, разглядывая его лицо.

– Не будешь спать? – прошептала она с той же строгостью, в которой, однако, отчетливо слышалась звенящая нежность. – Не будешь, – ответила сама себе и коснулась пальцами улыбающихся губ мужа. Тело его расслабилось, и тревога из глаз почти ушла. – Тогда надо заняться чем-нибудь полезным, Нории. Не стоит тратить времени.

– Вот кто еще мыслит как стратег, – пробормотал дракон,

положив ладонь на льняной затылок жены и привлекая ее к себе. – Моя Ани.

Тафия

Владыка Нории опустился во двор дворца Четери, когда тот с улыбкой слушал какого-то седого старичка в традиционной одежде Песков – длинной рубахе, вышитой шапочке. Мастер поднял голову, сощурившись на ярком солнце, перебросил красную косу через плечо и махнул спускающемуся дракону рукой, что-то одновременно говоря старику. Тот кивнул, тоже задрал голову, почтительно поклонился и бодро поковылял прочь, за ворота.

– Проситель? – поинтересовался Нории, когда они с Четом обнялись и хозяин Тафии поприветствовал Ани.

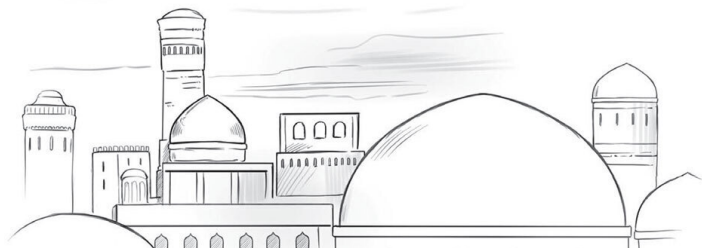
– Нет, – усмехнулся Чет. – Я же все-таки не только Владыка, но и учитель, Нори-эн. Так что в этом случае скорее я был просителем.

Он не добавил ни слова, и Нории склонил голову, признавая право собрата на свои тайны.

– Как Светлана, Четери? – вежливо спросила Ангелина.

– Хорошо, – мягко проговорил Мастер. – Навестишь ее?

– Конечно. Каролина и Святослав Федорович здесь?

– Почтенный отец во дворце, – кивнул Четери, – а маленькая Рудлог ушла с охраной в город. Отдохни, Владычица, а ее пока найдут и приведут сюда. В твои покои подадут прохладный шербет и напитки. И хочешь, приглашу массажистку? Я ее у Хань Ши увел, настоящая колдунья, руки – как сам Инлий меня правит, да простит меня отец за сравнение.

Ангелина, едва заметно улыбнувшись, покачала головой и взглянула на наручные часы.

– В другой раз. От напитков не откажусь, но отдыхать не стану. Пусть Каролина гуляет, не нужно за ней посылать, пообщаюсь, когда вернется. Пока есть дела. Выдели мне зал для переговоров, Четери, и распорядись, чтобы сообщили послу Хань Ши: я хочу поговорить с ним.

– Сделаю, – весело и торжественно пообещал Чет. Но Ангелина Рудлог даже бровью не повела, а взгляд стал ледяным.

– Благодарю. Ну что же, оставляю вас, – величественно проговорила она и удалилась, как всегда с прямой спиной. Нории смотрел ей вслед с легкой улыбкой, а Четери качал головой и тоже улыбался.

– В ней столько силы, что не по себе становится, – сказал он с теплотой. – Хорошо, что гора выпустила тебя, Нории. Боюсь, это случилось только из-за того, что на Туре не было мужчин, способных совладать с Ангелиной Рудлог.

Нории усмехнулся и тут же посерьезнел:

– Мне приятно слышать восхваления моей жене, Чете-

ри-эн, но я прилетел за советом. Помоги мне. Ты старший из нас, ты любимец трех богов, ты знаешь военную науку лучше кого бы то ни было...

Легкомысленная и мечтательная улыбка на лице Четери ушла – перед Нории снова стоял Мастер клинков.

– Говори уже, друг, – серьезно сказал он, присаживаясь на скамью под цветущим персиковым деревом. – Похвалить меня ты всегда успеешь.

Он слушал Владыку Владык, чуть хмуря брови, – в руке его возник клинок, и Мастер под рассказ лениво и задумчиво чертил острием по узорчатой плитке двора.

– Я понимаю твою печаль. Знал бы ты, как тянет меня бросить все это, – он провел рукой вокруг себя, – и уйти в бои.

– И отчего не уходишь? – поинтересовался Нории. Он подошел к фонтану и сейчас сидел на его бортике. – Из-за Светланы?

Чет покачал головой.

– Нет. Не дело воину оправдываться слезами жены. Я жду знака. Я знаю, что моя война еще впереди. Песни битв уже звучат в моих ушах днем и ночью; я слышу, как Красный Воин закаляет свои доспехи и точит оружие, слышу, как наполняется яростью Инлий Белый и темнеет штормом Мать-Вода. Но мне уходить пока не время. Что касается молодого Дармоншира, Нории, – ты знаешь, что у каждого свой бой. Тот, что должен выдержать он сам – или умереть. Он еще

юнец; выдержит – станет мужчиной.

– Знаю, – согласился Нории, склонив голову набок и легко проведя ладонью по водной глади фонтана. – Я не могу драться вместо него, я даже не могу драться рядом с ним. Но хороши же мы будем, если отвернемся от молодого ветра, Чет. Единственного ветра Туры. Нас с тобой наставляли и помогали, в первый бой с тобой плечом к плечу шли другие ученики, а у него нет никого. И даже духов он вызвать на помощь не может – не умеет еще и нет у него на это сил.

Четери недовольно покосился на друга, подбросил клинок в воздух – тот подлетел с гулом – и поймал его за рукоять. Сверху на его плечи посыпались срубленные листья и цветы.

Нории молчал и ждал.

– Там же рядом море, – сказал Мастер с намеком.

– Да, но в Дармоншире ни капли стихии нашей Матери, Чет, – напомнил Владыка Владык.

– Зато в тебе ее довольно, – буркнул Четери сварливо. – Загляни в сокровищницу Тафии, Нори-эн. Ты не помнишь, верно, а нам Мастер Фери рассказывал, как в давние-давние времена Владыка Нейрин заключил договор с водяными духами и заклил амулет, который заложил в стену Тафии. Сто лет после этого сотня тер-сели несла стражу вокруг Города-на-реке, а Нейрии платил им кровью и обязал людей брать к себе в дома новорожденных духов. Амулет в виде собачьей головы. Найди его и попробуй снова заключить договор с тер-сели. Если готов платить и если уж тебе очень

хочется похлопотать над мальчишкой.

– Так надо, – без обиды пророкотал Нории. – Чувствую, что надо.

– Раз надо, то делай, – уже спокойно ответил Мастер. – Только не забудь рассказать молодому Дармонширу об ограничениях. Чтобы он на радостях не расслабился. Помогать тоже надо с умом, чтобы твоя помощь не стала поленом в его погребальном костре. – Он задумчиво потеревил кончик красной косы. – Я вот тоже занимаюсь помощью одному юнцу. Звезды, что ли, так над нами встали, Нори-эн?

Вей Ши

За последние пару недель внук императора Йеллоувиня убедился, что, родись он крестьянином, жизнь его была бы куда легче и приятнее.

Послушники и монахи обители Триединого который день по утрам копали грядки и сажали картошку, капусту, тыкву... и много чего еще сажали, поднимаясь до восхода солнца – ибо работать на дневной жаре было невозможно. Вей Ши вставал еще раньше, потому что стоило пропустить хоть день тренировок – и тело становилось деревянным, непослушным. Он занимался с шестом, потом съедал огромную тарелку просяной каши с кунжутным маслом и медом – и, если ночью не уходил на охоту, ему, оголодавшему, трудно было дотерпеть до наступления завтрака. А потом шел

копать.

Настоятель обители был доволен и вслух строил планы попросить у Владыки Четерии еще пахотных земель и сажать пшеницу, чтобы монахи могли печь хлеб для страждущих. И Вей Ши, угрюмо работая лопатой, думал о том, что он впустую тратит свою жизнь и что Мастер, видимо, решил посмеяться над ним.

Впрочем, через несколько дней принц заметил, что работа на земле погружает его в предмедитативный транс и на удивление расслабляет. Но, увы, все достижения на ниве самоконтроля, полученные на огороде, разбивались, когда он выходил с метлой в храмовый двор, понимая, что вот вычистит тут все, и снова придется ему спускаться в город к болтливому невыносимому старику Амфату. Даже навязчивая девочка, гостя Мастера, не приносила Вей Ши столько головной боли, как этот старик.

Девочка, к слову сказать, за своими вещами не вернулась. И никто за ними не пришел. Они так и лежали в келье Вей Ши: мольберт, альбом, грифели, краски. Он как-то вечером от нечего делать взялся просмотреть альбом и с тех пор периодически возвращался к нему. Было чем очароваться: уверенной рукой девчонка делала наброски и огромных величественных пейзажей, и маленького плетения какой-нибудь ограды на мостике; смотрели со страниц альбома на императорского внука жителя Песков – выразительные, живые лица, неприукрашенные. Вот старуха с покрытой головой,

а на узловатых руках – кольца, золото, и улыбка молодая, задорная; вот двое чернявых ребяташек глядят друг на друга с детской любовью; а вот рыбак прикрыл глаза – то ли спит, то ли вот-вот дернет удочку. Оказались здесь и изображения Четери – с разных сторон, неполные, словно девочка рисовала частями, чтобы потом собрать конструктор. Были в альбоме изображения и ее отца, и Владыки Нории с женой, и каких-то девушек, похожих друг на друга, смутно показавшихся Вей Ши знакомыми.

Маленькая гостья Мастера красоту понимала и умела ее запечатлеть. Осознавал Вей Ши и то, что она добра, – просто и доброта эта ее плебейская, и жалость вызывали раздражение. Он даже вспомнил ее имя – Ка-ро-ли-на. Слишком длинно, грубо, тяжеловесно. Не то что имена дев его родины, похожие на пение соловья или флейты.

Но альбом он просматривал. А иногда и сам брался за грифель и выводил на чистых страницах то цветок жасмина, то ветку вишневого дерева со зрелыми плодами. Он тоже любил рисовать. К сожалению, редко когда у него оставались на это силы.

Старика Амфата, тощего, с обезьяньим смуглым лицом и хитрой улыбкой, принесли в храмовый двор на следующее утро после того, как Вей Ши прогнал настырную девчонку. Несли его на носилках четыре слуги из дворца Четери. Опустили свою ношу на скамью, и один из слуг подошел к Вей Ши.

– Владыка Четерии сказал принести старика в храм и найти тебя, – проговорил он почтительно. – Владыка приказал передать свои слова: «У старого Амфата отказали ноги. Он был хорошим воином, а сейчас одинок и благочестив. Днем будешь носить его в храм на обед и обратно, а после по его просьбе туда, куда он пожелает, пока не сядет солнце».

Вей Ши выдохнул вскипевший в крови гнев, посмотрел на слугу, на деда, который вертел головой, оглядываясь по сторонам, – шея у него была оливковая, как все тело, цыплячья, седые космы неопрятно лежали на плечах, – и ровно сказал:

– Я выполню волю Владыки.

С тех пор он и служил ишаком для крикливого старого кочевника. Пол-Тафии выходило на улицу посмотреть, как го-лосящего боевые песни соседа несет на закорках молодой послушник с такой прямой спиной, что удивительно было, как не падает с нее дед Амфат.

– Феби (старика) эфенби (юноша) несет! – кричали дети радостно и бежали рядом. Потом Вей Ши видел, что они стали играть в него – кто, мол, больше друзей унесет и дальше с ними на спине уйдет.

Вей Ши приходил под палящим полуденным солнцем, спускался в домик старика, помогал одеваться и нес в храм. Там Амфат в ожидании обеда сидел на лавке, выстругивал из деревяшек какие-то дудочки и свистульки и оживленно болтал со всеми: с такими же стариками, как он, с прихожа-

нами, монахами, послушниками. А потом, после обеда, Вей относил изрядно потяжелевшего деда обратно. И до вечера то бегал по его заданиям, то таскал на спине по друзьям, кальянным, стоянкам кочевников – везде у Амфата были друзья, и везде его принимали с почтением, вели разговоры, вспоминая былые дни и приключения в те времена, когда Пески еще были опасной пустыней, полной хищников и жестоких духов-песчаников. Вей обычно сидел в стороне, погруженный в свои мысли, но волей-неволей прислушивался и сам не замечал, как его захватывал тонкий голос рассказчика, – и вот он уже сам брел по барханам, отгоняя трещоткой гремучих змей, или искал воду, или обманывал глупых духов. Правда в байках стариков перемешивалась с волшебным вымыслом, но как увлекательно было их слушать!

– Может, я буду вам сюда обед приносить, феби? – поинтересовался Вей Ши через несколько дней мрачно. – Вам, наверное, тяжело по такой жаре.

Старик, разлегшийся на кровати в своем доме, закричал и метнул на Вея острый взгляд хитрых глаз.

– Так я ж помолиться хожу, эфенби, – запричитал он, – богов о здоровье попросить. Кто обо мне, старике, кроме них, позаботится?! Налей-ка мне, кстати, воды, горло пересохло, сил нет!

– Помолиться. И с людьми поговорить, – пробурчал Вей Ши, наливая из кувшина воду в большую чистую чашку. Вообще, в домике старого пройдохи было слишком чисто

для того, у кого отнялись ноги.

Но тут Амфат попытался присесть, забарахтался в постели, и Вей, устыдившись своих мыслей, поднял его, усадил аккуратно.

— Конечно, поговорить, — сказал старик, напившись. — Вот лежи в одиночестве, внучок, и с таким невежливым юношей, как ты, за радость будет поговорить.

Вей Ши молча принял у него кружку, повернулся спиной, присел, и старик вцепился в его плечи как клещами. Императорский внук снова потрусил к храму, чувствуя, как привычное раздражение в душе капля за каплей сменяется усталым равнодушием, щедро замешанным на обиде. Он понимал, что Мастер что-то хочет показать ему. Но не понимал что.

В храме было прохладно и малоллюдно, и императорский внук опустил старика на скамью — тот сразу капризно потребовал воды, умыться после жары и попить, и Вей, сам пропыленный и умирающий от жажды, поднес ему воды, полил на руки и только потом отошел подальше и принялся умываться сам. С кухни доносились запахи овощной похлебки и стук посуды, и Вей, чтобы не думать о еде, набрал полный черпак воды и начал пить.

Краем глаза он увидел что-то пестрое, мелькнувшее в воротах двора, а следом донесся и звонкий голос гостьи Мастера – она здоровалась с послушниками и стариками, рассевающимися на лавочках. Вей шагнул в тень колонны, услышав от девчонки и свое имя. На ее вопрос откликнулся дед Амфат, что-то долго рассказывая скрипучим голосом и, кажется, расхваливая «эфенби» на все лады, а потом громко воскликнул:

– Так вот, внучка, посмотри, не он там, у родника? Глаза слабые стали, ничего не вижу...

– Он, – подтвердила девчонка, направляясь к Вею. – Спасибо, дедушка!

Вей Ши со вздохом ополоснул черпак в чаше родника и повесил его на стену, из которой и била струя воды. У него опять начинала болеть голова, и он ушел бы, если бы старики, рассевшиеся по скамейкам как седые голуби, не смотрели в его сторону с жадным любопытством и не обсуждали бы что-то – наверняка его – между собой.

– Привет, – робко сказала девчонка, остановившись в нескольких шагах. У ворот храма замерли охранники.

– Зачем пришла? – сухо бросил Вей Ши, глядя в сторону. Она тут же вспыхнула.

– Не к тебе, не волнуйся. Нужно больно! Я ищу свои вещи. И альбом. Я оставила их здесь... тогда, – она обиженно фыркнула. – Ты не видел, не знаешь, где они могут быть?

Вей хотел ответить: «Они у меня». Но почему-то буркнул:
– Не знаю.

Зачем? Ей достаточно спросить у любого другого монаха или послушника про альбом, и все укажут на Вея.

– Жаль, – расстроилась юная художница. Сильно расстроилась, закусила губу, опустила глаза. – Жа-а-алко... Но что делать. Сама виновата. Нельзя оставлять...

Она бубнила себе под нос, раскачивалась и терла ладонью глаза. Голова у наследника императора разболелась еще больше.

– Ну ладно, ладно, – пробормотала девчонка. – Вей Ши?

– Чего? – откликнулся он, уже желая, чтобы все вокруг провалились сквозь землю – и что-то щебечущий тонким голосом старик, и надоедливая девчонка, и храм этот вместе с картошкой.

– Ты только не кричи, как в прошлый раз. – Она порылась в сумке и достала оттуда маленькую баночку. – Я тебе принесла мазь для спины. Мне травница сделала. Она ваша, из Йеллоувиня. Возьмешь?

Он протянул руку – только чтобы отделаться, – коснулся ее ладони. И тут девчонка, дернувшись и чуть не выронив баночку, на чистейшем напевном йеллоувиньском произнесла трехстрочное стихотворение – Илью. Из тех, что не могла знать.

– Что ты сказала? – ошарашенно переспросил Вей Ши.
Девчонка недоуменно посмотрела на него.

– Я спросила, возьмешь ли ты мазь, – словно больному, повторила она медленно.

– Нет, – раздраженно сказал Вей. – После этого. Ты сказала: «Старый тигр, белые кости, слава тебе в смерти и посмертии...» – повторил он на рудложском строки из старого предсказания, хранящегося в доме Ши уже пятьдесят лет.

– Да ты что, – засмеялась Каролина. – Я понятия не имею, как это произнести. Зато могу теперь выговорить «У тебя красивая прическа». Хочешь?

Послушник скрипнул зубами и призвал себя к терпению. Нелепый какой-то розыгрыш.

– Ты точно сказала... – снова начал он, но тут девчонка помахала кому-то за его спиной.

– Смотри! – воскликнула она радостно. – Твой дедушка тебя подзывает!

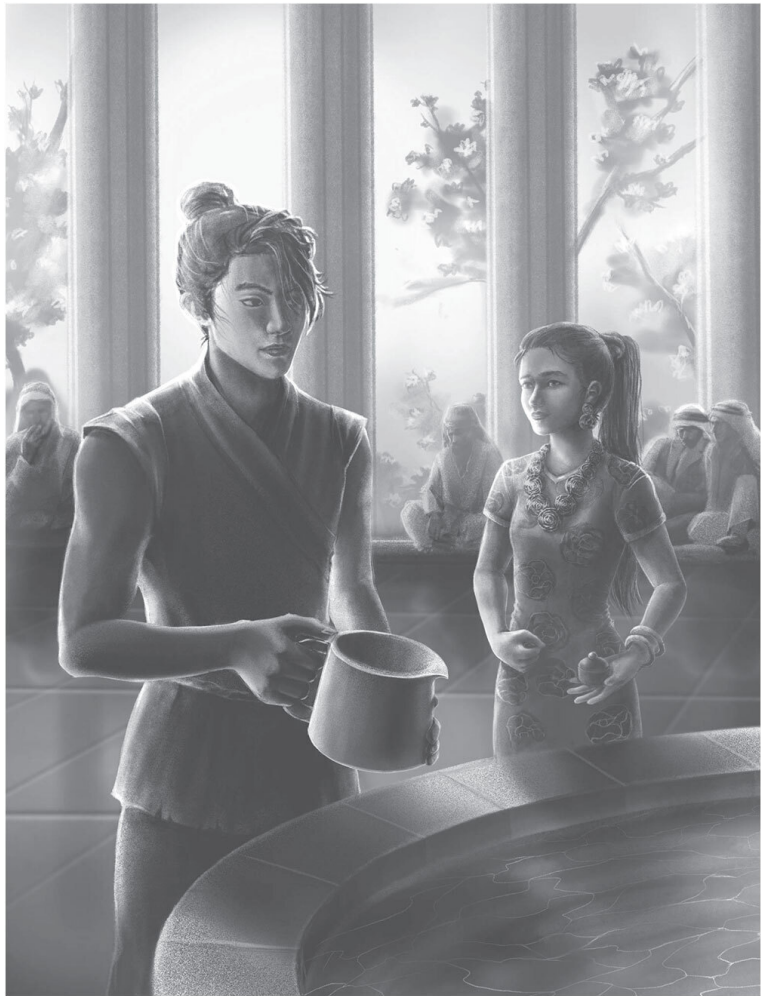
Вей Ши оглянулся. Дед Амфат уже подпрыгивал на скамье, указывая на храмовую кормильню – там накрывали на стол.

– Тебе пора, да? – затараторила девчонка. – Иди. А ты спрашиваешь про мой альбом? Поспрашивай, а? – Она умоляюще сложила руки. – Там много важного. Я завтра еще приду. Или послезавтра.

– Внучок! Помоги дедушке! – донесся от скамьи вполне себе молодцеватый голос деда Амфата. Девчонка еще что-то говорила, дед требовательно покрикивал, шумели направляющиеся в кормильню страждущие, и Вей едва удержался,

чтобы не схватиться за голову. Он наклонился, плеснул себе в лицо еще ледяной воды и, не слушая больше девчонку, пошагал к старику.

Он точно свихнется. Совершенно точно сойдет с ума.

Ангелина

– Хорошо, что ты навестила нас, – говорил Святослав Федорович, к которому Ангелина заглянула до встречи с послом. Сейчас они сидели у большого окна, любуясь на пруд в парке за дворцом Четери. – Я беспокоюсь за Каролину. Учится она хорошо, но учителя сообщают, что она иногда впадает в транс, что-то рисует в тетрадах. Рисунки никому не показывает, прячет. При мне это случилось один раз. Я как-то вечером застал ее рисующей – глаза пустые, позвал – не откликается. Оттаяла, только когда дорисовала. Раньше она всегда реагировала, Ангелина.

Ани слушала, хмурясь.

– А что рисовала? – спросила она напряженно.

Бывший принц-консорт пожал плечами.

– Владыку Четерии видел на одном листе. Со спины, с окровавленными руками и клинками. Кажется, кровь на лице, но там небольшой поворот головы, непонятно. Я его сразу узнал, коса и очень характерная линия плеч, – он кашлянул и вернулся к теме. – На втором – какое-то чудовище, я даже толком разглядеть не сумел. Она на середине очнулась и порвала. Очень испуганна была, но на вопросы не отвечала. Служанка потом сказала, что она ночью плакала.

Владычица обеспокоенно постукала пальцами по украшенному лазурной мозаикой столику. Ей давно следовало

поговорить с Хань Ши, но эта проблема не была первоочередной, и Ангелина откладывала ее решение. Передать через посла просьбу о частном визите Каролины к императору? Или дождаться очередного Королевского совета и лично поговорить там?

Лучше лично, конечно. Это частные вопросы, внутрисемейные. С другой стороны, когда совет еще соберется...

Посол Ю Хон, пожилой, велеречивый и тонкий, с черной бородкой, острым взглядом и в неизменных шелковых синих одеждах – дань уважения стране, в которой он работает, – предоставил Ани списки специалистов, которые должны были переехать в Пески в ближайшие три месяца, и перечень компаний, готовых открыть тут свои представительства. Конечно, этим должна была заниматься не соправительница и супруга Владыки, а министерство труда, но кабинеты только формировались, а Ангелина Рудлог всегда была практична. Ее статус это как-нибудь переживет, а вот солнечные электростанции задержку в постройке или отсутствие обслуживающего персонала – нет.

Общение Владычицы и посла, щедро одобренное заверениями в готовности к сотрудничеству обеих стран, прошло в солнечном белоснежном кабинете, украшенном резьбой по стенам. И со встречи посол ушел, унося в папке не только согласие Владычицы на разработку некоторых месторождений на границе Йеллоувиня и Песков, но и письмо для свет-

лейшего императора Хань Ши.

Во второй половине дня вернулась Каролина, в сопровождении охраны, загорелая, как тидусска, с улыбкой до ушей. Зазвала сестру в свои покои похвастаться рисунками и нарядами, купленными у местных рукодельниц, и, плюхнувшись на кровать и захлебываясь от эмоций, рассказала о том, где успела побывать, с кем познакомиться и какие чудесные старые здания увидеть.

Ани полулежала на низкой софе, улыбаясь и одновременно вглядываясь в сестру. Охранники доложили, что Каролина ходила в обитель Триединого, общалась там с юношей, который обидел ее не так давно, и отдала ему какую-то мазь. Но младшая сестра ни слова не сказала про это. Она щебетала и щебетала, показывала украшения и фотографии, а Ангелина задавала вопросы и одновременно раздумывала, не стоит ли забрать Каролину обратно в Истаил. У малышки появились свои секреты, и это привыкшей все контролировать Владычице очень не нравилось.

– Мне тут хорошо, – проговорила младшая Рудлог, словно подслушав мысли старшей сестры. – Здесь столько всего, Ани! Я все время нахожу то, что меня вдохновляет.

– Значит, в Истаил ты не хочешь? – поинтересовалась Владычица, внимательно глядя на сестру.

– Нет, – быстро вырвалось у Каролины, и она закрыла рот и покраснела. – Ани, я скучаю по тебе. И Истаил тоже кра-

сивый. Но... ты же не обидишься, а?

– Говори честно, – усмехнулась Ангелина, глядя на раскрасневшегося ребенка. И опять младшая эхом ее мыслей протараторила:

– Понимаешь, я тебя люблю, очень люблю, но рядом с тобой я еще маленькая. А здесь я взрослая! Меня узнают, здороваются! В гости приглашают... Просят нарисовать себя, детей... Ну... понимаешь? Конечно, – она опустила глаза, – если ты скажешь, я поеду с тобой. Но я бы хотела остаться. Только не обижайся, пожалуйста! – Каролина умоляюще сложила руки и скорчила умильную физиономию. – Ты все равно все время занята!

– Это правда, – проговорила Ангелина сдержанно. – Хорошо, я оставлю тебя здесь, Кариш. Но в ближайшем будущем нам с тобой нужно будет навестить Йеллоувинь.

– Зачем? – с любопытством вскинула голову младшая Рудлог.

– Я попросила императора помочь тебе с приступами предвидения, – спокойно объяснила Ангелина.

Каролина покраснела и опустила глаза.

– Папа рассказал, да?

– Папа, – кивнула Ани. – А должна была – ты.

– Но это же редко случается, – жалобно и немного испуганно проговорила младшая принцесса. – Я и не помню, что видела. Почти не помню... И честно-честно про вас не было ничего!

Ангелина пересела к ней на кровать и приобняла – хотя сестричка давно уже обогнала ее по росту, но прижалась, как маленькая, и Ани погладила ее по плечу, по волосам.

– Не бойся нам рассказывать, – проговорила она спокойно. – И поездки к Хань Ши не бойся. Единственное, чего нужно опасаться, – это отсутствия контроля над своим телом и разумом. Вот чтобы это тебя не тревожило, и нужно будет посетить Йеллоувинь.

– Хорошо, – пробормотала Каролина. И вздохнула, словно собираясь что-то рассказать – но остановив себя, когда слова уже готовы были сорваться с губ. Ани покосилась на нее и не стала настаивать. Если это важно, рано или поздно сестра все равно поделится.

Вей Ши

Наследник императора совершал прогулку по жарким улицам Города-на-реке с сидящим у него на спине и весело здоровающимся со всеми вокруг Амфатом. Иногда дед требовательно хлопал Вея по груди – тогда принц останавливался и долго слушал разговоры о погоде, здоровье, сплетни и сочные анекдоты, от которых покатывались все вокруг. Он уже знал почти всех знакомых деда, а те – его, знал их истории, истории простых людей с их бедами и радостями, здоровался в ответ – простые тафийцы были рады ему и каждый день приветствовали с таким радушием, будто он был люби-

мым сыном и братом.

После сегодняшней встречи с назойливой гостьей Мастера Вея снадало странное тревожное чувство. Не могла простая девчонка знать родовые предсказания семьи Ши. Да и непростая не могла, если только она не из дома Желтых. Неужели показалось? Он и так и этак вертел воспоминания о ее сегодняшних словах, пытаюсь понять, что же его тревожит, пока от жары не перестал соображать и не отложил раздумья на потом.

Все прошлые дни к вечеру он едва не терял сознание от перегрузки органов чувств. Белоснежная Тафия, пестрая Тафия, так непохожая на медитативный, совершенный в своей гармонии Пъентан, ежедневно обрушивалась на него всеми ее звуками, цветами и запахами, многократно усиленными на солнцепеке. И сегодня Вей Ши то под звуки тысяч голосов вдыхал тысячи ароматов специй на базаре, то морщил нос от запаха рыбы, когда старый Амфат попросил принести его на пристань и там пообщался со всеми рыбаками, что расположились на каменном причале. Потом дед заглянул к другу в пекарню и там, опустившись на пол, застеленный коврами, пил травяной чай с сахаром и лепешками и вел неспешные задушевные разговоры, иногда поглядывая на тихо сидящего в темном углу принца. Вей старался на чаевничающих не смотреть. Он отказался сесть рядом и разделить угощение, потому что опять заболела голова. Но потом в темноте и относительной тишине полегчало, захоте-

лось есть и пить. А пахло очень вкусно.

Дед Амфат снова бросил на помощника взгляд и вдруг закапризничал:

– Эфенби Вей, подойди-ка сюда! Помоги мне, не справится старику без тебя совсем. Да не стой, садись рядом!

Вей неохотно сел. Блюдо с лепешками стояло прямо перед ним.

– Хочу я гостей позвать дорогих, а нечем их кормить мне, – сокрушенно вздохнул кочевник, воздевая руки к небу. – Друг мой Фехил много лепешек делает, – он легко поклонился в сторону приосанившегося и пригладившего седые усы пекаря, – а не выбрать мне самые вкусные. Попробуй все, эфенби, отложи, какие понравятся.

Пекарь, польщенно улыбаясь, подвинул к принцу поднос с выпечкой.

– Я не голоден, – буркнул Вей в сторону, разгадав нехитрую уловку деда. – В обители поем.

– Конечно, не голоден, кто говорит про голоден? – удивился старик дребезжащим голосом. – Ты пробуй, внучок, пробуй.

– Я вам не внучок, феби, – резко проговорил Вей Ши, утомленный этой настойчивостью, и дед Амфат как-то беспомощно заморгал, но тут же мотнул головой:

– Ешь, эфенби. Атоя ведь долго решать буду. Очень долго.

Его голос стал откровенно ехидным, и он кивнул пожилому Фехилу – тот сунул в одну руку Ши лепешку, в которую было завернуто восхитительно прожаренное мясо, зе-

лень и овощи, залитые соусом, в другую – пиалу с чаем и хотнул, снова поглаживая усы.

– Это вашерми, пища богов. – Дед Амфат почмокал губами, для весомости собрал пальцы в щепоть и потряс ими. – Говорят, сам Красный Воин спускается иногда в Пески и приходит в кочевья, чтобы отведать настоящей вашерми из годовалого барашка. Ешь, милый, а то я боюсь, как бы ты с голодухи меня не уронил, – теперь он грозил пальцем, голос его дрожал от стариковской сентиментальности, глаза покраснели, и Вей неожиданно для себя даже не поморщился на это «милый», – потом отнесешь меня домой и будешь свободен.

«Потом» наступило не скоро. Вей съел и вашерми, и с пяток других лепешек с вкуснейшими начинками, истекающими соком, и сам не заметил, как на улицы опустилась темнота. Из зала пекарни они переместились под звездное небо, на ковры, постеленные прямо на мостовую, а пожилой Фехил выставил вокруг с десятков площадок с горящим маслом для освещения. Город с наступлением ночи словно стряхнул с себя дневное оцепенение из-за жары и ожил. Улицы были полны народом – у домов по соседству и дальше по улице также горели огни и сидели люди. К пекарне то и дело подходили другие старики, здоровались с хозяином и дедом Амфатом и усаживались на ковры, и вскоре молодой Ши обнаружил себя в окружении веселящихся, радостных людей. Кто-то наигрывал тонкую мелодию на маленьком струн-

ном инструменте, формой похожем на разрезанную пополам луковицу, кто-то ставил на угли жаровни пузатый огромный чайник, серо-глиняный, расписанный синими цветами и пташками и черный от сажи снизу; в чайник сыпали ароматный чай. Незаметно появились несколько кальянов; пекарь разжигал их, смешно раздувая щеки с седыми пышными усами, доросшими до ушей; пахло древесным дымком, кофе и розами.

Сидящий рядом с Веем незнакомый старик повернулся к нему, предложил трубку кальяна – и принц взял ее, хотя и брезгливо было после чужих губ. Затянулся. Закашлялся, и вокруг захохотали, стуча себя по коленям и откидываясь на подушки.

– Помедленнее, внучок, – весело крикнул ему дед Амфат. – Как девушку целуешь!

Как девушку... Мужчины семьи Ши ценили плотские удовольствия, считая их необходимыми для ровного тока и перераспределения энергий в теле, и к обучению науке любви подходили с той же основательностью, что и к другим предметам. Так что в теории Вей Ши был подкован, а на практике... на практике оказалось, что невинные девы, получив статус фавориток юного принца, не довольствовались его благосклонностью и обществом, а начинали интриговать. Кто-то из фарфоровых красавиц, нежных, как цветы лилии, пытался известить соперниц, кто-то – выторговать преференции для родственника или повлиять на императора через

принца. Вей ощущал их неискренность, как гнилостный запах, и менял одну за другой.

Потом, после изгнания в казармы, были шлюхи, оттирающиеся в местах отдыха солдат, и быстрая близость для сброса напряжения. И простые девки ему, хоть он никогда не признался бы в этом, оказались куда больше по душе. Потому что честно брали деньги и отработывали свое. И помыслы их были прямы и понятны, пусть и приемленны.

Он снова затянулся – долго, словно правда целовал милую сердцу, чувствуя на языке запах роз и кофе. В голову ударило слабостью – были, видимо, в составе и какие-то дурманящие травы, – и он вдруг расслабился и улыбнулся.

В мыслях наконец прояснилось то, что его тревожило, – остекленевшие глаза девчонки с тяжелым именем Ка-ро-лина и ее дрожащие зрачки. Где-то он такое уже видел. Где-то видел...

Сосед-старик захлопал себя по коленям, присоединяясь к бравурной песне на языке Песков, которую завели с минутой назад. Вей, уже начавший немного понимать местный диалект, отвлекся от своих мыслей и прислушался. В песне говорилось о храбром батыре, который и нежить, обосновавшуюся у оазиса, выманил ночью в ловушку и порубил, и песчаников от своего кочевья отвадил: заманил их в озерцо выступившей на поверхность нефти и поджег. И деву прекрасную от песчаного льва спас, а потом и женился на ней, и еще что-то такое же героическое... Дед Амфат попыхивал калья-

ном, глаза его слезились от сияния масляных светильников.

Сосед допел куплет, склонился к принцу, потрепал его по плечу с улыбкой, что-то говоря.

– Что? – вежливо переспросил Вей Ши.

– Хорошо, что ты помогаешь Амфату, эфенби, – повторил старик и снова потрепал его по плечу. – Вот какой человек, песни про него слагают!

Принц заморгал и перевел недоверчивый взгляд на деда Амфата. Вот этот сморщенный, похожий на сушеный чернослив, тощий старик – великий воин?

– Большой силы был человек, о подвигах его во всех кочевьях говорили! – продолжал сосед с гордостью.

– А где же его семья? – осторожно поинтересовался Вей Ши.

– Э-э-э-э, – горестно махнул рукой сосед, взял кальян, затянулся. Вей Ши вежливо ждал – трубку передали ему, и он тоже вдохнул дым. – Никого не осталось, – наконец проговорил старик. – Вся семья отравилась дурной водой и померла от лихорадки, еще когда пустыня здесь была. Жена, дети с женами, внуки, правнуки. Амфат в свои девяносто еще как скала крепкий был, правнука на себе в Тафию приволок, как только открылся город, хотел молить Владыку Четерии об излечении. Но не успел. Похоронил. С тех пор сдался старости и высох от горя. Ноги временами отнимаются.

Вей молча покачал головой, снова затянувшись, взглянул на деда Амфата и быстро опустил глаза от кольнувшего

го в сердце стыда. Непривычного и неожиданного. Но никто не укорял его и отбирать кальян не спешил. Дурманивший дым расслаблял тело. Вокруг стоял шум, вокруг плескался хаос, но энергия струилась добрая, живая. И Вей Ши, сытый и полусонный, сидел среди гомонящих людей, слушал тягучие песни Песков и не ощущал теперь ни раздражения, ни злости, ни головной боли – словно его восприимчивость разом отключилась.

«Когда слишком сладко, не чувствуешь сладости, когда слишком больно, не ощущаешь боли», – как-то сказал ему Мастер. А потом растоптал, подняв на него руку; окунул в котел из кипящих человеческих эмоций, вышвырнув в яркую громкую Тафию с камнем обиды на плечах, заставил заниматься тяжелым физическим трудом и плотно взаимодействовать с людьми.

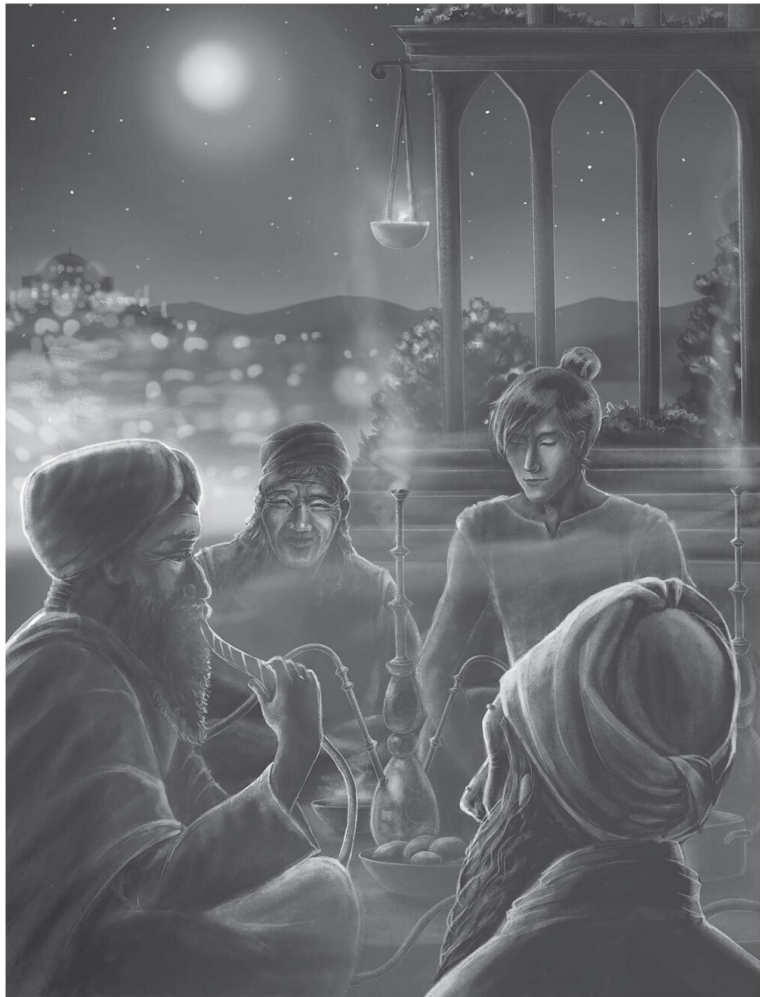
Красноватые отблески от светильников на белоснежных стенах домов смешивались с причудливо пляшущими тенями – и в тенях этих Мастер клинков улыбался, глядя на ученика. И Вей будто раскачивался взад-вперед, хотя не двигался с места, будто дремал, хотя видел все. Шум обтекал его, огни плясали вокруг, и не замечал внук императора, как он с закрытыми глазами улыбается в ответ, положив руки на колени ладонями вверх и скрестив ноги. Зато казалось ему, что чувствует он все вокруг: и щедрую землю Песков, и прохладную, широкую стихию реки Неру, и дуновение ветерка, и тепло огня...

– Хорошо-то как, – вдруг сказал один из стариков. Голоса доносились как сквозь туман. – Ровно сто лет с плеч свалилось.

– Как маслом сладким душу мазнули, – благоговейно прошептал кто-то еще.

– Шелками сердце устелили, – согласился третий.

– Чудеса, – слышались голоса. – Чудеса! Ай хорошо на душе, плясать хочется! Ай плясать!

– Играй, играй! – подхватили окружающие. Полилась бодрая плясовая, похожая на свист щегла в зарослях жасмина, через пару минут присоединилась к струнам и дудочка, и вскоре вся улица вокруг молодого Ши плясала. Плясала задорно, радостно.

А сын Желтого так и сидел с закрытыми глазами, улыбаясь теплomu непривычному покою внутри и миру вокруг.

Глава 5

17 марта по времени Туры, Лортах

Алина

Путь до поселения Алине давался легко, хотя вокруг был все тот же влажный и жаркий папоротниковый лес. Начал накрапывать легкий дождик. Принцесса прикрывалась крыльями, но настроение все равно было хорошим – то ли полный желудок был причиной, то ли мысли о близкой цивилизации придавали сил. Хотя нет. Лучше всего скрашивали дорогу ответы профессора Тротта на ее вопросы.

– Постарайтесь в поселении контролировать свое неумное любопытство, – предупредил он, когда в разговоре выдалась пауза. – Без меня никуда не лезьте. Вообще от меня не отходите.

– Я думала, мы идем к своим, – Алина с недоумением посмотрела на спутника. – Разве меня там кто-то может обидеть?

– К своим, – подтвердил инляндец. Он, расправив крылья, то ли прыгнул, то ли взлетел, чтобы перебраться через поваленный скользкий папоротник. Опустившись на землю, протянул Алине руку и продолжил: – Но эти люди – дети цивилизации Лортахы, ваше высочество.

Принцесса фыркнула на очередное «высочество» и попыталась сама забраться на ствол. Конечно, поскользнулась, и Тротт поддержал ее, подняв глаза к небу. Рука его была крепкой и теплой.

– Дети цивилизации, – вежливо напомнила Алина, спрыгивая с той стороны в хлюпающий мох. Дождь усиливался, сильно пахло зеленым и мокрой землей.

– Патриархальной цивилизации, – проговорил инляндец с усмешкой, – в которой прав тот, кто сильнее. И святых среди нас нет, это обычные люди, со своими пороками, не слышавшие о правах женщин или о равенстве полов. Женщины здесь примерно в том же положении, что в старовековые на Туре тысячу лет назад. И ваши крылья вряд ли заставят относиться к вам по-другому.

Алина рефлекторно дернула крыльями и ойкнула, обдав спутника брызгами.

– Извините, профессор Тротт, – тоненько сказала она и улыбнулась его выразительному взгляду.

– Боги послали мне вас в наказание, – беззлобно проговорил он, отирая капли со лба.

– Это мы давно выяснили, – деловито кивнула Алина, улыбаясь еще шире. – Продолжайте, пожалуйста.

Тротт некоторое время молчал, видимо, вспоминая, на чем остановился. Шуршал дождик, под ногами хлюпало все сильнее.

– Будь вы обычной женщиной, вас бы никто не тронул, –

наконец продолжил он, – потому что вы под моей защитой. Но вы же знаете, что у нас нет женщин дар-тени и детей от местных мы иметь не можем. Вы – чудо и слишком большое искушение. И если будете неосторожны, кто-то может захотеть присвоить вас. Это не значит, что на вас набросятся сразу же, как увидят, – я знаю бойцов с застав и жителей поселения, и в основном там достойные люди. Но я предпочитаю перестраховаться.

– Вы правы, – сказала она со вздохом. – Я поняла. Буду молчать и не отойду от вас ни на шаг, лорд Макс.

– Охтор, – буркнул он. – Чтобы не было лишних вопросов, называйте меня Охтор.

Он замолчал, и принцесса, только чтобы не было тишины, застенчиво попросила:

– Может, расскажете что-нибудь о моем отце? Например, как они с мамой познакомились?

Она с жадностью приготовилась слушать, но лорд Макс ее разочаровал.

– Не знаю, – сухо проговорил он.

– А отк-куда тогда вам изв-вестно, что я – ег-го д-дочь? – От неловкости появилось заикание.

– Он мне сказал. – Тротт не смотрел на нее, и понятно было, что говорить он об этом не хочет.

– Ну х-хоть что-то расскажите, – насупилась Алина. – Я же н-ничего не знаю о нем! Расскажите!

– Он был таким же упрямым, как вы, – глухо пробурчал

профессор, кинув на нее нечитаемый взгляд. – И слишком часто забывал об осторожности. Любил рисковать... и это почти всегда было оправданно...

Тротт говорил медленно и неохотно, словно ему это было тяжело или неприятно. О временах учебы в университете, о том, как они познакомились. Но по мере рассказа он оттаял, поведал про несколько забавных случаев на практике, про то, как они все боялись и уважали Алмаза Григорьевича, про их опыты и открытия – а Алина жадно слушала и понимала, что хотя прошло шестьдесят лет, а воспринимается это точь-в-точь как байки Димки и Матвея о безобразиях во время их учебы, перемешанные со стихийной лекцией по боевой магии и магическим свойствам растений. Тротт увлекся, объясняя ей свойства трав-усилителей, твердил формулы, очерчивая ребрами ладоней решетки плетения стихий, требовал ответов – и Алина тоже втянулась в этот своеобразный экзамен. Она даже немного устала, но утренняя гнетущая тишина и странное раздражение профессора были так живы в памяти, что она боялась нового молчания и болтала без умолку, задавая вопросы, отвечая и немного смущаясь от его периодических нечитаемых взглядов.

Вот опять – замолчал на полуслове, посмотрел на нее, на мокрую сорочку, на крылья, сложенные домиком над головой, – и потянул с себя кожаную куртку, по которой стекали капли дождя.

– Да мне не холодно, профессор, – бодро заявила прин-

цесса. – Не надо. Да не надо же! Мне совсем не холодно, правда!

– Надевайте, – с тем же раздражением, что и утром, приказал инляндец и, сунув ей в руки тяжелую куртку, зашагал вперед. Лекция, видимо, закончилась.

– Да что вы опять злитесь?! – крикнула она ему вслед непонимающе и топнула от избытка чувств ногой по хлюпнувшей земле. Натянула куртку – тяжелая кожа прижала крылья – и вприпрыжку побежала за ним. – Вот вы уходите, – укоризненно заметила Алина, забежав вперед и заглядывая ему в лицо, – а если на меня нападет паук?! Он меня съест, и вам стыдно будет!

– Не будет, – отозвался лорд Макс, не глядя на нее. Но губы его дрогнули в усмешке.

– Потому что вам меня совсем не жалко? – невсамделишно возмутилась принцесса, зашлепав рядом по напитавшимся водой мхам и изо всех сил желая взять вон ту корягу и стукнуть Тротта по голове.

– Потому что здесь нет лорхов, – пояснил и не подозревающий о ее кровожадных мыслях спутник. – Поселения дар-тени существуют больше тысячи лет, и за это время всю инсектоидную дрянь поблизости выбили. Иногда забредают новые, но очень редко. Так что из поселений намеренно делают вылазки в низины и степи, чтобы забить лорха или дикого охонга. Даже на тха-охонгов делают ловушки и убивают огнем.

– Зачем? Они же несъедобные!

Дождь не прекращался, лицо было мокрым, и Алинка вытерла его ладонью, слизнув капли с губ и помотав головой, чтобы стряхнуть влагу с волос. Тротт, мрачно покосившись на нее, снова пошел вперед, а она – следом, под шум усиливающегося ливня раздумывая, стоит ли сообщить ему, что беспричинные перепады настроения – симптом расстройства психики, или не стоит провоцировать очередной перепад.

– На самом деле в них есть съедобные части, как в туринских раках, – профессор заговорил после такой паузы, что Алинка не сразу поняла, о чем он. – Но главное – хитин. Он необычный, поддается плавке и ковке. Лучшие доспехи делают из него, он гораздо легче железа и гораздо прочнее.

Алина вспомнила черные матовые кирасы у наемников на раньярах и кивнула.

– А у вас такой есть?

– Был, – буркнул Тротт, снова уходя вперед. Под ливнем его рубаха тоже прилипла к телу, черные крылья, прижатые к спине, чуть приоткрылись, и Алина некоторое время беззастенчиво разглядывала его плечи и шею. Нравилось ей на него смотреть.

– Исключительно в целях изучения анатомии, – пробормотала она себе наставительно, хмыкнула и тут же погрузилась – так ей сейчас захотелось, чтобы рядом была Полина, с которой она в школьные годы шушукалась и хихикала, обсуждая одноклассников. Или лучше чтобы она, Алина, ока-

залась снова на Туре, с сестрами...

Грубая ткань сорочки профессора так промокла, что отлично очерчивала мышцы, и Алина в какой-то момент загнулась – ее грустные размышления прервала неожиданная мысль, и принцесса осторожно раскрыла куртку и посмотрела себе на грудь. А затем, внезапно смутившись – хотя с чего бы, походная жизнь давно отучила от стеснения рядом с профессором, – подняла глаза на удаляющегося спутника. И снова помотала головой, стряхивая с волос капли дождя.

– Что вы себе еще придумали, Богуславская? – низким Троттовым голосом проговорила она и окончательно разве-селилась, подумав, что ее перепады настроения тоже вряд ли можно назвать здоровыми. Лорд Тротт остановился, обернулся, жестом подзывая ее, и Алина послушно побежала к нему.

– Ошерёл!

От звука чужого голоса с кустов всполошенно взметнулись пестрые птицы, а принцесса, не успев затормозить, подпрыгнула от ужаса и, сменив курс, дернулась к ближайшему папоротнику.

Наемники? Догнали?!

Профессор крепко перехватил ее за запястье, буркнув: «Хорошая реакция», – и громко крикнул на лорташском:

– Это Охтор. Женщина со мной!

Испуганно замершая Алинка, сначала и не поняв, о какой женщине идет речь, начала крутить головой. Впереди,

из сплетения поваленных стволов, листьев, камней и пластов мха, выходили вооруженные мужчины. Все были одеты довольно разномастно – кто в тканые рубахи и штаны, кто в кожаные, поверх – темные хитиновые кирасы, набедренные и наплечные щитки на ремнях. Но главное – у некоторых из воинов были крылья!

– Что это? – шепотом спросила принцесса, во все глаза разглядывая новых соплеменников.

– Это застава, – проговорил Тротт и отпустил ее руку. – Я вас предупреждал о ней. Укрепление, боевая точка, предназначенная для того, чтобы задержать противника на пути к поселению.

Алина, потирая запястье – ну и хватка же у ее спутника! – снова посмотрела на укрепление, меньше всего похожее на что-то рукотворное, и вздохнула, припомнив, что «ошерел» значит «назовись». А она-то думала, что уже хорошо знает язык, – но от страха все вылетело из головы.

Защитников заставы было около десятка, разных возрастов. Они, подходя к Тротту, с приятной и уважением стучали кулаками по его спине; профессор отвечал тем же, с кем-то перебрасывая репликами.

На принцессу воины смотрели с не менее жадным любопытством, чем она на них, – один из дар-тени, совсем молодой, даже шагнул к ней и потянул на себя крыло, чуть выглядывающее снизу из-под куртки.

– Настоящая! – сказал он, с восторгом поблескивая зеле-

ными глазами, и, видимо, для верности дернул за пух, вырвав немного. Алина отняла крыло, прижала к себе руками – и тут ее себе за спину задвинул профессор, склонился к соплеменнику и что-то тихо сказал. Тот сразу же отступил. Алина наострила уши, но слышала только «моя» и тяжело вздохнула, изнывая от любопытства.

Один из старших дар-тени, с которым Тротт говорил до этого, усатый и седой, оглядел принцессу с головы до пят и, хохотнув, проговорил:

– Ох и диво-то, птенец совсем, но наша же! Не думал, что увижу девку из наших-то, Охтор! Третью оихар себе привел? Прокормишь?

Алина нахмурилась, пытаясь понять и мысленно повторяя фразу. Что-то она не так расслышала...

– Не себе, – пробурчал Тротт. – Источнику.

Крылатый посерьезнел, покрутил ус, оглянувшись на прислушивающихся бойцов.

– То знаю, – кивнул он, понизив голос. – Нёрха говорил. Иди. Застанешь еще его. Поселение готовится уходить. Непокойно тут последние декады, Охтор. Отряды наемников заходят глубже, чем раньше, и много их! Почти вплотную недавно подлетели на раньярах, но дальше не смогли, увел их Источник-то. Еще закрывает наших от них даже в лесу, но слабеет, видно, что слабеет. А был еще лазутчик... – он снова покосился на своих людей. – Ну, это тебе Нерха расскажет. Идти тебе надо.

Алинка нервно оглянулась – после слов седоусого ощущение безопасности ушло. Но лорд Тротт спокойно кивнул, принимая слова к сведению, и пошел вперед, жестом приказав принцессе следовать за собой. И Алина, стараясь держаться поближе к нему, двинулась следом.

Поселение, к которому вела начинающаяся еще в лесу дорога, оказалось окружено высоченным частоколом из нескольких рядов стволов со срубленными наискосок верхушками. Ближе к лесу находились стволы пониже, следующий ряд – выше, следующий – еще выше. Лес подходил почти вплотную к ограде, хотя Алина увидела у стен и небольшие возделанные поля, на которых под закатным солнцем копошились люди – и женщины, и мужчины, и дети; в высокой траве виднелись спины мелких белых и пестрых коз.

Она крутила головой, пытаясь разглядеть побольше, и впитывала, вдыхала в себя все многообразие звуков и запахов этой пасторали, удивительной на фоне чудовищного напряжения последних недель. Козы блеяли, из-за частокола раздавалось пение петухов и лай собак, пахло травой, мокрой после дождя землей и гарью. Вверх над поселением поднимались столбы печного дыма, и Алина, представив себе горячий куриный суп и кусочек свежего хлебушка с маслом, зажмурилась, облизнула губы и застонала – так захотелось есть.

Открыв глаза, она поймала внимательный взгляд лорда

Тротта – и нервно передернула плечами. Стыдно, что ведет себя как ребенок.

– Не смотрите на меня так, лорд Макс, – сказала она тоненько и очень серьезно, – а то я чувствую себя лягушкой в вашей лаборатории.

Профессор не улыбнулся, а неожиданно озадаченно моргнул и отвернулся.

– Вы очень говорливая лягушка, ваше высочество, – процедил он, ускоряя шаг.

– И очень голодная, – заверила Алина его спину. Крылья Тротта дрогнули – то ли усмехнулся, то ли ругнулся, – но принцесса, больше не обижаясь, потрусила за ним. Перепады настроения спутника стали ее занимать. Так, наверное, ощущают себя музыканты: вот коснись этой клавиши или струны, и звук пойдет тяжелый, агрессивный, а вот этой – и зазвенит нежно и весело.

Навстречу путникам по дороге шли две женщины, темно-волосые, темноглазые, с корзинами, пристроенными на бедрах, – перед Максом-Охтором они склонили головы, и принцесса недоуменно глянула на него, а потом снова принялась рассматривать местных жительниц. Очень простая одежда: на талии повязаны темные тканевые юбки, за пояса которых заткнуты подола нижних длинных сорочек, обнажая до колен ноги. Обувь, плетенная из чего-то растительного, напоминала обычные туринские лапти. Они еще долго оглядывались на Алину, а принцесса – на них. Ей было странно,

и снова вернулось ощущение нереальности, как в первые дни на Лортахе.

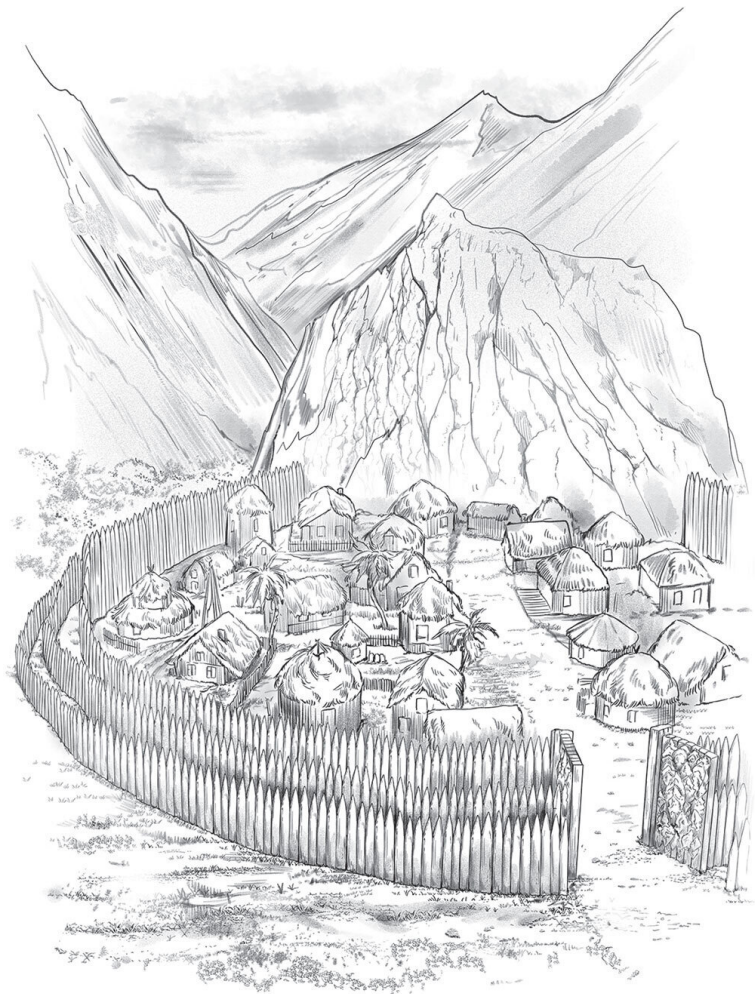
– У них совсем другие глаза, – сказала она молчаливому Тротту, задыхаясь от желания поделиться. – Понимаете?

– Если вы выразитесь конкретнее, – сухо откликнулся ин-
ляндец, – возможно, и пойму.

– Вы не замечаете, наверное, – Алина с откровенной жалостью посмотрела на него. – Конечно, вы же давно здесь. У них глаза людей, никогда не видевших телевизора. Электрической лампочки. Магии.

– Большинство из них и книг не видели, – продолжил Тротт, явно забавляясь ее впечатлительностью.

«Ну и пусть», – решила принцесса. Пусть лучше смотрит на нее с усмешкой, чем раздражается. Она переключила внимание на высокие стены и огромные раскрытые ворота, обитые все теми же неровными листами из хитина внахлест, отчего создавалось впечатление, что это шкура огромной змеи.

ПОСЕЛЕНИЕ ДАР-ТЕНИ

– Это старая защита от охонгов и пауков-лорхов, – объяснил профессор, заметив ее удивление. – Долгое время круги ограждения расширяли, это труд многих поколений дар-те-ни. Теперь даже если лорх случайно доберется сюда, внутрь он пробраться не сможет. Запрыгнет, соскользнет в промежуток между частоколом, застрянет, и его добьют. Здесь постоянно дежурят часовые. – Он кивнул на небольшие башенки за воротами, на крытых площадках которых виднелись вооруженные люди. – Если увидят опасность, трубят в рог, созывая жителей, и закрывают ворота.

– А если кто-то не успеет добежать? – с дрожью в голосе поинтересовалась Алина.

– Все знают, что лучше успеть, – жестко проговорил Тротт и, махнув дозорным, шагнул за ворота.

Внутри поселение оказалось большой деревней – домов было очень много, наверное, больше пятидесяти, – со всеми ее звуками и запахами. Частокол примыкал к скалам, за которыми вдалеке виднелись горы. Дома, с темными окнами, приземистые, укрытые или соломой, или дерном с зеленой травой, были расположены хаотично; что-то наподобие главной улицы шло от ворот и терялось среди избушек. Во дворах тоже паслись козы, у скал поблескивало озерцо, по дороге бегали лохматые куры. На Алинку сбежалось посмотреть, наверное, все поселение, но Макс твердо вел ее куда-то

в сторону, и наконец горланящая и рассматривающая ее толпа осталась позади, а он открыл калитку и шагнул в просторный двор, в котором находился большой дом и несколько построек поменьше.

– Это ваш дом? – спросила принцесса и застыла. Во дворе копошились мальчишки лет восьми-десяти, и Алина непонимающе уставилась на них. Пацаны, увидев гостей, подскочили, подбежали к ним, что-то голося, и Макс усмехнулся, потрепал их по головам и сказал:

– Зовите мать.

Принцесса замерла, захлопала глазами, глядя то на спины мальчишек – они забежали в дом, – то на инляндца. Нет, это не его дети, конечно, ведь он говорил, что дар-тени не могут здесь иметь детей. Тогда кто это?

Тротт спокойно шагал к крыльцу, когда снова распахнулась дверь, и на него вышла молодая женщина, симпатичная, тревожно крутящая головой, а затем вылетела и вторая, улыбающаяся, тоненькая, совсем молоденькая.

– Ты-ы-ы прише-е-ел! – странно растягивая слова, воскликнула она, почти слетев с крыльца, схватила Макса за руку, поцеловала ее. – Я жды-а-ала-а-а!

Алина, широко раскрыв глаза, смотрела на то, как лорд Макс улыбается – непривычно мягко, гладит девушку по щеке, а та снова хватает его руку и, счастливо жмурясь, прижимается к ней губами. Тротт воспринимал это так спокойно, будто это было в порядке вещей.

– Ты стала лучше говорить, Венин. – Он провел ладонью ей по горлу. – Я попробую тебя еще подлечить.

Девушка смотрела на него искрящимися от счастья глазами, и Алинке вдруг стало кисло.

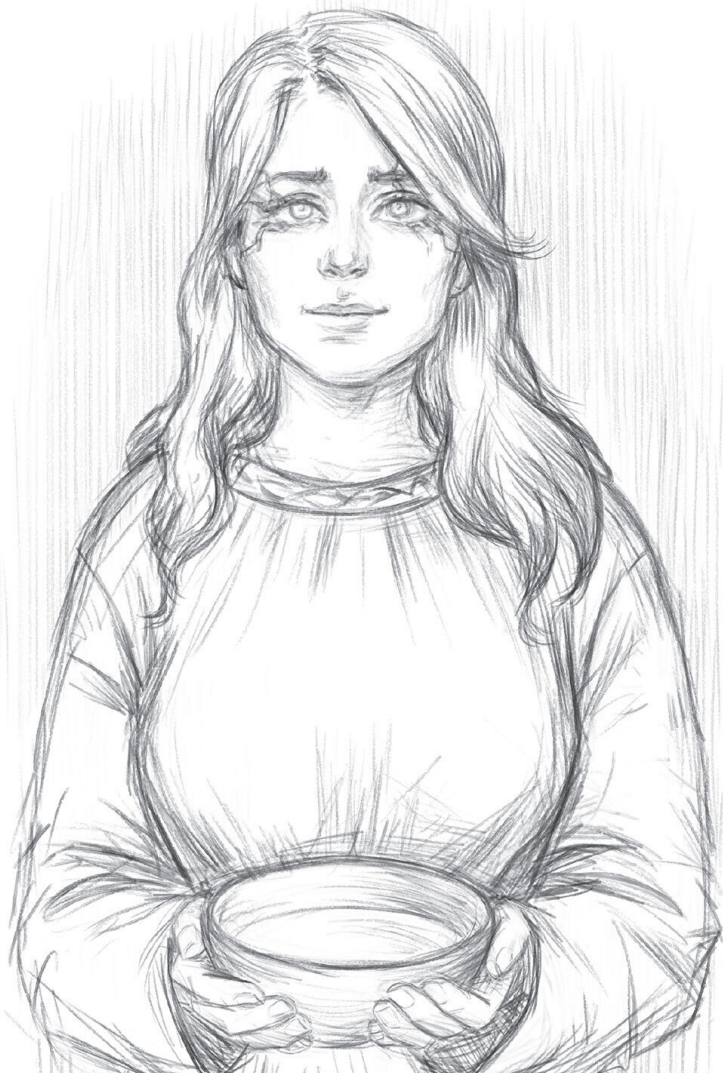
– Дати Охтор, дати Охтор, топить ванран? – звонко закричал один из мальчишек из-за спины второй женщины.

«Дати, – отстраненно вспомнила Алина, – обращение к уважаемому мужчине, но не старику. Ванран... купальня?» Она вдруг почувствовала такую усталость, будто разом навалилось все пережитое. Серdito потеряла пересохшие глаза и опустила голову. Но тут же снова подняла. Любопытно ведь!

– Топить, – откликнулся Тротт, и мальчишки наперегонки помчались к одной из построек, словно наполовину вросшей в землю.

– Охтор? – мягко позвала вторая женщина, вытирая руки о передник и протягивая их вперед.

– Да, это я, Далин, – проговорил Тротт, и она улыбнулась немного робко, но радостно. Голову она держала чуть склонив, словно прислушиваясь, но смотрела куда-то в сторону, и глаза ее были мутными, окруженными шрамами.

«Незрячая, – тяжело отметила принцесса. – А вторая говорит с большим трудом... И что это значит? Что значит? Да ничего не значит», – окончательно рассердилась она и шмыгнула носом. И конечно, все присутствующие сразу посмотрели на нее.

– Кры-ылья, – протянула первая девушка, Венин, указывая на принцессу рукой. – Ты взял себе-е еще женщину?

Алина, неловко переминающаяся с ноги на ноги, нахмурилась. Теперь-то она точно расслышала!

– Женщину? – повторила она почти шепотом, чувствуя, как каменеют скулы и жарко становится щекам.

– Нет, – сдержанно проговорил Тротт.

– Жена-а? – с грустным любопытством спросила Венин. – То-оже крылья, как у тебя-а!

– Алина – моя ученица и гостья, – сухо пояснил профессор. – Примите ее как сестру, мои оихар. Мы голодны. Далин, накрой на стол. Алина, вы хотите помыться?

– А? – заторможенно откликнулась принцесса. – Да, очень. Пожалуйста. Буду рада.

Внутри дом состоял из одной комнаты, в которой находились и беленая печь – от нее ужасно несло жаром, несмотря на открытые окна, – и несколько широких лавок у стен, застланных как постели, и настоящая кровать. Большой стол, крепкие стулья-табуреты вокруг, множество полок с утварью

и сундуков, подвешенные к балкам шкуры и травы. Было очень чисто – впрочем, в доме Тротта не могло быть иначе. И пахло вожделенным хлебом и кислым молоком. Алина, положив сумку на указанную ей скамью, почувствовала, как дрожат руки. И, когда села с лордом Максом за стол, чуть не расплакалась от голода. Тут были и хлеб, и масло, а Далин, даром что слепая, ловко доставала широкие горшки из печи и ставила их перед путниками: мясо с какими-то овощами, продолговатые клубни, очень похожие на картофель, густой напиток, пахнувший ягодами. Венин расставляла посуду, радостно поглядывая на Тротта, он же задавал вопросы про дела поселения, и женщины ему отвечали. Алинка молчала. Она чувствовала себя лишней, и ей было очень неловко перед хозяйками. И еще она очень сердилась на лорда Макса – ведь не предупредил, не рассказал, что живет не один.

– Не ешьте сразу много, – предупредил инляндец, когда она взялась за ложку. – Будет плохо.

– Знаю, – буркнула она в тарелку и с наслаждением откусила маленький кусочек чуть кисловатого, но очень вкусного хлеба.

После ужина Тротт поднялся, сообщив, что должен поговорить с главой поселения. За окнами уже стояла темнота, а внутри дома Венин зажгла несколько свечей и лучин. В печи мерцали красным раскаленные угли.

– Венин и Далин покажут вам ванран и помогут там, –

сказал профессор, открывая дверь. Женщины закивали, а Алинке захотелось броситься за ним, вцепиться и умолять не уходить, но она стиснула ладонями края скамьи и тоже кивнула. Дверь захлопнулась, и тут же поднялась слепая хозяйка, Далин. Принцесса чуть сжалась, а женщина подошла к ней и спросила робко:

– Можно потрогать тебя? Я не вижу.

– Ой... да! – с облегчением проговорила Алина. Кажется, ее тут боялись больше, чем она их.

– Красива-а-ая, – сообщила вторая, Венин. – Воло-о-осы би-елы-ы-ые. Как у ко-азы-ы.

Далин, как раз трогающая волосы, улыбнулась. Она была очень милой, чуть полноватой, и улыбка была приятной, и руки – мягкими и теплыми, и тем страшнее смотрелись шрамы вокруг незрячих глаз. Она коснулась крыльев, погладила.

– А мне можиы-о? – застенчиво попросила Венин. – Крыы-ылья?

Алина глянула на нее, в горящие интересом глаза – и вдруг увидела в ней себя, молоденькую любопытную девушку. Никакой агрессии или обиды. Значит, это в порядке вещей – когда лорд Тротт приводит кого-то в дом?

– Очие-ень краси-ивая, – глухо выговаривая звуки, повторила Венин, когда хозяйки вдоволь нагладили пух на крыльях, а принцесса по их просьбе оными крыльями помахала – со смешком понимая, что чувствовал после подобного

профессор. Женщины оказались совсем безобидными и спокойными, и пятая Рудлог расслабилась, завертела головой, разглядывая дом.

– Хотела бы и я знать, как выгляжу, – сказала она печально. – У вас нет... – она сообразила, что не знает, как будет «зеркало», и замялась, пытаясь подобрать слово. – У вас нет, чтобы я могла посмотреть на себя?

Венин наморщила лоб, пытаясь понять, а Далин, прислушиваясь, вдруг махнула рукой в сторону двери.

– Посмотреть в трогше, – сказала она и повела ладонью вокруг лица. – В ванране. Пойдем?

«Трог» – это вулкан, – вспомнила Алина, когда Венин вручила ей плошку с разбрызгивающей жир свечой, сама взяла вторую и поманила к выходу. Далин шла за ними. – А „ше“ тогда что?»

Во дворе было темно и очень тихо, и глаза мгновенно перестроились на ночное зрение. В курятнике приглушенно ворковали засыпающие куры, из далекого леса слышалось пение птиц и верещание ночных ящеров. Тускло сияли две луны, одна за другой уже поднявшиеся на небосвод, да кое-где виднелись на облаках красные пятна вулканического света.

– Как раз ванран согрелся, – проговорила Далин из-за Алинкиной спины. – Охтор приказал помочь, пока вымоешься, а там подкинем дров для него, еще больше нагреем. Он любит, чтобы было пожарче, когда его моют. Придет –

будет доволен.

«Охтор любит, когда его моют, – сказала себе Алина упрямо. – Не лорд Тротт. Он просвещенный человек и вообще не очень-то любит чужие прикосновения».

Они спустились в ванран, оказавшийся даже не постройкой – холмиком с уходящей под землю дверью и небольшими окошками под дерновой крышей, из которых тянуло дымком и паром.

– Ба-ольшо-о-ой! – гордо сказала Венин, поворачиваясь к Алине, и застыла, подняв руку со свечой и рассматривая гостью. – Глы-аза-а-а! Светя-а-а-атся! Ка-ак у Охто-ора!

– Светятся, – согласилась Алинка, оглядываясь. Подземная купальня правда оказалась большой. Закопченные стены и потолок были укреплены тонкими стволами – будто под землю закопали настоящую избушку. В углах стояло несколько папоротниковых колод с водой, по стенам – низкие лавки с кувшинами, чашами, горшками. Пол был устлан соломой и огромными листьями – и пахло сыростью и чистотой так, что Алинке тут же захотелось снять грязную одежду и отмыться до скрипа.

Далин хлопотала у одной из стен ванрана над широкой глиняной чашей – она была заполнена тлеющими углями, дым от которых выходил в окошко наверху. Было душно и влажно. Хозяйка ловко, словно все видела, набирала воду из кадки в кувшины и ставила их в угли.

Венин, не стесняясь, сбросила на лавку юбку, сорочку

и поманила Алинку за собой, в угол. Алина, держа в руках свечу, пошла за ней и остановилась у прислоненного к стене огромного осколка какого-то камня. Он был размером с корыто, плоский и весь запотевший. Венин протерла его тряпкой, поднесла свечу ближе.

– Смо-а-атри, – просипела она. Огонек отразился в камне, Алина шагнула ближе, поднимая свою свечку, – и дернулась, чуть не вскрикнув.

Из глубин черного полированного камня на нее глядела мама. Принцесса заморгала – в глазах расплывалось – и мотнула головой, склонившись вперед, почти вплотную. И мамино лицо приблизилось, и видны стали различия: чуть шире расставленные глаза, более пухлые и какие-то неправильные губы – верхняя больше нижней, затравленный взгляд фосфоресцирующих зеленых глаз, острые скулы. Алина повернулась – черные крылья за спиной, и пух свисает клочками. Волосы темнее, чем у мамы, но тоже волнистые, только вихрами вокруг лица. Она задумчиво отдала Венин вторую свечу и потянула с себя сорочку, потом развязала пояс штанов. И снова приблизилась к зеркалу.

Тело себя-прошлой Алина отлично помнила. Ладное, как у любой юной девушки. И это тело у нее было таким, если не считать сильной худобы и четко очерченных мышц на руках и ногах. Грудь задорная, как два крепких яблочка, маленькие ягодички – пух с крыльев в сложенном состоянии как раз доставал им до середины.

«Красивая», – признала она мысленно, снова склонилась к зеркалу, провела ладонью по его кромке и ойкнула – порезалась. Лизнула рану, пригляделась к сколам.

– Так это же полированный обсидиан, – сказала она порудложски, в восторге оттого, что догадалась. – Камень из вулкана? – спросила она у Венин на лорташском.

Та закивала.

– Ды-а, даа-а-а. Трю-огше-е-е.

– Охтор разрешил пользоваться, – с гордостью проговорила Далин. Алинка повернулась – незрячая тоже разделась и теперь поливала горячей водой из черпака листья и солому на полу, а затем топала по ним босыми ногами, словно давила. По ванрану шел травяной дух, а Венин начала брызгать водой на стены – те шипели, исходили паром, жаровня потрескивала, Венин ойкала и смеялась, отпрыгивая от горячих брызг, улыбалась и Далин, и, глядя на это все, начала улыбаться и Алинка. Здесь, в окружении чужих женщин, в чужом мире вдруг стало как-то радостно и тепло. При лорде Тротте хозяйки были тихие, угодливые, а здесь веселились вовсю.

По порезанной ладони текла кровь, капала на солому, и принцесса полила на рану из горсти – щипало, затем закрыла глаза и постаралась вспомнить, как учил ее профессор лечить себя. Как там... сосредоточиться, представить, что рана затягивается.

Руку защипало сильнее – и отпустило. Алинка глянула

на нее и едва не запрыгала от счастья, хотя кожа не восстановилась – просто порез затянулся кровавой корочкой. Но она хотя бы смогла остановить кровь!

– Садии-ись! – крикнула ей Венин и показала, как садиться: прямо рядом с кадкой, на листья, скрестив ноги. – Хорью-о-ошоо-о! – Она принялась обливать себя из кувшина. Алинка опустилась рядом, и Венин облила и ее, потом протянула горшок с чем-то серым. – Мойси-я-а!

– Что это? – подозрительно поинтересовалась Алинка. Венин без лишних слов зачерпнула массу из горшочка и ляпнула принцессе на плечо – и сипло захихикала, глядя, как принохивается гостя. Пахло прелой листвой и глиной.

– Ты-ы ничи-его-о-о ни-е-е зна-ы-а-ешь, – промычала Венин, протягивая ей жесткую тряпку и показывая на себе, что ей нужно тереть тело.

– Не знаю, – проговорила принцесса, ожесточенно растирая мокрой горячей рогожкой живот. – Яне отсюда.

– А о-отку-у-уды-а-а-а? – поинтересовалась любопытная Венин. Из двоих хозяек она была куда разговорчивей, несмотря на увечье. – Гди-е-е тво-о-ой до-о-ом?

– Очнулась в лесу за заливом, – сказала Алина чистую правду, – а лорд Ма... Охтор меня нашел. И спас. У меня нет дома. Я думала, меня съедят, – пожаловалась она внезапно. – Очень страшно было.

– Бедная, бедная, – вздохнула Далин и щедро плеснула на Алинку прохладной воды из кадки – принцесса на секун-

ду оглохла, замотала головой. – Охтор добрый. И меня спас.
– И ми-еня-а! До-убры-ы-ый! – горячо согласилась Венин, намазывая Алине волосы той же глиной. Принцесса терпела, непонятно почему загрустив.

– Кормит нас, женщинами к себе взял, – с благодарностью продолжала Далин. – Моих детей не выгнал, не бьет их. И нас не бьет. Мне с детьми дом маленький построил, а как Венин взял второй оихар, подарил нам с ней этот дом.

Она употребляла слово «оихар», как и лорд Тротт ранее, обращаясь к ней, и Алина все не могла понять, что это такое. «Ихар» – женщина. А «оихар»?

– А что такое оихар? – застенчиво спросила она. Далин подняла незрячие глаза, улыбнулась робко.

– Хозяйка, что греет постель, – объяснила она.

– Жена? – немного сердито продолжила допытываться Алина.

– Ни-е-ет, – вздохнула Венин печально.

– Нет, – качнула головой Далин. – Он сказал: вы можете выйти замуж за того, кто позовет. Значит, женами не возьмет. Он нас защищает, кормит. Мы ему греем постель, хозяйство ведем.

– Обе? – краснея, прошептала принцесса. Ей было мучительно стыдно о таком говорить, но заставить себя замолчать она не могла.

– Охтор богатый, хороший охотник, может и пять женщин в дом взять, всех прокормит, – охотно похвасталась Далин.

– А если женщины не хотят вместе жить? – не унималась Алина. – Вот вы вдвоем если бы не захотели жить?

В ванране от всеобщего изумления стало так тихо, что слышно было, как потрескивают угли в жаровне и шуршит парок.

– Кы-а-ак ни-е за-а-ахоти-ели-и? – испуганно переспросила Венин. – С Охто-о-ором?

– С Далин, – объяснила принцесса.

– Ни-ет! – возмутилась Венин. – Ка-а-ак?

– Он сказал, что привел мне сестру, – расшифровала восклицания «сестры» Далин. – Охтор – хозяин, мы слушаемся. Не ругаемся – мужчине не понравится, что дома плохо и шумно, выгонит, других женщин возьмет. А мы умрем с голода. Нам хорошо. Большой дом, еда есть. Охтор – охотник и воин, знает, где есть золото, ему греть постель много женщин хотят.

– И-и с ни-и-им сла-а-адко-о-о, – тихо поделилась Венин, улыбаясь и закатывая глаза.

– Он делает женщине приятно, – согласилась с ней Далин. Поколебалась и, видимо, от всего простодушного сердца предложила: – У тебя нет дома. Хочешь, попросись к нему третьей оихар?

– Ой-ей, – простонала Алина, не зная, куда деть глаза от смущения, и опустила голову. На щеки словно кипятком плеснуло. Какое вообще ей дело до личной жизни Тротта?

«Охтора, – повторила она себе настойчиво. – Лорд Тротт

живет на Туре, а здесь с женщинами – Охтор. Вот!»

– С ума сойти можно с этими разделенными половинками, – пробормотала она себе под нос. И пообещала хозяйкам: – Я подумаю.

Прошло часа два. За это время ванран успел остыть, а Алина нарыдалась от души, слушая бесхитростные рассказы женщин об их прошлом. Пусть даже она понимала не все слова, слушать было страшно – по сравнению с историями этих двоих ее жизнь в деревне с сестрами казалась роскошной. Далин поведала о том, как была служанкой в твердыне у тха-нора, а затем и историю ее ослепления и спасения – и как после того, как смогла встать на ноги, стучалась она в дома поселения, предлагая себя в обмен на кров и еду. И только Охтор не побоялся лишних ртов, взял ее себе вместе с мальчишками. А Венин показала клеймо рабыни на ладони и, тщательно выговаривая слова, рассказала, как родители продали ее в храм, и что творили с ней и там, и потом, в какой-то харчевне, и как она уже хотела наложить на себя руки, если раньше не убьют. Рассказала она и про гигантского бога-паука, и про то, как почти умерла, но Охтор заставил ее жить. В глазах ее плясали и страх от пережитого, и жаркая, бесконечная благодарность к спасителю. Алинка, сидя на теплых листьях, всхлипывая и потирая почти залеченную ладошку, стыдилась своей изначальной обиды и настороженности и думала, что у нее хотя бы есть возможность спастись. Пусть призрачная, но есть. А для этих двоих мир

безопасен, только если в нем есть Охтор.

Глава 6

17 марта по времени Туры, Лортах

Максимилиан Тротт

Макс возвращался в свой двор после долгого общения с главой поселения Нерхой. В доме было темно – верно, уже легли спать, – а в высоком окошке ванрана виднелись всполохи свечи. Значит, кто-то из женщин ждет его там.

Он, погруженный в свои мысли, распахнул низкую дверь, шагнул внутрь, – и оскалился, задохнувшись от агрессии. На него вместе с клубами пара и травяным запахом пахнуло кровью, мгновенно обострив все ощущения. Он мотнул головой, захлопывая за спиной дверь и двигаясь дальше, – и увидел в пару сначала девичий силуэт полубоком: светлые завитки вокруг лица и черные мокрые крылья, прямую линию шеи и плеч, царапающие белые колени, подтянутые к юной груди, – а потом только сообразил, что в ванране полукругом у почти потухшей жаровни сидят все три женщины. Нагие.

Богуславская, мгновенно прикрывшись крыльями, взглянула на него красными, как у кролика, глазами, шмыгнула носом и жалобно попросила на рудложском:

– Профессор, отвернитесь, пожалуйста. Я уже ухожу.

Только оденусь...

Разум возвращался, и Макс замедленно, словно ушибленный, отвернулся к двери. Очень захотелось об эту дверь постучаться головой. Очень.

– Уходите все, – сказал он резко и глухо. – Я помоюсь сам.

За его спиной женщины быстро и послушно зашуршали вещами.

– Постелите мне и Алине в доме, – бросил он через плечо. – Сами поспите на сеновале. Венин, принесешь сюда мне чистую одежду.

– Ды-а-а, – с готовностью откликнулась бывшая рабыня. Принцесса почему-то сердито засопела, но ничего не сказала, и он, оставив их одеваться, вышел в темноту, с наслаждением вдыхая ночной воздух.

«У тебя просто очень давно не было женщины, – напомнил он себе. – И кровный поиск работает. Он выдохнется. Недолго осталось».

Макс покачал головой, глядя на две несущиеся по небу ноздреватые луны и думая, что неплохо было бы сейчас закурить. И что идея ночевать в одном помещении с Богуславской не относится к разряду лучших. Но уходить на сеновал к женщинам или отправлять ее к ним – еще хуже. Она должна быть на виду, чтобы он мог ее защитить. Ведь если в поселении был один лазутчик, вполне может затаиться и второй.

За его спиной открылась дверь, и мимо прошлепали три женщины. Принцесса обернулась на него, укоризненно по-

блескивая фосфоресцирующими глазами, но опять промолчала и пошла вслед за Далин и Венин в дом. А Тротт наконец-то зашел в остывший ванран, где все еще агрессивно пахло кровью. Кинул на себя взгляд в обсидиановое зеркало, поморщился и, достав нож, принялся бриться. А затем разделся и, облив себя еле теплой водой из кувшина, начал быстро натираться жесткой мыльной рогожкой, раздумывая о том, что ему рассказал глава поселения Нёрха.

Пожилой дар-тени встретил Макса у ворот дома, и по блестящим глазам и нетерпеливым подергиваниям черных крыльев было понятно, что он едва сдерживается, чтобы, как остальные жители, не побежать смотреть на крылатую девку самому.

– Проходи, заждался уже, – сказал он вместо приветствия. Смуглое лицо его, покрытое сеточкой морщин, было напряженным. – Почему не привел ее?

– Устала, – сухо ответил Макс, хлопая главу по плечу, – завтра насмотришься.

Нерха провел его в дом, кивком приказав женщинам выйти. Сам налил гостю ягодного взвара из печного горшка и сел, поставив большие кружки на стол. Макс отпил – надо было, чтобы не обидеть, – и только потом спросил:

– Что там с лазутчиком? На заставе Верша сказал, что поймали кого-то.

– Поймали, – кивнул Нерха, взяв и свою кружку. Отхлеб-

нул, вытер ладонью рот. – А, хорошо!.. Новостей много, обожди, по порядку расскажу. Так что, лазутчик, да. Пришел недавно с группой беглых рыбаков, попросился жить. Стали мне доносить, что выпрашивает ненароком про тебя, куда ушел, чем занимался, где дом твой. Я велел последить. Поначалу тихо себя вел, работал хорошо. А поймали, как в дом к тебе ночью пытался забраться. Потом врал, что лез посмотреть, как что устроено у тебя... да под ножом запел. У баб хотел твоих силой выведать, где тайники твои, куда девку повести можешь. И знал ведь откуда-то, что ты девку нашел и сюда идешь! От кого бы?

– От старого знакомого, видимо, – буркнул Тротт и пошевелил отросшими крыльями. – Пса из твердыни. Мимо него на скалах проскользнули, да успел увидеть меня с девкой. – Он отпил обжигающего взвара. – Потолковать с лазутчиком этим можно?

– Нельзя, – усмехнулся Нерха. – До тебя потолковали.

Тротт поморщился, но кивнул понимающе.

– Уходить надо вам поскорее, – проговорил он. – Еще день-другой – и сообразят, что мы уже здесь. А там если Источник еще ослабнет, так вырежут тут всех, Нерха.

– Без тебя понимаю, – мрачно откликнулся глава поселения. – В горы уже мужики ушли, готовят высокое убежище. Несколько дней, и тронемся. Непросто все оставить-то тут нажитое. Я вон своим дурам сказал, так вой подняли. – Он досадливо цыкнул сквозь зубы. – Но это наше дело. У тебя

важнее. Эт, посмотреть бы на нее... – Он вздохнул, наткнувшись на непроницаемый взгляд Макса, отпил из кружки. – Еще надеюсь, что императору и псам его не до нас. – Глаза Нерхи заблестели. – Открылся проход-то, Охтор! С три декады назад врата в другой мир открылись, а то и больше. И война началась. По трактам, в харчевнях только о том и болтали. Мужики, кто приходил к нам, тоже о том. Я послушал-послушал, велел поймать кого на дороге из норов, спрашивать. Спрашивали, – он опять недобро усмехнулся. – Рассказал, что открылось несколько врат на равнине у трех вулканов. Карту нарисовал, как дойти. Сейчас дам посмотреть. Очень жить хотел. – Он сплюнул на чистый пол. – Говорил, войска тха-нор-арха уже в ином мире воюют, побеждают, и генералы его шлют сюда сокровища и рабов.

– Наврал, может? – чувствуя, как неприятно пролетел по спине холодок, поинтересовался Макс. Лагерь иномирян, который он видел по пути в Лакшию, тоже стоял недалеко от равнины с тремя вулканами.

– Нет, – покачал головой Нерха. – Не врал он, Охтор. Я думал идти уже к тем вратам, но раз там армии стоят, то только на смерть идти ведь. А помереть я и здесь успею. Так что придется тебе у Источника помощи просить... Я же sny теперь ясные вижу. – Он понизил голос. – Раньше смутно все было, а как раз как слухи о войне начали ходить, стал запоминать их, яркие, четкие! Не каждый сон, но все же помню! Я, на другой, в одежде чудной, без крыльев, и будто живу

в огромном поселении, называется Залесье. Дом большой, ровно как муравейник каменный, только вместо муравьев люди. Жена у меня там. Лиза, – он моргнул, – не боится меня совсем, смеется. Дети. Еды вдоволь. Снится, что на улицу выхожу, а там повозки по дороге сами двигаются металлические. И войну показывают в ящиках таких, телефисорах, Охтор. Охонгов, раньяров. Говорят, к нам движутся. Наши из поселения тоже ко мне ходят, рассказывают. У многих тоже сны о другом мире. Кто-то во сне уже воюет в бескрылом теле, кто-то живет в поселении, которое армия императора заняла.

– Плохо, – ровно проговорил Тротт, мысленно пообещав себе обдумать это потом. – Но я бы на то, что о нас забудут, не рассчитывал. Мы пойдем дальше к Источнику, а вы уходите, Нерха. Надеюсь, праотец наш нам всем вернуться поможет, раз уж ворота открылись.

– Зачем идти? – удивился глава. – Вам здесь через горы по прямой перелететь, а ты обходить вздумал?

Поселения дар-тени располагались вдоль широкого горного плато, треугольником опоясывающего тонущий континент. Вот в вершине этого треугольника и располагалась долина, где Охтор нашел Источник. Из их поселения можно было долететь до долины за несколько дней.

– Меня пока крыло не держит, – признался Тротт неохотно, – а девка вообще птенец неоперившийся. Да и опасно в воздухе, раньяры кругом, если рухнет защита Источника,

поймают. По горам я ее пешком не потащу, поэтому пойдем долинами, а до этого нужно пройти по лесу, сам знаешь. Будем держаться вплотную к поселениям, чтобы не попасть на ловчих. В одном месте только придется обходить горы по землям врага.

Глава хмурился, подергивая желтоватыми от прожитых лет кончиками черных крыльев.

– Возьми с собой бойцов, – предложил он. – Сейчас гонца пошлю по поселениям, завтра слетятся сюда, а с утра уже можете выходить. Всяко не помешают тебе, Охтор.

– Толпу заметят скорее, чем двоих, – возразил Макс. – И медленнее будем идти.

– А ты не отказывайся, – рассудительно проговорил Нерха. – Тебе что надо? Дойти до Источника. С охраной надежнее. Бойцов хотя бы десяток – и уже спокойнее будет. Ну что, звать?

Макс подумал, похмурился, допил взвар и встал.

– Зови, – сказал он. – Благодарю за новости, Нерха. Пойду я. Завтра еще поговорим.

Скрипнула дверь ванрана – Венин зашла с одеждой и, положив ее на лавку, взяла его грязные вещи, сноровисто замочила в лохани с мыльной водой, начала настирывать, радостно поглядывая на него. Волосы у нее немного отросли, сама она поправилась, из взгляда почти ушло затравленное выражение.

– Иди, спину мне помоешь, – проговорил Макс, и бывшая рабыня, всплеснув руками, схватила рогожку и подбежала к нему.

Она терла между крыльями и вокруг них, а Тротт закрывал глаза. Это было приятно. Как и женские губы на коже меж крыльями.

Он обернулся – Венин отпрянула, посмотрела на него выжидающе. Сильно пахло кровью, поэтому он был взбудоражен, и не было никого вокруг. Но Макс не торопился. Успет еще.

– Тебе здесь хорошо? – спросил он, касаясь ее горла.

Венин кивнула, потерлась щекой о его ладонь.

– Не двигайся, – предупредил он, обхватывая ее шею пальцами. – Я попробую еще подлечить тебе связки. Сразу после этого не говори, подожди хотя бы до завтрашнего утра.

Девушка зажмурилась и замерла – и он начал вливать в нее крохи силы, ощущая, как сожженные храмовым напитком голосовые жилы восстанавливаются, вновь обретают эластичность...

В глазах потемнело, и Макс пошатнулся – Венин рванулась к нему, подхватила, придержала, пока он приходил в себя. Голова кружилась, запах крови принцессы резал ноздри, душу выворачивало, как резал.

– Помоги мне выйти, – просипел он. И потом, после того как она дотащила его до выхода, велел ей уйти и долго стоял на легком ветерке, потекшем с гор, остывая и приходя в себя.

Когда Макс вернулся в дом, Богуславская уже спала, накрывшись покрывалом и отвернувшись к стене. В комнате горела тусклая лучина на столе. Далин, молчаливая и тихая, постелила ему на кровати, а принцессе – на лавке напротив, и сейчас ждала у постели.

– Иди к Венин, – Тротт говорил едва слышно, но принцесса заворочалась, засопев и поворачиваясь к ним лицом. Покрывало слетело на пол, сорочка сбилась, обнажив плечо и по-девичьи округлые коленки, а Алина, повозившись немного, снова мерно задышала, чуть запрокинув голову.

Далин успела дойти до двери, когда он сжал сухие губы и позвал:

– Принеси мне молока. Пить хочу.

Слепая ушла, лучина почти догорела, и Макс, лежа на кровати, смотрел на нее и думал, что нужно встать и затушить. Но в ноздрях еще щекотало отзвуком кровного поиска, а крошечный огонек бросал тени на колени девушки, лежащей напротив, на тонкие щиколотки, на кисть, закинутую за голову, на расслабленные пушистые крылья – и угадывались под сорочкой очертания груди, и все это будоражило, злило, раздражало до боли в висках.

Далин зашла с кувшином – спускалась за ним в погреб, – мягко прошла к кровати, наклонилась, протягивая его Тротту.

– Спасибо, – буркнул он мрачно, садясь и принимая кув-

шин. Отпил, наклонился, поставив его на пол, и привлек Далин к себе. – Ни звука, – сказал он, по бедрам поднимая ладонями ее юбку. Женщина от неожиданности вцепилась в его плечи руками. – Тихо, Далин, тихо...

Лучина заморгала, высвечивая светлые вихры и чуть приоткрытые полные губы, – и погасла. И Тротт закрыл глаза и увлек Далин на кровать.

* * *

Алина, так уставшая за этот долгий день от целой кучи противоречивых впечатлений, заснула на удивление быстро. А проснулась от странного звука – проснулась, не открывая глаз, неохотно выплывая из сонного марева. Пахло гарью, деревом и чем-то терпким. Звуки, разбудившие ее, постепенно обретали четкость, окраску.

Скрип. Вздохи. Что-то тихое и неразборчивое глухим мужским голосом.

Алина недоуменно поморщилась и открыла глаза. Темнота расцвела бархатными тенями и отступила перед ночным зрением – и принцесса, едва не пискнув, зажала себе рот рукой.

Прямо напротив нее, на узкой деревянной кровати лежала женщина, вцепившись пальцами в простыню и жарко выгибаясь ягодицами назад. А над ней, вжимая ее в постель, опираясь на руки и судорожно дыша, двигался профессор Тротт.

Обнаженное тело его было влажным от пота, лицо – незнакомым, диким, крылья нервно подрагивали и глаза светились зеленым. Но смотрел он не на женщину. А на нее, Алину.

Взгляды их встретились – ее словно ледяной плетью полоснуло, а Тротт дернулся, прошептав какое-то отчаянное ругательство, оскалился, запрокидывая голову и зажимая рот своей женщине – точно как Алина зажимала себе, – и застонал уже в голос, наваливаясь на партнершу и вбиваясь ожесточенно, грубо. Лицо его исказилось, а принцесса зажмурилась от страха, услышав тяжелый, рваный стон, – и сорвалась с места, к двери, выбежав в темный двор. Ей было так стыдно, что щеки горели и тело было слабым и горячим почти до болезненности.

* * *

Максу потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя, и еще несколько, чтобы натянуть штаны. Экстатическая хмарь отступала неохотно, вязко. Далин села на кровать, испуганно поводя головой:

– Охтор, я виновата?

– Нет, – бросил он, направляясь к двери. – Не бойся. Одевайся и иди к детям.

Он нашел Алину у дальнего сарая – принцесса сидела прямо на земле, спрятавшись за колодой с дождевой водой: колени прижаты к груди, крылья закрывают голову и плечи.

По мере того как Макс подходил ближе, она все ниже опускала голову и все сильнее обхватывала себя крыльями, вжимаясь в деревянную стену.

Тротт остановился, молча глядя на нее. Его отпускало – и наваливались и облегчение, и раздражение, смешанное со злостью и тяжелой гадливостью по отношению к себе. Разгоряченное тело, которое еще потряхивало от недавнего удовольствия, холодило ветерком. Принцесса сопела себе в коленки, в чертовы царапающие его коленки, не поднимая глаз. На секунду протянула руку потереть мокрую щеку – и в промежутке меж крыльями мелькнуло ее лицо: зажмуренные глаза, закушенная нижняя губа. Макс беззвучно выругался. Естественно, она испугалась.

– Хорошо, что вам хватило ума не убежать со двора, – сухо проговорил он совсем не то, что собирался.

Принцесса засопела так зло, что казалось, она сейчас вскочит и набросится на него. Ладони в кулаки она, во всяком случае, сжала. Макс поморщился, прошелся туда-сюда мимо нее, не понимая, как объяснить все, чтобы не напугать еще больше. Рассказать про кровный поиск? Про обостренные инстинкты и что это пройдет? Как объяснить то, что у самого вызывает недоумение и неприятие?

Он остановился, вздохнул...

– Пойдемте в дом, ваше высочество, – голос прозвучал раздраженно и глухо. – Неразумно здесь сидеть.

Сопение стало совсем уж угрожающим, и Богуславская

еще и отвернулась, всем видом показывая, что разговаривать не собирается и никуда не пойдет. Плечи ее были опущены, и сама она казалась такой маленькой и невинной, что Максу стало совсем тошно.

– Алина, простите за эту сцену, – слова давались тяжело. – Я не хотел вас напугать. Поднимайтесь. Заночуете в доме, я покараулю у двери. Вам ничего не угрожает, клянусь.

Спина ее чуть расслабилась, но принцесса с отчаянным мычанием зарылась лицом в руки и замотала головой.

– Алина, – настойчиво позвал он.

Принцесса снова застонала в ладони.

– Уйдите, лорд Тротт, – попросила она невнятно. – Мне так стыдно!

– Мне тоже, – буркнул он.

– ...Мне теперь стыдно на вас смотреть, профессор! – продолжала она, не слушая его. – Я, – добавила она отчаянно, – наверное, никогда больше не смогу на вас посмотреть!

– Ну, – пробормотал он, чувствуя себя идиотом, – когда-нибудь наверняка сможете. Не сразу, конечно. Но поймите вы, вам нечего меня опасаться. Я вас не трону.

– Вы бы себя видели, – она передернула плечами. – Я думала, вы меня там прибьете! А я не хотела подглядывать! – сердито выпалила она и подняла блестящие зеленую глаза. – Вам нужно было выбрать другое место, профессор! Если уж вы используете этих несчастных женщин!

Макс от облегчения привалился плечом к стене сарая. Слава богам, она ничего не поняла.

«Да она и не могла понять, – подумал он устало, посмотрев в невинную чистоту ее сердитых глаз и отводя взгляд. – Девочка шестнадцати лет. Что она способна понять? Что я не собирался этого делать, а потом уже и не мог уйти ни в какое другое место, потому что ее видел и хотел?..»

Он со злостью мотнул головой, сунул руку в бочку с дождевой водой и медленно провел мокрой ладонью себе по лицу, прогоняя непрошенные мысли.

– Я обещаю, больше этого не повторится, – сказал он сдержанно.

– Больше не будете делить с ними постель? – со странным глухим упреком спросила Алина.

– Не забываетесь, Богуславская. Это вас не касается, – буркнул он, искоса поглядев на нее.

– Не касается, – зло и звонко произнесла принцесса и дернула крыльями. – Спасайте кого хотите, живите с кем хотите!

– Что за приступ детской ревности, ваше высочество? – сухо поинтересовался Тротт. Алинка, задохнувшись от эмоций и яростно сверкая глазами, вскочила. Сорочка была ей до бедер, и Тротт отвел глаза.

– О чем вы? Я очень зла на вас, профессор, потому что думала, вы цивилизованный человек, ученый! А вы заставляете этих женщин обслуживать вас! Как рабовладелец!

Макс раздраженно посмотрел на нее.

– Они мне не рабыни, – резко ответил он. – Что за фантазии, Богуславская?

– Фантазии? – Алина гневно сжала кулаки. – Вы пользуетесь ими, когда хотите! Бедные... одна слепая, вторая почти немая! Как вы можете использовать их?

– Я никого не заставляю, – бросил он жестко.

– А они могут отказаться? – спросила принцесса свистящим шепотом. – Могут? Они полностью от вас зависят, от вашего расположения, и у них нет никакой свободы выбора! Да они и не откажутся – они ноги вам готовы целовать за то, что вы их спасли, и другой жизни не знают. Но то они, а вы? Человек другого мира, другой эпохи! Как вы вообще можете? Они и так несчастные! Я думала, это ваш дар-тени так поступает, но ведь вы тоже, тоже!

– Вы глупый ребенок, – раздраженно произнес Тротт сквозь зубы, – который сует нос в отношения взрослых. Вырастете – поймете. Если повезет, и вы выживете здесь.

– Я не ребенок, – проговорила она угрожающе и низко. – Запомните это, наконец! Мне через месяц семнадцать! И даже если я слишком мала, я способна понять, что то, как вы поступаете, – это недостойно! Вы могли бы просто им помогать!

– В этом мире просто не помогают! – рявкнул он. – Да и в нашем это случается только в фантазиях романтических девочек. За все всегда нужно платить!

– Вы и мне помогаете! – принцесса тоже почти кричала. – Так, может, и с меня потребуете такую оплату?

В течение нескольких секунд стояла мертвая тишина, в которой было слышно только злое дыхание Богуславской.

– Что за чушь вы несете? – процедил Тротт, зверея. Тон его стал ледяным, и он схватил принцессу за подбородок, заставляя смотреть на себя, выругался очень грязно. – Что. За. Чушь. Вы несете? Разве я позволял себе... – Он запнулся о понятную только ему правду и снова выругался, зло дернув головой.

Алина молчала, глядя на него широко распахнутыми глазами. Непонимающими. Сглотнула, опустила взгляд – Макс остро почувствовал, что почти раздет, и шагнул назад, убрав руку. Щеки ее начали краснеть, и в темноте румянец ощущался горячим, стыдным.

– Идите в дом, Богуславская, – тем же ледяным голосом приказал он. – Очень надеюсь, что наше путешествие не затянется. Вы уже надоели мне до чрезвычайности.

– Может, вам повезет и меня убьют раньше, – с неприсущей ей ядовитостью проговорила принцесса. Голос ее дрожал от обиды, по щекам побежали слезы. – Вот тогда и освободитесь. От вашей надоедливой ноши.

– В дом! – свистяще и яростно повторил он. – Иначе, клянусь, я отнесу вас туда и запру. Как нецивилизованный человек и рабовладелец.

Принцесса зло фыркнула, вытерла щеки и задрала нос.

— Я не только смотреть на вас, я и говорить с вами больше не хочу, профессор, — звенящим голосом заявила она.

— Наконец-то я побуду в тишине, — процедил он. — В дом!

Далин в комнате уже не было. Принцесса, так и не сказав ни слова, сразу же легла на лавку, упрямо повернувшись лицом к стене и укрывшись рогожей с головой. А Тротт поколебался, глядя на сбитую постель, но все же, подхватив подголовник и одеяло, пошел на крыльцо. Хоть так побыть в одиночестве и попробовать привести мозг в порядок, раз уж нет возможности закрыться в лаборатории и работать до изнеможения.

Он улегся на жесткие бревна крыльца и приказал себе спать. В тиши маленького ночного поселения слышно было, как ворочается на лавке Богуславская, и он отслеживал этот скрип, с ядовитым тяжелым недоумением наблюдая за собой. И, увы, заснуть ему никак не удавалось. Чувство вины и отвращение к себе вообще не очень способствуют засыпанию.

* * *

Алина начала вертеться на своем ложе, едва только профессор скрылся за дверью. Она слышала, как он располагается на крыльце, затем стало тихо. Ушел? Или просто лег?

В пустом темном доме было страшно, и ей представлялась

всякая жуть — от лезущих в окно охонгов до ловчих императора, нападающих на поселение. Стены и потолок дома давили, начало казаться, что не хватает кислорода, — так она привыкла, оказывается, к ночевкам под открытым небом. А Тротт оставил ее одну.

А ведь она хотела рассказать ему, что смогла залечить рану на руке. Рассказать, увидеть улыбку на непроницаемом лице, услышать сухое «превосходно, Богуславская». А теперь как заговорить-то с ним? С чужим, незнакомым лордом Максом, у которого совсем другая жизнь, без нее, Алины, свой дом, своя история и две женщины!

Принцесса зажмурилась изо всех сил, даром что лежала с закрытыми глазами, и, раздраженно застонав, повернулась на бок и открыла их.

Ей было чуточку стыдно, что профессор должен спать на крыльце. Хотя он наверняка ушел к своим оихар — и Алина сердилась и поджимала ноги к животу, скучая по тем временам, когда она ночевала рядом с Троттом. А как теперь быть? Если она все время будет вспоминать увиденное? Да ладно спать рядом — как заниматься с ним, прикасаться, спрашивать о тысячах интереснейших вещей? Все теперь будет не так!

Алина сердито выдохнула и перевернулась на живот — в голове, как ни гнала она их, настойчиво вставляли картинки чужой близости, звуки влажного соприкосновения тел, и щеки ее пылали от стыда и негодования, и тело наливалось

тяжестью, истомой. Она с болезненным интересом отмечала непривычный физиологический отклик – и опять сердилась, и тайком, смущаясь, будто кто-то мог ее увидеть, касалась своей разгоряченной кожи, и замирала, прислушиваясь к себе и почти засыпая. Ей было странно и страшно оттого, что с ней происходит. Ни один любовный роман или романтический фильм не вызывал в ней такого волнения, а прочитала и просмотрела она их в подростковом возрасте десятки – страсть к познанию и здесь не давала ей покоя.

Крутились в голове и обрывки последнего разговора – и она маялась в полудреме, слишком возбужденная, чтобы дать себе отдохнуть.

«...Приступ детской ревности... идите в дом... что за чушь вы несете?»

Принцесса обиженно фыркнула – и вновь распахнула глаза, выныривая из полудремы. Было тихо и темно. Снова стало жутко от одиночества, и она зашмыгала носом, глядя на дверь. А затем тихо встала, на цыпочках прошла к двери и аккуратно приоткрыла ее.

Петли, казалось, закрипели на всю округу, заставив ее замереть. Но на душе расцветало облегчение. Лорд Тротт лежал на крыльце лицом к двери, подложив крыло под голову, и смотрел на Алину с усталым раздражением. Глаза его светились зеленою.

– Куда вы на сей раз собрались? – И голос его тоже был усталым и глухим.

– Никуда, – буркнула Алина, садясь на пол, прислоняясь спиной к косяку и обхватывая колени руками. – Мне просто страшно.

Глаза она закрыла. Здесь ей было спокойно.

– Как же вы все-таки мне надоели, – проговорил он совсем рядом с ней и поднялся.

– Да, – грустно согласилась она, не открывая глаз. На душе было тоскливо. – Я знаю. Вы мне много раз это говорили.

Тротт открыл дверь, прошел мимо сидящей Алинки в дом и бросил на кровать подголовник и одеяло.

– Ложитесь, – приказал он. – И хватит метаний. Я еще надеюсь поспать этой ночью. У нас короткая передышка, скоро опять в путь.

Профессор ровно дышал на кровати напротив – и, несмотря на вернувшееся смущение, сейчас Алине засыпалось легче. Было совсем не страшно. Но погруженный в дремоту рассудок, привычный к анализу, подкидывал пятой Рудлог странные картинки и ощущения: утренние взгляды лорда Макса на ее мокрую сорочку, приятную тяжесть теплой куртки на плечах; Тротт, погладивший ее по щеке, Тротт, обнимающий ее крыльями, – и его обнаженное тело и дикий взгляд, снова заставившие ее ворочаться. И разозленное «что за чушь вы несете?!». Почему-то нахлынули воспоминания о том, как она сдавала ему зачет – и как волновалась, и как захватывающе это было и интересно – и как в от-

вет на ее вопрос, он ли помог ей с физкультурой, профессор тем же тоном процедил: «Что за чушь пришла вам в голову?»

Алинка заморгала в темноту. Сердце билось как сумасшедшее – что-то важное сейчас промелькнуло в полусне, что-то волнующее и важное! – но осколки размышлений ускользали, никак повторно не собираясь в цельную картину, и она так и заснула, хмуря лоб и сердито кривя губы.

Глава 7

27 марта, Медвежьи горы, Вермонт

Демьян Вермонт открыл глаза – в прозрачной и стильной горной ночи грохотали отдаленные взрывы, а в ответ недовольно ворчали склоны, огрызаясь лавинами и камнепадами. Сын бога земли телом ощущал вибрацию породы под собой и, наслаждаясь этой мощью, опустил с походной койки руку на утепленный настил, над которым поднималась палатка, – здесь, в местах силы, любое изменение откликалось всплеском энергии, бодрящим не хуже ледяной воды.

Взрывы прекратились, но его величеству больше не спалось.

Снаружи выл ледяной ветер, трепля сдвоенное основание палатки, – и крохотный погодный амулет, повешенный в центре, потрескивал, стараясь изо всех сил не пустить зиму внутрь. Демьян зажег лампу; взгляд его упал на часы – четыре утра, – потом на стол, где лежало недописанное письмо Полине:

«...Летом я отвезу тебя в старый лес на востоке. Там, у озера, стоит малинник, а в полдень пахнет так, что кружится голова. Нигде я не ел таких сладких ягод. А с твоей ладони они будут еще слаще...»

От их переписки так и пахло летом и теплом, Полининой незлобивой смешливостью и радостной ее любовью к нему.

Демьян, читая письма жены, каждый раз с тяжелым чувством вины удивлялся этому. И трепетал, и чувствовал благодарность, и оттого не стыдился старомодной ласковости своих слов. Главное, что Полине это нравилось.

«Я перечитываю твои письма по несколько раз, пока бодрую, и улыбаюсь твоим нежностям»,

– отвечала она ему, и только мысль о ее улыбке заставляла жесткого медвежьего короля каждый день писать ей то, что вслух звучало бы слишком вычурно. Вблизи любовь часто неловка и нелепа, зато на расстоянии звенит по-особенному.

Он, одевшись и умывшись, дописал письмо; разбуженный адъютант принес ему ранний завтрак. Прежде чем приступить к еде, Демьян вышел на плато, где располагался лагерь. Слышались шаги дозорных; пронизывающий ветер выбил последние остатки сонливости, проник сквозь одежду и заставил морщиться – и опять думать о родовом замке и теплой спальне, где ждала его молодая жена. Хотя Пол в это время была еще в медвежьей шкуре и крепко спала, но он скучал по ней и во второй ипостаси.

Было темно: освещение ночью запрещалось, дабы не служить ориентиром для «стрекоз», если они решат атаковать. Вдалеке светился маленький призрачный «цветок» перехода в другой мир, а над горой, где он открылся, облака мерцали от зарева после недавних взрывов. Огня видно не было – лагерь иномирян находился на обратной стороне склона, чтобы защититься от артиллерии Вермонта.

Неладное в ставке захватчиков творилось уже несколько ночей – то взрывы, то пожары, – и исправно каждое утро дозорные королевской армии находили связанных пленных на пути своего следования. «Подарки» были обморожены и напуганы: кто-то гордо молчал, кто-то говорил, но на своем, иномирянском, а кто-то пытался торговаться, используя рудложский язык. Пленных лечили и сортировали, а потом проводили допросы – и у Демьяна накопилось уже с десятков толстых папок с ответами и по устройству Нижнего мира, и по планам их правителя, и по оснащению армии. Информацией он делился обычно неохотно, но не в этот раз – военные готовили донесение с кратким изложением основных фактов, которое в ближайшее время должно было быть отправлено коллегам-правителям. Отслеживал он и ситуацию на фронтах других стран, особенно на севере Рудлога и в Блакории – потому что, переломи захватчики ситуацию там, и пойдут через границу в Вермонт.

Главное, что он отметил после допросов: переходы открывались с помощью неких волшебных камней, и несработавших осталось всего два; а второе – что к заблокированным на склоне вскоре должно прийти невиданное подкрепление, которому, по словам их командующего, не страшно будет ни оружие противника, ни холод.

Демьяну очень не хотелось проверять, бахвалится ли командующий, поднимает так дух своих воинов или говорит правду. Если и узнавать, то от самого генерала, после захва-

та его в плен.

Сейчас все было готово к атаке: последние части армии Вермонта уже подошли к ставке и выстроились в соответствии с тактическими целями, перед ними были поставлены боевые задачи. Этой ночью военная техника должна была пересечь озеро – проверить, крепко ли встал лед. Нужно было дожидаться возвращения разведотрядов и объявлять наступление – иначе можно потерять и время, и преимущество.

– Ваше величество, – рядом появился адъютант, поежился незаметно, – какие будут приказания?

– Собери линдморов и командиров частей к семи часам утра, – проговорил Демьян, глядя на дальнее зарево. – Я пока поработаю. Свободен.

Адъютант поклонился, отошел – и король вернулся в палатку. Война войной, но нужно решать и невоенные проблемы.

Разведчики вернулись до рассвета. Лед технику выдержал, но кто знает, как поведет он себя, когда по нему пойдет армия и начнутся бои. Это и предстояло обсудить на совещании, прежде чем объявлять боевое построение.

Совещание длилось долго – согласовывались последние детали, и командиры один за другим выходили из палатки, сжимая в руках тактические карты и направляясь в расположение боевых групп. Ближе к полудню совещание закончилось: командование сверяло часы, а лагерь вокруг уже шумел, взбудораженный известием о скором выступлении.

– Обед, ваше величество? – поинтересовался адъютант, когда Вермонт вышел из палатки, щурясь на ярком полуденном солнце.

– Нет, Нёнсан, – проговорил Демьян, поглядев на далекий склон – над ним кружили стрекозы. – У меня есть еще дело, а потом я поохочусь. Кровь перед боем – то что нужно.

Он обернулся в медведя и потрусил меж палатками, слыша за спиной звук лап охранников. Он их не гнал, хотя и не любил сопровождение, тем более при охоте, – но он достаточно проявил беспечности ранее.

Солнце стояло высоко, полдень уже миновал. Демьян направлялся вглубь долины, за лагерь, туда, куда доходили дозорные. И в этот раз он встретил патруль – солдаты вытянулись, отдали честь, и он одобрительно помотал башкой.

За скалами, в зарослях ивняка, истоптанного медвежьими и человеческими следами, король потянул носом воздух, покружил по полянке, где таинственные помощники оставляли дозорным пленных, и пошел дальше. Здесь тоже все было в следах. Двигался он с полчаса, пока не дошел до входа в большую пещеру, из которого тянуло дымком, затхлым запахом мужского пота и слышались голоса.

Демьян обернулся к охране, рыкнул, приказав не мешать, и, подойдя ближе к пещере, прорычал повелительное:

– Выходите!

Некоторое время в пещере царило молчание. Затем раздались шаги – и на выходе, щурясь на ярком солнце, ста-

ли появляться люди. Линдморы, отправленные Демьяном во вторую ипостась. Сейчас солнце уже прошло полдень, Поля в Ренсинфорсе проснулась и обернулась, и наказанные вставали перед королем тоже в человеческой ипостаси. Они всё выходили и выходили – несколько десятков берманов, одичавших, грязных, угрюмых, и Демьян чувствовал и их напряжение, и напряжение двух своих охранников, подобравшихся за его спиной.

Он обернулся в человека, еще раз осмотрел непрошенных помощников. Отметил, что есть среди них раненые и что не все мятежные бароны здесь. Восемьерых не хватало.

– Где остальные? – спросил он сухо.

– Ушли охотиться с Великим Бером, – буркнул Ровент. – Тела мы насекомым не оставили, отбили; закончится война – похороним по чести в родовых землях.

Демьян кивнул, прошептав короткую молитву небесному отцу.

– Что скажете вы мне? – спросил он, снова осматривая их. Под взглядом его линдморы опускались на колени, в глазах их разгоралась надежда.

– Помилуй, мой король, – раздалось тихое.

– Помилуй!

– Просим!

– Помилуй!

Отзвучали последние голоса, наступила тишина.

– Я доволен вами, – сказал король рычаще. – Но я не про-

стиль бы вам жены, если бы она сама не просила за вас. Ее сердце мягче моего. Ее и отблагодарите потом. Я снимаю с вас наказание. Сейчас пойдете в лагерь, там отмоетесь, вам выдадут довольствие, кому нужно, обратитесь к врачам. Мне требуются боеспособные сильные берманы – кому тяжело сейчас держать в руках оружие, останетесь в лагере. Остальные завтра пойдут с моим личным отрядом. Вы много раз ходили к лагерю противника, и с вами пройти получится быстрее и надежнее, чем если бы мои разведчики попытались провести неопытный отряд. Мне нужно будет закрыть переход в другой мир, а вы будете закрывать меня.

Помилованные недоверчиво молчали.

– Это большая честь, мой король, – тихо проговорил Олверен Ровент.

– Это задача для смертников, – ровно ответил Демьян. – Многие не вернутся, потому что переход охраняют днем и ночью. И хотя до нашего появления там поработают орудия, а армия отвлечет основные войска противника, защищать портал будут ожесточенно. Вы это понимаете?

Линдмори закивали.

– Мы не подведем.

– Клянемся!

– Слава Великому Беру!

– И ты доверяешь нам? – недоуменно поинтересовался Ровент.

– Нет. – Вермонт невозмутимо посмотрел на него. – Но я

успею убить того, кто решит ударить в спину.

Весь день высоко над лагерем бермонтцев под тяжелыми снежными тучами вились стрекозы, стараясь держаться вне зоны попадания орудий, а вокруг «цветка»-перехода под прикрытием скал и расщелин мелькали туда-сюда всадники на охонгах, прячась на время обстрелов. Иномиряне словно чувствовали, что скоро решающее сражение, и стремились укрепиться, несмотря на работающую артиллерию. А над всей этой суетой мирно поднимались вечные горы, покрытые чистыми ледниками.

Король, вернувшийся с охоты в лагерь сытым и полным сил, собрал помилованных линдморов, успевших привести себя в пристойный облик, а также гвардейцев личной охраны и еще раз обговорил дальнейшие действия. А затем велел идти отдыхать.

К вечеру орудия Вермонта активизировались, обстреливая склон вокруг сияющего портала, – так делали уже несколько ночей, чтобы закрыть иномирянам возможность перебросить подкрепление из Нижнего мира. По долине под грохот канонады гулял воющий ветер, в темноте видны были только вспышки от ударов артиллерии да низкие облака со стороны иномирян, подсвеченные отблесками костров с дальней стороны склона. А лагерь бермонтцев опустел. Армия под прикрытием ночи двинулась в наступление.

У командиров стояла задача пройти по льду затопленной долины до склона и, поднявшись по нему двумя потоками,

окружить и атаковать врага, отрезав его от перехода и дав время королю закрыть его. Атака армейских частей должна была служить и отвлечением для защитников портала – тех, кого не упокоит работающая артиллерия.

В обезлюдевшем лагере, преклонив колени у походной часовни Хозяина лесов, стояли мятежные линдморы, несколько боевых магов и берманы личной охраны короля. Был здесь и сам Демьян – он закончил молитву, поклонился вырезанной из дерева полумедвежьей-получеловеческой фигуре первопредка, опирающегося на секиру, поднялся, оглядев вооруженный до зубов отряд, и приказал:

– Выступаем.

Внизу, во тьме долины, шла по льду армия, а наверху, слева от нее, по опасным склонам двигался королевский отряд – чтобы зайти к portalу с другой стороны. Далекие вспышки взрывов, лежащих на «цветок» и по его периметру, служили ненадежным ориентиром – человеку легко было бы сбиться с пути и потерять спутников. Берманов спасали нюх и оставленные первопроходцами метки, но все равно приходилось быть начеку: склоны были ненадежны и опасны – попадались то ледяные наплывы, то шаткие каменные осыпи, старые тропы были завалены рыхлым снегом от недавних метелей, и, не будь с отрядом тех, кто успел изучить путь, они все были бы уже похоронены под лавиной.

Демьян иногда останавливался у выступающих из снега

темных скал, в которых чувствовал средоточие родной стихии, постукивал по ним кончиками пальцев и вибрирующе порывивал. Из гранита, как из жидкого теста, вдруг показывались медвежьи фигуры варрантов, стихийных духов земли, – они уважительно ворочали перед его величеством каменными башками со светящимися зелеными глазами, слушали приказы и присоединялись к процессии. К концу четырехчасового пути впереди отряда из сотни берманов и пятерки людей тяжело шагали семнадцать варрантов, продавливая широкую тропу.

В паре километров от портала пришлось сделать крюк по глубокому снегу, чтобы обойти возможные ловушки.

– Иномиряне после каждого набега пытались пройти за нами, – рассказывал Ровент на совещании, – но мы уходили через ледяные поля и языки ледников, дабы не оставлять следов. Но они тоже непросты – устраивали засады, ставили ловушки. Несколько наших так и погибло. – Он сжал зубы, во рту блеснули клыки. – Нам приходилось каждый раз искать обходной путь, и сейчас тоже нельзя идти напролом.

Отряд остановился в полукилометре от «цветка»-перехода, скрывшись за скалой. Только что отгрохотали взрывы – снаряды ложились так близко к берманскому убежищу, что, казалось, вот-вот накроют его, и Демьяну пришлось поставить щит, хотя тратить силы не стоило, – но боевые маги не справились бы с защитой всего отряда. Во всполохах огня

вокруг портала видны были искореженные трупы инсектоидов и людей. Сейчас в наступившей тишине слышно было только, как воет ветер.

Демьян кивнул одному из боевых магов – и тот трижды тронул сигналку на запястье. Маг, дежурящий у позиции артиллерии, передаст командиру, что группа добралась до места и обстреливать этот район больше нельзя. Осталось дожидаться атаки армейских частей.

Ждать пришлось недолго: за пиком взмыли осветительные ракеты, и в их красноватом сиянии прогрехотали взрывы – заработали минометы с той стороны склона, началась перекличка автоматных очередей и уханье легких танков, способных пройти по снегу. Послышались тревожные звуки рогов иномирян, в свете падающих ракет заматались в небе дезориентированные раньяры – то и дело кого-то из них разрывало прямым попаданием, и они шлепались обратно. Раздалось отдаленное верещание сотен и тысяч охонгов, крики людей. Сражение началось.

– Вперед, – проговорил-рыкнул король, и отряд поспешно бросился к portalу, оглядываясь – нет ли незамеченной охраны. Но артиллерия поработала так хорошо, что никто не встал у них на пути. Метрах в двадцати от «цветка» бойцы остановились, готовясь защищать его величество, а Демьян отправился дальше в сопровождении лишь двух охранников. До рассвета оставалось немного: острия гор начали наливатьсЯ серым цветом и тьма уже была не такой непро-

глядной.

Король-медведь присел у края перехода, прижал руки к насту, прислушался. Родная земля отзывалась ярко, и он чувствовал, как ворочается в ней огромный стихийный дух. Духу земли не нравилось чужеродное пространственное образование, и он был рад, что потомок бога пришел закрыть его. Знать бы еще, что именно работает!

– Что же, – пробормотал его величество, отряхивая руки от снега, – попробуем так...

Он поднял руки над головой – и по обе стороны перехода с треском начал лопаться наст, вверх, скрежеща, поднялись плоские скалы – метров двадцать или тридцать в высоту. За спиной раздались выстрелы и гул огнеметов, близкое верещание инсектоидов, рев раньяров – значит, враги все же укрывались за выступами скал от обстрелов и обнаружили королевский отряд. Но Демьян не оглядывался: дрожа от натуги, он сводил руки вместе, и, подчиняясь этому движению, тяжелые скалы двинулись навстречу друг другу и с жутким грохотом сошлись, как две наковальни, высекая снопы искр и закрывая переход.

Демьян с облегчением вытер мокрый лоб – тело было слабым, – оглянулся, реагируя на предупреждающий крик охранника, и успел выхватить из воздуха молот и встретить напрыгнувшего на него охонга ударом, разорвав того в клочья.

Королевский отряд принимал бой: берманы поливали

с десятков инсектоидов из огнеметов, снимали их всадников прицельным огнем. Кто-то уже обернулся медведем, и слышно было агрессивное рычание. Отовсюду из расщелин и скал двигались к ним охонги – слишком много, слишком! – и из-за пика вылетало несколько «стрекоз». Маги прикрывали своих – периодически воздух сверкал Лезвиями или сотрясался от Таранов, каменные варранты, бросающиеся на передовую, молча рвали на куски охонгов – но духов было слишком мало, да и не могли они долго находиться вне родной стихии в таком активном состоянии. Демьян дернулся к своим – чтобы накрыть всех щитом, а там отобьются, – но разлившееся по снегу призрачное сияние заставило его обернуться и досадливо рыкнуть ругательное в свой адрес.

Ранее захлопнувшиеся скалы бесшумно валились в снoва проступающий переход – падали в него огромные камни, сыпались глыбы льда и снега, очерчивая контуры «цветка» и пропасть посередине.

Не вышло.

Раздался знакомый гул – на Демьяна пикировала «стрекоза» со всадником, Вермонт увидел его бледное от страха лицо, швырнул в чудовище молот – башка раньяра разлетелась, тело отшвырнуло куда-то далеко.

– Не вышло, мой король? – проорал каким-то образом появившийся рядом Ровент. Бойцы отступали и сейчас, образовав полукруг вокруг короля, отбивали атаки инсектоидов. Стояли свист, ор, рев, рычание. – Ты вообще знаешь, как это

делать?

Демьян оскалился, рывкнув на слишком говорливого линдмора, и, отвернувшись, опустил на колени лицом к portalу, зашарил руками по насту, как слепой. В руки ему ткнулись притянутые его волей две стихийные жилы – и он потянул их на себя, вверх, вставая, и вместе с ними поднимались в небеса мегатонны породы... Выше, выше, выше!

Он засипел от натуги, чувствуя, как трещат связки и мускулы. С нутряным земляным стоном вставали по обе стороны от перехода каменные стены. Огромные, как две гранитные ладони, они все росли – сто метров, двести, триста...

Из-за гор вышло солнце, на лицо Демьяна упали лучи и тут же скрылись за поднимающимися скалами. Король дрожал, стараясь не моргать, чтобы не потерять сознание. Лицу стало горячо. Он облизнулся – из носа текла кровь.

За его спиной ожесточенно сражались и умирали его люди, а он все тянул гранитные стены вверх, пока «цветок» не оказался на дне глубокой пропасти, – а затем с силой свел ладони.

Загрохотало. Каменные стены столкнулись с таким ревом, что затряслось все вокруг. Стокнулись, сдавливая «цветок» перехода, и замерли на секунду в оглушающей тишине – но по ним побежали трещины, и огромные глыбы стен начали рушиться в провал, складываясь в него как карточный домик. Демьян, откатом брошенный в снег, засипел от разочарования и слабости, глядя за замедленным обрушением чу-

довищных пиков. А затем перевернулся на живот, вспорол себе ногтем запястье и, впечатав его в наст, зарычал, прижавшись щекой к снегу.

Стихийный дух откликнулся сразу – будто ждал этого приношения и будто дело было на алтаре, питающем Стену, а не далеко от него в горах. Кровь зашипела, впитываясь; ткнулись вверх, сквозь снег, острия-камни, пронзая вторую ладонь, – много сил нужно было духу, большой оплаты он требовал. Многолетний слежавшийся наст вокруг короля вдруг взорвался зеленоватой дымкой – словно некто огромный снизу стукнул кулаком, и поднялся к небу сияющий белый столб, обнажая камень, а дымка впиталась в тело Демьяна. То стихийный дух отдал часть своей силы в обмен на кровь.

Вермонт, шатаясь, с трудом встал на четвереньки – руки светились зеленоватым и вязли в камне, как в тесте, – и, чувствуя гору, как свое тело, поднял голову, глядя на лежащий выше ледник, погрузил пальцы глубже в гранит и пошевелил ими.

Гора загудела, а сияющий в свете солнца ледник вдруг пошел аккуратными трещинами, будто кто-то снизу разрезал его, как торт, заревел, затрещал – и выплюнул длинный узкий «язык», который за какие-то секунды донесся до портала, врезался в поднятые Демьяном и продолжающие обрушаться скалы, а затем, обсыпав и короля, и застывших от ужаса противников снежной крошкой, потек в переход,

перемалываясь и перемешиваясь с камнем и землей. Портал замигал, контуры его начали искажаться, скручиваться – и тек, и тек в него гигантский ледопад, пока тот не схлопнулся.

Ледник с ворчанием продолжал ползти вниз, в долину, переваливаясь через остатки скал и уходя вправо от бойцов. А его величество поднялся на слабых ногах, достал из воздуха молот и пошел на помощь своим.

Они укрепились у осколка скалы, вжавшись в нее спинами и отражая атаки взбесившихся раньяров и охонгов. Армейским частям был послан сигнал о помощи – но, судя по всему, остальным войскам тоже приходилось несладко. Вермонт держал щит сколько мог – но силы утекали, и пришлось отказаться от него. Боевые маги, израсходовав резерв, взяли в руки обычное оружие. Они должны были открыть Зеркала для эвакуации отряда, но не сумели из-за сильнейших стихийных возмущений после действий Демьяна. Один за другим возвращались в землю каменные охранники-варронты – их время истекало, – падали берманы охраны и линдморы, прикрывая друг друга и короля, и никому не было дела, кто тут мятежник, а кто нет.

Мелькнула мысль, как будет стыдно перед Пол, если он снова умрет. Мелькнула – и пропала, вытесненная свистящим жаром битвы. Демьян в очередной раз встретил налетевшего раньяра ударом молота и покачнулся – в глазах потемнело. Слишком много сил отдал. Не упасть бы.

Его кто-то подхватил, помог опереться спиной о скалу. Ровент. Черты помощника расплывались, как и всё вокруг. Охонги и планирующие сверху раньяры казались черными пятнами, и Демьян закрыл глаза, чтобы прийти в себя, – сейчас ему было проще ориентироваться по звукам и запахам. От окружающих берманов несло порохом, животным потом, кровью и адреналином. От инсектоидов – муравьиной кислотой и страхом их наездников.

– Наши идут, мой король, – раздался рычащий голос Ровента. – Недолго продержаться... – Линдмор выругался, судя по звукам, прыгнул куда-то в сторону. Совсем рядом раздался гул крыльев, животный визг, звук испаряемой плоти, заглушаемый криками защитников короля и звуками автоматных очередей. Демьян, покачнувшись, открыл глаза. В нескольких шагах от него опустившийся раньяр трепал одного из охранников, обернувшегося медведем, – бок был уже разворочен, и красная кровь лилась на и так пропитанный ею снег. Позади к защитникам, качаясь на тонких лапах и проваливаясь в снег, подбирались охонги – может, десятков шагов был до них или два. Берман визжал от боли и ярости, пытаясь выворачиваться из страшных челюстей, драться, и без толку царапал лапами по хитину. Глаза его уже закатывались – и Демьян, сглотнув слюну с кровью, оттолкнулся от скалы и под предупреждающий крик Ровента прыгнул к чудовищу, впечатывая меж огромных фасеточных глаз мо-

лот. Отвернулся от издохшей «стрекозы» – и тут же засипел от боли, задергался, вцепившись в лапу охонга, пронзившего его грудь. Из последних сил получилось рвануть вперед, прижимая инсектоида к скале, вибрирующе и гортанно отдать приказ своей стихии – камень поглотил охонга до половины и снова застыл, дробя его панцирь и внутренности.

Демьян выронил молот, застонал, выворачивая и выламывая из себя лапу мертвого чудовища. Глаза застило кровавым туманом, на губах запузырилась пена, ударило в голову яростью от запаха собственной крови. В груди остался осколок лапы-лезвия – а Вермонт, почерневший, с безумным взглядом, развернулся, разрывая на себе начавшую вдруг мешать одежду. По телу его пробежала дрожь, и он зарычал в сторону нападающего на него очередного охонга – всадника уже подстрелили, и он болтался, свесившись с седла, а пули сухо стучали по хитину и влажно вонзались в человеческую плоть. Демьян схватил инсектоида за морду, голыми руками раздирая пополам, а затем, видя только черные пятна сквозь кровавый туман, метнулся вперед, к следующему, недовольно и легко отшвырнув бросившихся ему наперерез охранников.

– Отец милосердный! – закричал с отчаянием Ровент. – Берсеркер!

– Не лезьте ему под лапы! – заорал еще один из линдморов. – Он сейчас не разбирает своих и чужих!

Его величество с торчащим из груди осколком остерве-

нело рвал на части инсектоидов – он был уже весь окровавлен, покрыт множеством порезов, но неумолимо несясь вперед, на очередную жертву, с рычанием рвал ее, тряс содрогающимися огромными останками над головой и бросал их в стороны.

– Как его остановить?

– Никак! Берсеркер у Бермонтов просыпается от тяжелых ран! Не остановится, пока не упадет замертво!

– Надо! Надо остановить!

Демьян слышал эти крики, но не понимал их – в голове гудело, и он, отбросив оторванную у охонга лапу, харкнул кровью на наст и огляделся, дрожа, скалясь и бросаясь в разные стороны, выбирая новую добычу. Враги в страхе отступали – нок королю приближался огромный тха-охонг: такой же появился у Василины на дне рождения. Всадник на спине его отдавал приказы, прячась от выстрелов за хитиновыми выростами, – а тха-охонг, похожий на гигантского муравья, скрещенного с богомолем, верещал и качал башкой размером с автомобиль. Вот он поднялся во весь рост, заслонив солнце и дергая лапами. Демьян зарычал, бросаясь вперед, – чудовище на мгновение застыло, озадаченное таким поведением, когда ему в бок врезался снаряд, разворотивший хитин и взрывной волной отбросивший Вермонта назад, – а затем еще один и еще, и гигантская уже мертвая туша начала медленно заваливаться на короля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.